

ТАЙНЫ

Бек XIX

РУССКИЙ СЫЩИК
И. Д. ПУТИЛИН

Том 1

ИСТОРИИ

в романах, повестях и документах

И ТАЙНЫ ИСТОРИИ

Век XIX

Русский сыщик

И. Д. Путилин

**Преступления,
раскрытые начальником
Санкт-Петербургской
сыскной полиции
И. Д. Путилиным**

Том 1

**МОСКВА
«ТЕРРА»—«TERRA»
«Книжная лавка—РТР»
1997**

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус) 1
Р89

Художник
И. МАРЕВ

Русский сыщик И. Д. Путилин: В 2 т. Т. 1. — М.:
Р89 ТЕРРА; «Книжная лавка — РТР», 1997. — 272 с. —
(Тайны истории в романах, повестях и документах).

ISBN 5-300-01101-0 (т. 1)
ISBN 5-300-01100-2

Эта книга о знаменитом, талантливом русском сыщике прошлого века Иване Дмитриевиче Путилине (1830–1893). Профессионал высокого класса, он прошел путь от младшего помощника надзирателя на рынке до начальника Санкт-Петербургской сысской полиции.

В первую книгу вошли «Записки начальника Санкт-Петербургской сысской полиции И. Д. Путилина» и воспоминания А. Кони «Иван Дмитриевич Путилин».

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус) 1

ISBN 5-300-01101-0 (т. 1)
ISBN 5-300-01100-2

© Издательский центр «ТЕРРА», 1997
© «Книжная лавка — РТР», 1997

ИВАН ДМИТРИЕВИЧ ПУТИЛИН

(Биографический очерк)

И. Д. Путилин принадлежит к тому нередкому, к счастью, типу даровитых русских людей, которые только собственным трудом и способностями проложили себе дорогу в жизни.

Сын бедного чиновника (коллежского регистратора), И. Д. родился в г. Новом Осколе, Курской губернии, в мае месяце 1830 г. Родители его перебивались, что называется, с хлеба на квас, и по достижении Ваней десятилетнего возраста определили его в Ново-оскольское же уездное училище, курс которого был окончен мальчиком в 4 года. Учился он в этом училище, как видно из сохранившегося «свидетельства», в общем только посредственно, при хорошем поведении. Впрочем, судя по воспоминаниям самого И. Д., в этот период своей жизни ни он особенно не налегал на книжное ученье, ни домашние не налегали на него во имя того же ученья. Школьной тогдашней науке он предпочитал игры со сверстниками на открытом воздухе. Это было и к лучшему. Подобный режим укрепил его здоровье и способствовал выработке самостоятельного и энергичного характера.

Как бы то ни было, но четырнадцать лет молодой Путилин уже окончил курс «уездной» науки, а материальные недостатки семьи заставляли серьезно призадумываться и его, и родителей о приискании какого-либо места.

И вот, послужив несколько лет в Новом Осколе, молодой И. Д. Путилин решается отправиться в Петербург попытать счастья. Это было в пятидесятых годах, то есть И. Д. было в это время около двадцати лет.

Отправляясь в столицу, И. Д., положим, имел там некоторую, как говорят, «заручку»: старший брат его, Василий, получивший образование в Межевом институте, служил здесь уже несколько лет в Министерстве Внутренних Дел. Он же содействовал и тому, что прибывший в Петербург младший брат поступил на службу канцелярским служителем в то же министерство, в Хозяйственный Департамент.

Способности и необыкновенное трудолюбие молодого человека, скромнейшего «канцелярского служителя», были скоро замечены и оценены здесь. Но с одним свидетельством об окончании уездного училища И. Д. Путилину пришлось бы если и не всю жизнь, то, во всяком случае, очень и очень долго пробыть в положении кан-

целярского писца. Это заставило молодого человека призадуматься. Случилось, к счастью, что непосредственный начальник И. Д., столоначальник, а впоследствии и вице-директор, И. А. Виноградов принял в своем канцеляристе близкое участие и советовал ему учиться еще и еще.

Все свои свободные вечера и часы И. Д. начал проводить с этих пор за книгой. Из своего более чем скромного жалованья он ухитрялся кое-что урывать на наем учителей из студентов. И старания его увенчались успехом. В 1853 году, то есть на 23-м году жизни И. Д. выдержал при Санкт-Петербургском университете экзамен из полного гимназического курса, что дало ему право быть причисленным по образованию ко 2-му разряду гражданских чиновников. Но на службе в Хозяйственном Департаменте Министерства Внутренних Дел И. Д. Путилин пробыл лишь до конца 1854 года. В декабре же этого года он решил перейти на более подвижную, хотя и более хлопотливую полицейскую службу. По прошению он был перемещен на должность младшего помощника квартального надзирателя Толкучего рынка.

С этой маленькой должности началась полицейская почти сорокалетняя карьера И. Д. Путилина, с этого же времени начались непрестанные и быстрые успехи его по службе, отличия и награды. А с 1886 года, когда при Санкт-Петербургском обер-полицеймейстере было учреждено управление сыскной полиции, И. Д. был назначен начальником последней. Это управление сыскной полицией продолжалось почти непрерывно с 1866 года по 1889 год; и свою службу И. Д. окончил в чине тайного советника со звездой Анны 1-й степени. Досталось все это, впрочем, новейшему русскому Лекоку, как сейчас увидим, не даром.

Самый беглый пересмотр истории всякого рода мошенничества и преступлений второй половины прошлого столетия тотчас показывает, что в лице И. Д. Путилина преступные элементы России имели достойного противника. Благодаря ему огромные суммы денег были возвращены казне и частным лицам, сделавшимся жертвой различного рода преступлений; был изобличен и раскрыт целый ряд грандиозных мошенничеств, подлогов, таможенных преступлений, поджогов, подделок кредитных билетов, загадочных убийств и всякого иного вида и сорта преступных деяний... Следует добавить при этом, что масса преступлений была предупреждена, благодаря его же предусмотрительности, энергии и образцово поставленному при нем сыску. И. Д. приходилось руководить органами дознания в то время, когда наши новые судебные учреждения только что создавались, а только что нарождавшаяся следственная власть действовала часто ошупью и наугад. При подобных обстоятельствах услуги такого талантливого, опытного и неподкупного руководителя сыском, каков был Путилин, являлись, конечно, незаменимыми. Вот почему не приходится удивляться ни сравнительно быстрому движению И. Д. по иерархическо-полицейской лестнице, ни полученным им чи-

нам, ни многочисленным различным русским и иностранным знакам отличия и орденам. Формуляр долголетней службы покойного так испещрен перечислениями всех этих наград, что приводить их здесь было бы скучно и утомительно.

И. Д. Путилин был полицейским в лучшем смысле этого слова не только по службе, но и по призванию. Об этом свидетельствует как то, что он сам добровольно избрал род этой деятельности, так и то, как любовно относился он к своему делу. Тотчас, при самом начале своей полицейской карьеры в должности младшего помощника квартального надзирателя на Толкучем рынке, он с интересом и серьезно начал знакомиться с преступным миром Петербурга. Первый попавшийся ему в начальство квартальный надзиратель оказался человеком весьма строгим и требовательным по службе. И. Д. пришлось пройти хорошую начальную школу. Независимо от этого он, из любви к искусству, в свободные часы переодевался в костюм чернорабочего, или босняка, или в иной и посещал всякого вида и рода постоянные дворы, притоны, трактиры и вертепы, где околачивалась всякая бесприютная и преступная петербургская перекатная голь и нищета. Здесь он вслушивался, запоминал речи, разговоры и лица, изучал воровской жаргон, заводил даже всякого рода знакомства.

Подобное «изучение» иногда было далеко не безопасно. Так, на первых порах этого изучения И. Д. попал однажды в «Золотой якорь» на Васильевском острове, и здесь во время поднявшейся общей свалки ему, между прочим, так помяли бока, что он насилу ушел. Этот урок, впрочем, нисколько не охладил усердия молодого человека, и он продолжал свою практику. Зато разыгрывать роли, то чернорабочего, то купца, то босняка, то даже духовного лица, он научился в совершенстве, и это в течение всей его дальнейшей карьеры сослужило ему немалую службу.

Интересные факты рассказывал по этому поводу покойный. В особенности пригодились ему это умение переодеваться и играть роли при раскрытии знаменитой в свое время фабрикации фальшивых ассигнаций в Богородском уезде Московской губ., организованной в широких размерах братьями Пуговкиными. И. Д. приходилось здесь играть роль дьякона, якобы высланного из Москвы на послушание... Дело удалось раскрыть блестяще. Оказалось, что подделка кредиток была доведена до совершенства и сбывалось их не менее полумиллиона ежегодно. Обвиняемые пригласили лучших адвокатов своего времени, и защита велась блестяще. Но Путилину удалось найти и блестящих в своем роде свидетелей. Так, один из них на вопрос председателя: «Что вам известно по делу Пуговкиных?» — ответил:

— Ничего не известно.

— Ну, а чем занимались братья Пуговкины? — спрашивают его.

— Чем?.. Известно чем, — был ответ, — деньги делали!.. Это всякий мальчонка знал.

Этот простой, но искренний ответ произвел свое впечатление на присяжных, и все красноречие адвоката не могло его изгладить. Пуговкины пошли на каторгу.

Следует отметить еще одно замечательное наблюдение, вынесенное И. Д. из своей многолетней практики. Самых закоренелых преступников и страшных убийц он всегда допрашивал в своем кабинете с глазу на глаз. И не было случая, чтобы кто-либо когда-нибудь поднял на него руку или даже оскорбил его словом.

Сам покойный объяснял это так:

— У меня никогда не было готовой формулы для допроса. Я никогда не старался запутать преступника, поймать его в противоречиях и тем озлобить. Наоборот, я беседовал с ним, как с хорошим знакомым даже, и старался ему внушить, что он не изверг, не злодей, а несчастный человек, достойный всякого сострадания... Редко когда не удавалось при этом добиться полного сознания... Правильнее сказать даже, что после ряда бесед выходило всегда так, что преступник открывал мне, как говорится, всю душу...

Это гуманное отношение к преступникам, как это ни странно, создавало И. Д. «приятелей» в этом своеобразном мире. И частенько, отправляясь в тюрьму по тем или иным делам, Путилин находил здесь старых знакомых арестантов, которые расспрашивали об обстоятельствах дела и... по секрету давали ему весьма ценные указания и советы...

В 1889 году закончилась почти сорокалетняя полицейская служба Ив. Дм., удалившегося по болезни окончательно в отставку с чином тайного советника. Надо заметить, что в промежутки с 1866 по 1889 год он три раза покидал пост начальника сыскальной полиции, но на самое незначительное время. По восстановлении здоровья он немедленно призывался опять на свое место, и это, между прочим, может служить тоже немалым доказательством, насколько Ив. Дм. был ценим.

По выходе в отставку Путилин поселился в своей усадьбе на реке Волхове в Новоладожском уезде. Здесь на свободе у него созрела мысль разработать и издать в виде записок накопившийся у него за долготлетнюю службу интереснейший материал по всякого рода уголовной хронике России. Нечего и говорить, насколько были бы интересные подобные записки, доведенные до конца непосредственно самим Ив. Дм. Он уже и принялся было за них. Привел в порядок многие бумаги, набросал план и распорядок записок, принялся за их детальную разработку.

Но как раз в то время, когда он желал приступить к печатанию своих записок, смерть неслышно подкралась к нему и унесла его в могилу. 18 ноября 1893 года в 7 часов вечера Ив. Дм. умер у себя в деревне от инфлюэнцы, осложненной острым отеком легких, как определил причину его смерти местный земский врач.

Так окончилась жизнь этого бесспорно замечательного в своем роде служилого русского человека. К сказанному остается только прибавить, что после покойного не осталось никакого состояния...

При жизни, с помощью жалованья и пенсии, он еще всячески изворачивался и мечтал даже удержать за собой приобретенную с помощью всяких банковских комбинаций и займов усадьбу. Но с его смертью рухнуло все. И движимое, и недвижимое пошло «с молотка» для расчета с кредиторами...

В руках наследников остались только отцовские записки да груды всяких интересных материалов. Этим единственным наследством они теперь, при посредстве издателя И. А. Сафонова, намерены поделить с публикой.

Многие у нас с некоторым предубеждением относятся к «полицейской» карьере. Быть может, у них есть к тому и некоторые основания. Но во всяком случае надеемся, что приводимые ниже «записки» докажут еще раз ту старую истину, что талантливый и честный человек всюду может быть полезен для своей родины и что не место красит человека, а наоборот...

1908 г.

РАССКАЗЫ

УБИВЕЦ

В 187* году, поздней осенью, в Управление сыскной полиции явился неизвестный человек, прося дать ему свидание с начальником.

В это время я был чем-то особенно занят и мне было не до приемов. Но дежурный агент снова доложил, что явившийся желает видеть лично меня по какому-то очень важному делу, что он хочет сообщить о каком-то весьма важном убийстве, знает все дело, знает убийцу, чуть ли не был при этом сам...

Надо было принять.

Ко мне вышел, держа руки в карманах, ражий детина лет 25—30, высокий худощавый брюнет.

— Разве сегодня холодно, что у вас руки озябли? — спросил я.

— Так точно-с! — был ответ.

— Отчего же вы не носите перчаток?

— Не привыкли-с.

Видя, что незнакомец не понимает, к чему клонится речь, я переменял разговор.

— Что у вас там в кармане? Принесли что-нибудь? Так вынимайте и показывайте!

Мой посетитель молча вынул довольно большое чугунное кольцо и положил его предо мной на стол.

— Это что? — спросил я раздраженно. — И вообще, что вам от меня нужно?

Парень выпрямился и принял грустный вид.

— По убийству, ваше превосходительство. Убийец я, и прошу сослать меня на каторгу!

Эта явка с повинной показалась мне сразу странной и неестественной.

— Ну-ка, расскажи, в чем дело...

— Я убил свою невесту, ваше превосходительство. Полюбил я одну девушку и хотел на ней, значит, жениться. Выправил бумаги; к свадьбе заминки никакой. Зову Машу к венцу, а она мне вдруг взяла да и отказала. «Очухайся ты, — говорит, — пьяная рожа. Проснись, бесстыжие твои глаза. Семь лет ты собираешься жениться, а женился ли?» Подкатила тут злоба мне под самое сердце, я и решил ее убить. Позвал ее гулять. Она пошла. Я захватил с

собой это самое кольцо. Шли мы по Фонтанке, завел я ее к портомойне за Цепным мостом, кругом ни души, да и поздно. Тут я ее и чубурахнул этим самым кольцом, а она прислонилась к перилам набережной и говорит: мерзавец ты, говорит, Васька... Я ее оглушил другой раз, взял за шиворот, да и сплавил...

Парень помолчал.

— Три недели никому не говорил, да совесть замучила, покоя нет... Спасите, сделайте милость, ваше превосходительство, отправьте на каторгу...

Налицо было все: признание и орудие преступления, жертва преступления была подробно описана, место было указано, указал он также и то, где до убийства жила его Маша. Казалось, обнаруживается преступление, а предо мной виновный, которого карает совесть.

Случая убийства за приведенное повинившимся время по моим сведениям не было, тем не менее усумниться было нельзя. Да и с какой стати человеку взводить на себя такой ужасный поклеп?

Предупредив для формы моего «убийца», что если его показание не подтвердится, то он будет наказан, я передал его дежурному чиновнику для снятия формального допроса и для дальнейшего разьяснения и расследования дела.

И что же?

Весь его рассказ оказался пустым вымыслом.

Объявленная убитой девушка была жива, здорова, и никто на ее жизнь не посягал. Явившийся с повинною действительно был ее женихом, и дело клонилось к свадьбе, но в последнее время он стал пьянствовать, вести беспорядочную жизнь, почему девушка и отказалась выйти за него замуж.

«Жертву» привели на очную ставку с «убийцей». Это, однако, нисколько не изменило его показаний. Он с самым спокойным и уверенным видом утверждал, что убил ее и что она осталась в живых, вероятно, потому, что «нырнула под лед, да выплыла». Когда же девушка стала утверждать, что в указанный вечер она с ним даже не виделась, то он горячо просил не верить ей и «сделать милость, сослать его в каторгу».

Услышав слово «каторга», девушка упала мне в ноги и в свою очередь начала умолять меня не ссылать ее Васю в каторгу, а Вася твердил свое:

— Достоин я, каторжник я!.. Прощай, Маша! Сгубила ты меня своим коварным характером, из-за тебя иду в каторгу!

Девушка, в простоте душевной, видя Васю в руках полиции, решила, что он вследствие отказа ее и собственного самообвинения непременно пойдет в каторгу, и тут же дала согласие выйти за него замуж («лишь бы его не сослали...»). Я приказал все же Васю посадить в арестантскую, а девушку отпустить домой. Но «убийец» продолжал упорно настаивать на своей виновности и просить о ссылке.

После разных разговоров, видя, что совокупность добытых дознанием фактов явно уличает его во лжи, мнимый убийца, окон-

чательно запутавшийся в показаниях, начал уступать, а после четырех дней заключения в арестантской его болезненно настроенное воображение улеглось. Он пришел в себя и сознался, что все это убийство ему померещилось, что он его выдумал...

Чем объяснить это психологическое явление? Во всех других отношениях субъект этот оказался совершенно нормальным. Полиция много работала, чтобы выяснить, не имел ли на самом деле место подобный описанному им случай убийства, но было неопровержимо установлено, что это ложь. Не менее твердо было установлено и то, что никаких мотивов к ложному самообвинению у этого самозваного преступника не было. И если бы обстоятельства этого дела не были выяснены с такой полнотой, если бы, например, предполагаемая жертва не была бы отыскана полицией или если бы вообще в деле оказался хотя бы самый незначительный сомнительный пункт, — желание этого чудака попасть на каторгу, далеко не к торжеству правосудия, несомненно, исполнилось бы...

Что это за вид умопомешательства, — мне так и не удалось потом разъяснить. Иные говорили: алкоголизм, иные — вид падучей, иные — называли еще что-то... Но меня — выдавшего всяких больных, упомянутых типов, и имевшего дело с этим дюжим Васей — все эти объяснения не удовлетворили... Так он и остался для меня психологической загадкой и до сих пор, хотя явка с повинной в несовершенном преступлении было явление вовсе не редкое в практике моих дознаний.

УБИЙСТВО КНЯЗЯ ЛЮДВИГА ФОН АРЕНСБЕРГА, ВОЕННОГО АВСТРИЙСКОГО АГЕНТА

Вот одно из самых диких и, как потом выяснилось, одно из самых бессмысленных преступлений, доставивших мне наиболее хлопот и тревог... Слава Богу! Сыск оказался на высоте, и все окончилось благополучно, если можно только в данном случае говорить о каком-либо «благополучии». Но скажу сначала несколько слов об обстоятельствах и времени, когда случилось это неслыханное по своей дикости преступление.

Это было почти на первых порах моей деятельности в качестве первого начальника управления сыскной полиции, учрежденного при С.-Петербургском обер-полицеймейстере (потом градоначальнике) в 1866 году. Почти одновременно с этим вводились новые судебные уставы, и здесь на практике на первых порах между представителями новых судебных учреждений и сыской частью часто возникали разные недоумения на почве взаимных прав и прерогатив.

Случай тяжелого испытания, как для новоучрежденной прокурорской и следственной власти, так и для сыска новой организации и представился в 1871 году, когда ввиду личности убитого и могущих отсюда произойти политических недоразумений было категорически потребовано свыше, чтобы преступники были обнаружены немедленно и во что бы то ни стало...

Итак, 25 апреля 1871 года часу в девятом утра в управление сыскной полиции мне было дано знать, что австрийский военный агент, князь Людвиг фон Аренсберг, найден камердинером мертвым в своей постели.

I

Скажу несколько слов о личности и жизни князя.

Он жил на Миллионной улице в доме бывшем князя Голицына, близ Зимнего Дворца, как раз против помещения первого батальона Преображенского полка.

Князь занимал весь нижний этаж дома окнами на улицу. Квартира имела два хода: парадный, с подъездом на Миллионную, и черный. Парадные комнаты сообщались с людскими довольно длин-

ным коридором, оканчивавшимся небольшими сенями. Верхний этаж дома был не занят.

У князя было шесть человек прислуги: камердинер, повар, кухонный мужик, берейтор и два кучера. Но из всех их лишь один кухонный мужик находился безотлучно при квартире, ночуя в людской. Камердинер и повар на ночь уходили к своим семьям, жившим отдельно, берейтор тоже постоянно куда-то отлучался, кучера же жили во дворе в отдельном помещении.

Князь был человек еще не старый, лет под 60, холостой и прекрасно сохранившийся. Он мало бывал дома. Днем разъезжал по делам и с визитами, обедал обыкновенно у своих многочисленных знакомых и заезжал домой только часов около восьми вечера. Здесь час, много два отдыхал и вечер проводил в яхт-клубе, возвращаясь домой с рассветом.

Не желая, вероятно, иметь свидетелей своего позднего возвращения, а может быть, руководясь иными соображениями, но швейцара при парадной входной двери князь не захотел держать и настоял на том, чтобы домовладелец отказал бывшему прежде швейцару. Ключ от парадной двери для ночных возвращений он держал при себе.

Когда князь бывал дома, парадная дверь днем оставалась открытой.

II

Получив известие о смерти князя фон Аренсберга, я, конечно, не теряя ни минуты, направив к квартире князя нескольких своих агентов, бросился туда сам. Вскоре за мной явился туда же прокурор окружного суда, а вслед за ним масса высокопоставленных лиц, в том числе Его Императорское Высочество принц Петр Георгиевич Ольденбургский, Герцог Мекленбург-Стрелицкий, министр юстиции граф Палент, шеф жандармов граф П. А. Шувалов, тогдашний австрийский посол при нашем дворе граф Хотек, градоначальник Санкт-Петербурга генерал-адъютант Трепов и многие другие...

Дело всполошило и взволновало весь Петербург. Государь повелел ежедневно докладывать ему о результатах следствия. Надо сознаться, что при таких обстоятельствах, в присутствии такого числа и таких высоких лиц было не только труднее работать и соображать, но даже, как мне казалось, было поставлено на карту существование самой сысковой полиции, не говоря уже о моей карьере.

«Отыщи или погибни!» — говорили, казалось, мне глаза всех. Но надо было действовать...

Предварительный осмотр дал только следующее.

Никаких взломов дверей или окон не замечалось. Злоумышленник или злоумышленники вошли в квартиру, очевидно, открыв дверь ключом.

Из показаний прислуги выяснилось, что около шести-семи часов утра камердинер князя вместе с поваром возвратились на Миллионную, проводя всю ночь в гостях.

В половине девятого часа камердинер бесшумно вошел в спальню, чтобы разбудить князя. Но при виде царившего в комнате беспорядка остановился как вкопанный, затем круто повернул назад и бросился в людскую.

— Петрович, с князем несчастье!.. — задыхаясь, сказал он повару, и они оба со всех ног бросились в спальню, где глазам их представилась картина убийства: опрокинутые ширмы, лежавшая на полу лампа, разлитый керосин, сбитая кровать и одеяло на полу. Голые ноги князя торчали у изголовья, а голова была в ногах кровати.

— Оставайся здесь, а я пошлю дворника за полицией, — сказал повар.

Накануне же этого несчастного дня, т. е. 24 апреля 1871 года, князь, по обыкновению, в 9 1/4 часов вечера вышел из квартиры и приказал камердинеру разбудить себя в 8 1/2 часов утра. У подъезда он взял извозчика и поехал в яхт-клуб. Камердинер затворил на ключ парадную дверь, поднялся в квартиру и, подойдя к столику в передней, положил туда ключ от парадной. (У князя, как я уже говорил, в кармане пальто всегда находился второй ключ, которым он отворял входную дверь, чтобы не беспокоить никого из прислуги; дверь же от квартиры оставалась постоянно отпертой.)

Камердинер убрал спальню, приготовил постель, спустил шторы, вышел из комнаты, запер их на ключ и через дверь, которая соединяла коридор с сенями, отправился в людскую, где его поджидал повар; четверть часа спустя камердинер с поваром сели на извозчика и уехали. Вот и все, что удалось узнать от прислуги.

III

В комнате-спальне князя царил хаос. Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться, что князь был задушен после отчаянного с его стороны сопротивления.

Лицо убитого было закрыто подушкой, и когда по распоряжению прокурора подушка была снята, то присутствующие увидели труп, лежащий ногами к изголовью. Руки его были сложены на груди и завернуты в конец простыни, а затем перевязаны оторванным от оконной шторы шнурком. Ноги были тоже завязаны выше колен собственной рубашкой убитого, около щиколоток же они были перевязаны обрывком бечевки. Когда труп приподняли, то под ним нашли фуражку.

Одеяло и подушки валялись на полу, залитом керосином из разбитой и валявшейся тут же лампы. На белье были видны следы

крови, вероятно от рук убийц, так как на теле князя никаких ран не было.

По словам камердинера, похищены были разные вещи, лежавшие в столике около кровати: золотые французские монеты, золотые часы, два иностранных ордена, девять бритв, серебряная мыльница, три револьвера и принадлежавшая покойному пуховая шляпа — цилиндр.

В комнате рядом со спальней мебель была перевернута. На крышке нескораемого сундука, где хранились деньги князя и дипломатические документы, были заметны повреждения и следы крови. Видимо, злоумышленники потратили много сил, чтобы открыть сундук или оторвать его от пола, но толстые цепи, которыми он был прикреплен к полу, не поддались. Около окна валялся поясной ремень, а на окне стояла маленькая пустая «косушка» и лежал кусочек чухонского масла, завернутый в бумагу.

Вот данные, с которыми предстояло начать поиски.

IV

Чтобы иметь еще какие-нибудь улики, я начал внимательно всматриваться в убитого и заметил, что труп князя лежал головой в сторону, противоположную от изголовья кровати.

«Это положение трупа не случайное», — подумал я. Злодеи во время борьбы прежде всего постарались отдалить князя от сонетки, висевшей как раз над изголовьем, и за которую князь неминуемо должен был ухватиться рукою, если бы злодеи на первых же порах не позаботились переместить его тело так, чтобы он не мог уже достать сонетки и, стало быть, позвать к себе на помощь спавшего на кухне кухонного мужика.

Но так поступить, очевидно, мог только человек домашний, знавший хорошо привычки князя и расположение комнат.

Вот первое заключение, сложившееся у меня в те несколько минут, которые я провел у кровати покойного. Само собой разумеется, что этих предположений я не сообщал покуда ни прокурору, ни всему блестящему обществу, присутствовавшему в квартире князя при осмотре.

Я принялся опять за расспросы камердинера, кучеров, конюха, дворника и кухонного мужика.

Не надо было много труда, чтобы убедиться, что между ними убийцы нет. Ни смущения, ни сомнительных ответов, ни вообще никаких данных, внушающих хотя бы тень подозрения на домашнюю прислугу князя, не обнаружилось. С этой стороны вопрос, как говорится, был исчерпан... И все-таки я не отказывался от мысли, что убийца князя — близкий к дому человек.

Тогда я вновь принялся за расспросы прислуги, питая надежду, что между знакомыми последней найдутся подозрительные лица.

Надо сказать, что прислуга покойного князя, получая крупное жалованье и пользуясь при этом большой свободой, весьма дорожила своим местом и жила у князя по нескольку лет — исключение в этом случае составлял кухонный мужик, который поступил к князю фон Аренсбергу не более трех месяцев тому назад.

Прекрасная аттестация о нем графа Б., у которого он служил десять лет до отъезда последнего за границу, все собранные о нем сведения и правдивые ответы о том, как он провел последнюю ночь, внушали полную уверенность в его неприкосновенности к этому делу.

Я хотел уже кончить допрос, как вдруг у меня явилась мысль спросить кухонного мужика, кто жил у князя до его поступления.

— Я поступил к князю, когда уже был рассчитан прежде меня служивший кухонный мужик, и потому я его не видал и не знаю.

Стоявший тут же дворник при последних словах кухонного мужика сказал:

— Да он вчера был здесь.

— Кто это «он»? — спросил я у дворника.

— Да Гурий Шишков, прежний кухонный мужик, служивший у князя!.. — последовал ответ.

После расспросов прислуги и дворников оказалось, что служивший месяца три тому назад у князя кухонным мужиком крестьянин Гурий Шишков, только что отсидевший в тюрьме свой срок по приговору мирового судьи за кражу, совершенную им где-то на стороне, заходил за день до убийства во двор этого дома, чтобы получить расчет за прежнюю службу; но, не дождавшись князя, ушел, сказавши, что зайдет другой раз.

Предчувствие или опыт подсказали мне, что эта личность может послужить ключом к разгадке тайны.

Но где же проживает Шишков? У кого он служит или служил раньше?

На все эти вопросы, задаваемые мной прислуге князя, — последняя ничего не могла ответить. Никто ничего не знал.

Немедленно я послал агента в адресный стол узнать адрес Шишкова. Прошел томительный час, пока агент не явился обратно.

«На жительство, по сведениям адресного стола, Гурий Шишков в Петербурге не значится». Вот ответ, который принес агент.

Между тем узнать местожительство Гурия Шишкова для успеха дела было весьма важно. Но как это сделать? Подумав, я решил пригласить полицейского надзирателя Б., велел ему немедленно ехать в тюрьму, в которой сидел Шишков, и постараться получить сведения о крестьянине Гурии Шишкове, выпущенном на свободу несколько дней тому назад. Сведения эти он должен был получить от сидевших с Шишковым и отбывающих еще срок наказания арестантов. Полицейский чиновник поехал исполнять мои приказания.

Я был вполне уверен, что этот прием даст желаемые результаты.

Быть не может, думал я, чтобы во время трехмесячного сидения в тюрьме Шишков не рассказал о себе или своих родных тому, с кем он вел дружбу. Весь вопрос в том, сумеет ли выведать Б. то, что нужно.

Через три часа я уже знал, что Шишкова во время его заключения навещали знакомые и его жена, жившая, как указал товарищ Шишкова по заключению, на Васильевском острове, на 11-й линии, у кого-то в кормилицах.

Приметы Шишкова следующие: высокого роста, плечистый, с тупым лицом и маленькими глазами, на лице слабая растительность... Смотрит исподлобья.

— Прекрасно, поезжайте теперь к его жене, — сказал я Б., передавшему мне эти сведения, — и если Шишков там, то арестуйте его и немедленно доставьте ко мне.

— А если Шишкова у жены нет, то арестовать прикажете его жену? — спросил меня Б.

— Но не сразу... Оденьтесь на всякий случай попроще, чтобы походить на лакея, полотера — вообще на прислугу. В этом виде вы явитесь к мамке, конечно, через черный ход, вызовите ее на минуту в кухню и, назвавшись приятелем ее мужа, скажите, что вам надо повидать Гурия. Если же она вам на это заявит, что его здесь нет, то, как бы собираясь уходить, вы с сожалением в голосе скажите: «Жаль, что не знаю, где найти Гурия, а место для него у графа В. было бы подходящее... Шутка сказать, 15 рублей жалованья в месяц на всем готовом. За этим я и приходил... Ну, прощайте, пойду искать другого земляка, время не терпит. Хотел поставить Гурия, да делать нечего». Если же и после этого жена вам не скажет адреса знакомых или родных, где, по ее мнению, можно найти Гурия, то вам надо будет, взяв дворника, арестовать ее и доставить ко мне, сделав обыск в ее вещах.

V

Вот что вышло из этого поручения. Между четырьмя и пятью часами вечера к воротам дома по 1-й линии Васильевского острова подошел какой-то субъект в стареньком пальто, высоких сапогах, с шарфом вокруг шеи. Это был переодетый Б. Он вошел в дворничью и, узнав там номер квартиры, в которой жила г-жа К-ва, пошел с черного хода и позвонил. Дверь отворила кухарка.

— Повидать бы мне надо на пару слов мамку, — произнес Б. просительно.

Кухарка вышла и через минуту воротилась с мамкой. С первых же слов Б. увидел, что мужа ее в квартире нет. Когда он довольно подробно объяснил цель своего прихода и сделал вид, что собирается уходить, мамка его остановила.

— Ты бы, родимый, повидался с дядей Гурьяна... Он всегда пристаёт у него на квартире, когда без места, а у меня он больше

трех месяцев не был, хоть срок ему уже вышел. Неласковый какой-то он стал! — с грустью заключила баба.

Кроме адреса дяди, мамка сказала еще два адреса его земляков, где, по ее мнению, можно было встретить мужа. Когда Б. передал мне весь свой разговор с женой Шишкова, я решил сделать одновременно обыск у дяди Шишкова, крестьянина Василия Федорова, проживавшего по Сергиевской улице кухонным мужиком у греческого консула Р-ки, и еще в двух местах по указанным адресам, где можно было бы рассчитывать застать Шишкова.

Обыск у крестьянина Федорова был поручен тому же Б., которому были известны приметы Гурия, а в помощь ему были командированы два агента...

Несмотря на приближение ночи — был уже девятый час в исходе, — Б. с двумя агентами и околоточным надзирателем подъехали на извозчиках к дому по Сергиевской улице. Тотчас звонком в ворота были вызваны дворники.

Из соседнего дома также по звонку явились два дворника, а по свистку околоточного надзирателя — два городских.

Все выходы в доме тотчас были заняты караулом, после чего полицейский чиновник Б. вместе с агентом, околоточным надзирателем и старшим дворником стали взбираться по черной лестнице во второй этаж. Чтобы застать врасплох и отнять возможность сопротивления или сокрытия вещей, Б. распорядился действием своего отряда так: старший дворник должен был позвонить у черных дверей и когда войдет в кухню, то должен был спросить у Василия Федорова, нет ли у него Шишкова, за которым прислала его жена с Васильевского острова.

Вслед за дворником у черных дверей, которые дворник не должен был наглухо затворять, чтобы можно было с лестницы слышать все, что происходит в кухне, и сообразно этому действовать, должны были находиться чиновник Б. и околоточный надзиратель. Агент же должен был занять нижнюю площадку лестницы и по свистку явиться в квартиру.

Старший дворник дал звонок. Дверь тотчас отворила какая-то женщина. Появление в кухне дворника, как весьма обычное явление, никого не встревожило, и все продолжали делать свое дело. Дворник, окинув взглядом кухню, прямо направился к невзрачному человеку, чистившему на прилавке ножи.

— Послушай, Василий, мне бы Гурия повидать, там какая-то баба от жены его прислана.

— Да он тут валяется — должно быть, выпивши!

И Василий крикнул:

— Гурьяша, подь-ка сюда! Тут в тебе есть надобность!

Из соседней с кухней комнаты с заспанным лицом и мутным взглядом вышел плечистый малый и буркнул:

— Чего я тут понадобился?..

Но не успел он докончить фразы, как его схватили.

— Где ты эту ночь ночевал? — обратился к Шишкову чиновник Б.

— У дяди, — последовал ответ.

— Василий Федоров, правду говорит племянник?

— Нет, ваше высокородие, это не так. Гурий вышел из квартиры вчерашнего числа около шести часов вечера, а возвратился только сегодня в седьмом часу утра.

Остальная прислуга подтвердила показание дяди об отсутствии племянника в ночь, когда было совершено преступление.

При осмотре у Шишкова было найдено в жилетном кармане 21 рубль кредитными бумажками, из которых одна трехрублевая бумажка носила следы крови. Больше ничего подозрительного не было найдено ни у Шишкова, ни у его дяди.

Когда обыск был закончен, чиновник Б. приказал развязать Гурия, предупредив последнего, что при малейшей его попытке к бегству он будет вновь скручен веревками. Затем его посадили в карету и повезли в сопровождении чиновника Б-ва и околоточного надзирателя.

Во время дороги Шишков хранил молчание, исподлобья посматривая на полицейских чинов.

Спустя полчаса карета подкатила к воротам дома управления сыскалой полиции, помещающегося в то время на одной из самых аристократических улиц.

Итак, к вечеру того же дня, когда было обнаружено убийство, был задержан один из подозреваемых.

VI

Между тем все подробности обстановки происшествия — как-то: вид задушенной жертвы, которая нещадным образом была перевязана или, вернее сказать, скручена веревками; время, которое надо было иметь, чтобы оторвать эту веревку от шторы, не выпуская жертвы из рук, так как веревка, очевидно, потребовалась уже после задушения, для безопасности, чтобы не вскочил придушенный, — и, наконец, довольно значительные следы крови и повреждений на несгораемом сундуке, прикованном к полу, — все эти признаки вместе взятые убеждали меня, что тут работал не один человек, а несколько, друг другу помогавших, и потому ограничиваться заарестованием одного из подозреваемых в убийстве — это значило не выполнить всей задачи раскрытия преступления.

Но как обнаружить сообщников преступления? Сознание Шишкова и указание на сообщников несомненно бы облегчили поиски преступников. В видах этих, тотчас по доставлении Шишкова в сыское отделение, я дал о том знать судебным властям.

По экстраординарности ли преступления, или, быть может, потому, что быстрота поимки преступника возбуждала у лиц судебной власти некоторое сомнение насчет того, не захватила ли полиция

по излишнему усердию кого ни попало, — Шишкова не потребовали на Литейную для допроса, как это делалось обыкновенно, а напротив, все высокопоставленное общество, находившееся в квартире убитого — и судебные чины, и зрители, — все без исключения пожаловали в управление сысской полиции.

Прокурор и следователи принялись с некоторым недоверием за допрос Шишкова. Последний упорно отрицал свою виновность. Судебной власти предстояло повозиться с ним немало, но моя роль по отношению к нему была окончена.

Несмотря на несознание Шишкова, я был глубоко убежден, что он, несомненно, один из виновников преступления. Я решил искать соучастников Шишкова среди преступников, отбывавших наказание в тюрьме вместе с ним, и с этой целью отправил в тюрьму опять-таки чиновника Б.

Из беседы его с двумя арестантами, которым, как старым своим знакомым, не раз побывавшим в сыском отделении, он свез чаю, сахару и калачей, Б. узнал, что Шишков, вообще нелюбимый арестантами за свою злобность и несообщительность, дружил с одним лишь арестантом — Гребенниковым, окончившим свой срок заключения несколькими днями ранее Шишкова. Те же арестанты в общих чертах сообщили Б. приметы Гребенникова.

Но всякие следы о местопребывании Гребенникова отсутствовали. Ни родных, ни знакомых обнаружить не удалось.

Узнав от Б. эти подробности, я велел дежурному полицейскому надзирателю, чтобы к 10 часам вечера весь наличный состав сыского отделения был в сборе и ждал моих дальнейших распоряжений.

VII

Около полуночи я собрал агентов и дал им инструкцию обойти все трактиры и притоны, в которых собирались подонки столицы для раздела добычи и разгула. Целью этого обхода было собрать сведения о молодом человеке 25—28 лет, высокого роста, с маленькими черными усиками и такою же бородкою, кутившем в одном из этих заведений в течение сегодняшнего дня. Возможно, что лицо это при расплате давало менять французские золотые монеты.

— Человек, которого нам нужно найти, — сказал я агентам, — сегодня утром был, вероятно, в сером цилиндре с трауром. Если вы найдете такого господина, не упускайте его из виду и — в крайнем случае — арестуйте и доставьте ко мне. — Вам же, — обратился я к полицейскому Б. и двум агентам, — как я уже сказал, поручаю особенно тщательно и прежде всего осмотреть трактирные заведения и постоянные дворы, расположенные по Знаменской улице, а именно трактиры: «Три великана», «Рыбинск», «Калач», «Избушка», «Старый друг» и «Лакомый кусочек», — в

этих заведений, если вы не встретите самого Петра Гребенникова, которого, конечно, тотчас арестуйте, то, наверно, от буфетчиков, половых, маркеров и завсегдатаев получите, конечно при некоторой ловкости, сведения о местопребывании Гребенникова; старайтесь разузнать, нет ли у Гребенникова любовницы; особенное внимание обратите на проститутку.

VIII

Полчаса спустя один из агентов, юркий еврей М., входил на грязную половину трактира «Избушка». Здесь стоял дым коромыслом; из бильярдной слышался стук шаров и пьяные возгласы. Агент протолкался в бильярдную и, сев за столик, спросил бутылку пива. Публика — если можно так назвать сброд, наполнивший трактир, — все прибывала и прибывала. Агент, севший в тени, чтобы не обратить на себя внимание, зорко вглядывался в каждого входившего и прислушивался к разговору. Убедившись наконец, что в бильярдной Гребенникова нет, М. сел в общей зале недалеко от буфета. Здесь почти все столики были заняты. Две проститутки были уже сильно навеселе, и около них уживались «кавалеры», среди которых агент без труда узнал многих известных полиции карманных воров и других рыцарей воровского ордена.

Часы пробили половину двенадцатого — оставалось мало времени до закрытия заведения. М. перестал надеяться получить какие-либо сведения о Гребенникове. Вдруг его внимание приковал донесшийся до него разговор.

— Выпил, братец ты мой, он три рюмки водки, закусил балыком и кидает мне на выручку золотой... «Получите, — говорит, — что следует...» Взял я это в руки золотой, да больно уж маленький он мне показался, поглядел — вижу, что не понашенски на нем написано. «Припасай, — говорю, — шляпа, другую монету, а эта у нас не ходит». — «Сейчас видно, — говорит он мне, — что вы человек не образованный — во французском золоте ничего не смыслите!» Золотой-то назад взял и канареечную мне сунул, ну я ему сорок копеек с нее и сдал. А самому-то за эти слова обидно стало и говорю ему: «Давно ли, Петр Петрович, форсить в цилиндрах стали? По вашей роже и картуз впору, видно, у факельщика взяли, да траур снять позабыли?..» Это я про черную ленту на шляпе. Ну, а он, «серая необразованность», говорит, да и стречка дал, конфузно, видно, стало! — заключил буфетчик, обращаясь к стоявшему у прилавка испитому человеку в фуражке с чиновничьей кокардой, как видно, своему доброму приятелю.

М. выждал закрытие трактира и, когда трактир опустел, подошел к буфетчику и, объявив ему, кто он, расспросил о приметах человека в цилиндре.

По всем приметам агент убедился, что утренний посетитель был не кто иной, как Гребенников. От того же буфетчика агент узнал, что утром в трактире была любовница Гребенникова, Мария Кислова.

Заручившись адресом этой Кисловой и объявив буфетчику, что, в случае прихода Гребенникова, он должен быть немедленно арестован как подозреваемый в убийстве, М. отправился к Кисловой, но застал дома только ее подругу, которая сообщила ему, что Кислова не являлась домой с 8 часов вечера (был уже второй час ночи). Сделав распоряжение о немедленном аресте Гребенникова и Кисловой, если они явятся сюда ночевать, М. оставил квартиру под наблюдением двух опытных агентов и отправился на поиски за Гребенниковым в публичные дома.

IX

В течение целой ночи агенты докладывали мне о своих поисках, пока безрезультатных. Три лица, задержанные благодаря сходству с Гребенниковым, были отпущены. Явился и агент М. Выслушивая его доклад, я все более и более убеждался, что сегодня же Гребенников будет в наших руках.

М. вместе с несколькими другими агентами я приказал наблюдать за трактиром «Избушка»; другим агентам караулить квартиру любовницы Гребенникова, а двенадцати агентам я поручил следить за всеми трактирами по Знаменской и прилегающим к ней улицам.

Как оказалось по справкам адресного стола, Гребенников проживал раньше по Знаменской улице, почему и можно было ожидать, что, получив деньги, он явится в один из тех трактиров, где был завсегдатаем.

Около семи часов утра, когда открываются трактиры, агент Б. и два его товарища явились на Знаменскую улицу. Пойти прямо в «Избушку» и ждать там прихода Гребенникова или его любовницы Б. не решался из опасения, чтобы кто-либо из знакомых Гребенникова, узнав Б., не предупредил бы его, что в трактире его ждут. Б. решился наблюдать за «Избушкой» из окон находившейся напротив портерной лавки. Портерная, однако, еще не открывалась. Агенты стали прогуливаться в отдалении, не выпуская из глаз «Избушки». Когда портерная открылась, Б., поместившись у окна и делая вид, что читает газету, не спускал глаз с трактира. У другого окна поместился еще один агент. Прошел час, другой, третий...

Приказчик начал недоверчиво посматривать на этих двух немых посетителей. В исходе второго часа в портерную вошел М. и немного спустя другой агент, явившийся на смену первым двум, которые тотчас удалились. Их место заняли вновь прибывшие. Это дежурство посменно продолжалось до вечера. На колокольне Знаменской церкви ударили ко всенощной...

Вдруг со вторым ударом колокола один из дежуривших вскочил как ужаленный и бросился к выходу... К «Избушке» медленно подходил высокий мужчина в сером цилиндре с трауром; только что он занес ногу на первую ступень лестницы, как неожиданно-негаданно получил сильный толчок в спину, заставивший его схватиться за перила.

Озадаченный толчком Гребенников — это был он, — в первый момент как бы растерялся. Этим воспользовался Б. и обхватил его. Но Гребенников, увидя опасность, сильно рванулся и освободился от сжимавших его рук. Почувствовав себя на свободе, он бросился вперед, но сейчас же попал в руки Ю. Б. и Ю., которые схватили Гребенникова за руки. Видя, что сопротивление невозможно, Гребенников покорился своей участи, произнося с угрозой:

— Какое вы имеете право нападать на честного человека среди бела дня, точно на какого-нибудь убийцу или вора?.. Прошу немедленно возвратить мне свободу, иначе я тотчас буду жаловаться прокурору!.. Не на такого напали, чтобы вам прошло это даром. Вы ошиблись, приняли, вероятно, меня за кого-либо другого. Покажите бумагу, разрешающую вам меня арестовать.

— Причину ареста сейчас узнаешь в сыском отделении! — проговорил в ответ Б., не переставая вместе с агентом крепко держать за руки Гребенникова. Затем все трое сели в проезжавшую мимо карету и направились в сыское отделение.

Гребенников всю дорогу выражал негодование за свой арест и угрожал жаловаться самому министру на своевольные действия полиции.

В сыском отделении Гребенников был обыскан. У него оказались золотые часы покойного князя Аренсберга и несколько французских золотых монет.

По происхождению Гребенников был купеческий сын и отлично владел грамотой.

Таким образом, к вечеру второго дня после обнаружения преступления оба подозреваемых были уже в руках правосудия.

Х

Дальнейший ход дела уже не зависел от сыской полиции, но тем не менее допросы происходили в моей квартире.

Обвиняемые в задушении князя Аренсберга Шишков и Гребенников не сознавались в преступлении, и это обстоятельство причиняло большую досаду всем присутствовавшим властям. Многие явно выражали мне свое неудовольствие на неспособность органов дознания добиться от преступников повинной. Щекотливое положение, в которое я был поставлен благодаря упорному запирательству арестованных, заставило меня доложить обо всем происходившем моему непосредственному начальнику, генерал-адъютанту Трепову. Трепов тотчас

же приехал в управление и вошел в комнату, где содержался Гребенников.

— У тебя третьего дня борода была длиннее, когда тебя видели в доме князя Голицына! — сказал генерал, в упор глядя на Гребенникова.

Гребенников, однако, служивший когда-то письмоводителем у следователя, сразу понял, что его хотят поймать на словах, и, несколько подумав, с большим спокойствием ответил:

— А где же этот дом князя Голицына? Как же могли меня там видеть, когда я и дома-то этого не знаю!

Результата этот допрос не дал никакого. Шишков также не сознавался, отвечая на все вопросы или молчанием, или фразами: «Был выпивши — не помню, где был».

Прокурор, бесплодно пробившийся с Шишковым битых три часа, заявил мне, что ни ему, ни следователю ни один из преступников не сознается.

— Хотя для обвинения имеются уже веские улики, — сказал он в заключение, — но было бы весьма желательно, чтобы преступники сами рассказали бы подробности совершенного ими убийства.

XI

Моя задача, как я думал, была окончена с честью, а между тем я же должен был, как оказывалось, во что бы то ни стало добиться сознания. Это было необходимо для того, чтобы дать австрийскому послу уверенность, что арестованные были *настоящие* преступники, о чем посол торопился дать знать в Вену.

Убежденный, что общее мнение присутствовавших не оскорбит меня подозрением в способности употребить насилие для вынуждения сознания у обвиняемых, и получив массу уверений, что успех, если он будет достигнут, будет отнесен к искусству моему и навыку в допросах, я решил приступить к окончательному допросу.

По воспитанию и по характеру эти два преступника совершенно не походили друг на друга.

Гурий Шишков, крестьянин по происхождению, совсем не отличался от общего типа преступников из простолюдинов. Мужик по виду и по манерам, он был чрезвычайно угрюм и не словоохотлив. Сердце этого человека, как характеризовали его потом его же родственники, не имело понятия о сострадании.

Товарищ его, Петр Гребенников, происходил из купеческой семьи; при жизни отца он жил в довольстве и даже получил дома некоторое образование. Живя с отцом, он занимался торговлей лесом. Он показался мне более развитым, чем его товарищ, Шишков, и более способным к решительному порыву, если задеть его самолюбие — эту слабую струнку даже закоренелых преступников.

Я решил быть с ним крайне осторожным в выражениях, главное, не быть гневным и устрашающим чиновником, а самым обыкновенным человеком.

— Гребенников, вы вот не сознаетесь в преступлении, хотя против вас налицо много веских улик, но это — дело следствия, — так начал я свой «допрос». — Теперь скажите мне, неужели вы, который отлично, кажется, понимаете судебные порядки, неужели вы до сих пор не отдали себе отчета и не уяснили себе, по какому случаю эта торжественная, из ряда вон выходящая обстановка, при которой производят о вас следствие? Вы видели, сколько там высокопоставленных лиц? Неужели вы объясняете их присутствие простым любопытством? Ведь вы знаете, что если бы это было простое любопытство, оно могло быть удовлетворено на суде. Собрались же они тут потому, что вас повелено судить военным судом, с применением полевых военных законов. А вы знаете, чем это пахнет? — не спуская глаз с лица Гребенникова, с ударением произнес я.

— Таких законов нет, чтобы за простое убийство судить военным судом; да я и не виновен, значит, меня не за что ни вешать, ни расстреливать... — ответил Гребенников.

— Но это не простое убийство. Вы забываете, что князь Аренсберг состоял в России австрийским политическим послом, поэтому Австрия требует, подозревая политическую цель убийства, военного полевого суда для главного виновника преступления. А это, как вы сами знаете, равносильно смертной казни. Я вас хотел предупредить, чтобы вы спасали свою голову, покуда еще есть время.

— Я ничего не могу сказать, отпустите меня спать, — сказал Гребенников.

На этом допрос пока кончился. Осязательного результата не было, но я видел, что страх запал в его душу.

ХII

На следующий день в шестом часу утра я был разбужен дежурным чиновником, который доложил мне, что Гребенников желает меня видеть. Я велел привести его.

— Позвольте вас спросить, когда же будет этот суд, чтобы успеть, по крайней мере, распорядиться кое-чем. Все-таки есть ведь близкие люди! — проговорил Гребенников. И по голосу его я сразу понял, что не для распоряжений ему это нужно знать, а для того, чтобы узнать от меня еще подробности.

— Суд назначен на завтра, а сегодня идут приготовления на Конной площади для исполнения казни... Вы знаете какие... На это уйдет целый день...

— Ну, так, значит, тут уж ничем не поможешь. За что же это, Господи, так быстро? — с нескрываемым волнением проговорил Гребенников.

Я поспешил успокоить его, сказав, что отдалить день суда и даже, может быть, изменить его на гражданский зависит от него самого.

— Как так? — с дрожью в голосе проговорил Гребенников.

— Да очень просто! Сознайтесь, расскажите все подробно, и я немедленно дам знать, кому следует, о приостановке суда. А там, если откроется, что убийство князя было не с политической целью, а лишь ради ограбления, то дело перейдет в гражданский суд, и за ваше искреннее сознание присяжные смягчат наказание. Все это очень хорошо сообразил ваш товарищ Шишков. Он еще третьего дня во всем сознался, только уверяет, что он-то тут почти ни при чем, а все преступление совершили вы. Вы его завлекли, поставили стоять на улице в виде стражи, а сами душили и грабили без его участия... — закончил я равнодушной тоном.

Эффект этого моего заявления превысил ожидания.

Гребенников то краснел, то бледнел.

— Позвольте подумать! — вдруг сказал он. — Нельзя ли водки или коньяку?

— Отчего же, выпейте, если хотите подкрепиться, только не теряйте времени, мне некогда.

Я велел подать коньяку.

— А вы остановите распоряжение о суде? — снова переспросил Гребенников.

— Конечно, — ответил я.

Выпив, Гребенников, как бы собравшись с духом, произнес:

— Я, извольте, расскажу. Только уж этого подлеца Шишкова щадить не буду. Виноваты мы действительно: вот как было дело.

ХІІІ

Картина преступления, которая обрисовалась из слов Гребенникова, а вслед затем Шишкова, была такова.

Накануне преступления Шишков, служивший раньше у князя Аренсберга, зашел в дом, где жил князь, в дворницкую.

— Здравствуй, Иван Петрович, как можешь? — проговорил дворник, здороваясь с вошедшим.

— Князя бы увидеть, — как-то нерешительно произнес Гурий, глядя в сторону.

— В это время их не бывает дома, заходи утром. А на что тебе князь? — спросил дворник.

— Расчесть бы надо получить, — ответил парень. — Ну, да другой раз зайду. Прощай, Петрович. — И с этими словами пришедший отворил дверь дворницкой, не оборачиваясь вышел со двора на улицу и скорыми шагами пошел по направлению к Невскому.

Дойдя до церкви Знаменья, Гурий Шишков повернул на Знаменскую улицу, остановился у окон фруктового магазина и начал оглядываться по сторонам, как бы поджидая кого-то. Ждать при-

шлось недолго. К нему подошел товарищ (это был Гребенников), и они пошли вместе по Знаменской.

— Ну как?

— Все по-старому; там же проживает и дома не обедает, — проговорил Гурий Шишков.

— Так завтра, как мы распланировали: на том же месте, где сегодня...

— Не замешкайся; как к вечерне зазвонят, ты будь тут, — проговорил тихим голосом Шишков. Затем, не сказав более ни слова друг другу, они разошлись.

На другой день под вечер, когда парадная дверь еще была отперта, Гурий пробрался в нее и спрятался вверху под лестницей незанятой квартиры.

Князь, как мы уже знаем, ушел вечером из дома. Камердинер приготовил ему постель и тоже ушел с поваром, затворив парадную дверь на ключ и спрятав ключ в известном месте.

В квартире князя воцарилась гробовая тишина.

Не прошло и часа, как на парадной лестнице послышался шорох. Гурий Шишков спустился с лестницы и, дойдя до дверей квартиры, на мгновение остановился. Здесь он отворил входную дверь в квартиру и, очутившись в передней, прямо направился к столику, из которого и взял ключ, положенный камердинером. Осторожными шагами, крадучись, Гурий спустился вниз и отпер парадную дверь.

Затем он снова вернулся наверх и начал ждать...

Уже около 11-ти часов ночи парадная дверь слегка скрипнула. Кто-то с улицы ее осторожно приотворил и тотчас же закрыл, бесшумно повернув ключ в замке. Затем все смолкло. Это был Гребенников. Немного погодя он внизу кашлянул, наверху послышалось ответное кашлянье. После этого условленного знака Гребенников стал подниматься по лестнице.

— Какого черта не шел так долго!.. — грубо крикнул Шишков на товарища.

— Попробуй сунься-ка в подъезд, когда у ворот дворник пялит глаза, — произнес вошедший, подойдя к Шишкову. Оба отправились в квартиру князя, где вошли в спальню.

Это была большая квадратная комната, с тремя окнами на улицу. У стены за ширмами стояла кровать, около нее помещался ночной столик, на котором лежала немецкая газета и стояла лампа под синим абажуром, свеча и спички. От опущенных в окнах штор в комнате было совершенно темно.

Гурий чиркнул спичку, подойдя к ночному столику, зажег свечку и направился из спальни в соседнюю с ней комнату, служившую для князя уборной.

Гребенников шел за ним. В уборной, между громадным морным умывальником и трюмо, стоял на полу у стены солидных размеров железный сундук, прикрепленный к полу четырьмя цепями. Шишков подошел к сундуку и стал ощупывать его руками.

Гребенников светил ему. Наконец Шишков нащупал кнопку, придавил ее пальцем, пластинка с треском отскочила вверх, открыв замочную скважину.

— Давай-ка дернем крышку, — проговорил Гребенников.

Оба нагнулись и изо всей силы дернули за выступающий конец крышки сундука — результата никакого. Попробовав еще несколько раз оторвать крышку и не видя от этого толку, Шишков плюнул.

— Нет, тут без ключей не отворишь...

— Вот, топора с собой нет, — с сожалением проговорил Гребенников.

— Без ключей ничего не сделать, а ключи он при себе носит.

— А ты не врешь, что князь в бумажнике держит десять тысяч?

— Камердинер хвастал, что у князя всегда в бумажнике не меньше — и весь сундук, говорил, набит деньжищами! — отрывисто проговорил Шишков.

Оба товарища продолжали стоять у сундука.

— Ну, брат! — прервал молчание Шишков, — есть хочется!

Гребенников вынул из кармана пальто трехкопеечный пеклеванный, кусок масла в газетной бумаге и все это молча передал Шишкову.

На часах в гостиной пробило двенадцать.

Тогда Шишков и Гребенников опять перешли в спальню и сели на подоконники за спущенные драпри, которые их совершенно закрывали.

— С улицы бы не увидали, — проговорил робко Гребенников.

— Не видишь, что ли, что шторы спущены; рано, брат, робеть начал! — насмешливо проговорил Шишков, закусывая хлебом.

XIV

Четвертый час утра. На Миллионной улице почти совсем прекратилось движение. Но вот издали послышался дребезжащий звук извозчичьей пролетки, остановившейся у подъезда.

Князь, расплатившись с извозчиком, не спеша вынул из кармана пальто большой ключ и отпер парадную дверь. Затем он, как всегда, запер дверь и оставил ключ в двери. Войдя в переднюю, он зажег свечку и вошел в спальню.

Подойдя к кровати, князь с усталым видом начал медленно раздеваться. Выдвинув ящик у ночного столика, он положил туда бумажник, затем зажег вторую свечу и лег в постель, взяв со столика немецкую газету. Но через несколько времени положил ее обратно, задул свечи и повернулся на бок, лицом к стене.

Прошло полчаса. Раздался легкий храп. Князь, видимо, заснул. Тогда у одного из окон портьера тихо зашевелилась, послышался легкий, еле уловимый шорох, после которого из-за портьера показался Шишков. Он сделал шаг вперед и отделился от окна. В

это же время заколебалась портьера у второго окна, и из-за нее показался Гребенников.

Затаив дыхание и осторожно ступая, Шишков поминутно оставался и прислушивался к храпу князя.

Наконец Шишков у столика. Надо открыть ящик. Руки его тряслись, на лбу выступил пот... еще мгновение, и он протянул вперед руку, ощупывая ручку ящика. Зашуршала газета, за которую он зацепил рукой... Гурий замер. Звук этот, однако, не разбудил князя. Тогда Шишков стал действовать смелее. Он выдвинул наполовину ящик и стал шарить в нем, ища ключи; нащупав их, он начал медленно вытаскивать их из ящика, но вдруг один из ключей, бывших на связке, задел за мраморную доску тумбочки; послышался слабый звон... Храп прекратился. Шишков затаил дыхание.

— Кто там? — явственно произнес князь, поворачиваясь.

За этим вопросом послышалось падение чего-то тяжелого на кровать — это Шишков бросился на полусонного князя. Гребенников, не колеблясь ни минуты, с руками, вытянутыми вперед, также бросился к кровати, где происходила борьба Шишкова с князем. В первый момент Гурий не встретил сопротивления, его руки скользнули по подушке, и он натолкнулся в темноте на руки князя, которые тот инстинктивно протянул вперед, защищаясь. Еще момент — и Гурий всем своим телом налег на князя. Последний с усилием высвободил свою руку и потянулся к сонетке, висевшей под изголовьем. Шишков уловил это движение и, хорошо сознавая, что звонок князя может разбудить кухонного мужика, обеими руками схватил князя за горло и изо всей силы повернул его к ногам постели, откуда уже нельзя было достать сонетки.

Князь стал хрипеть; тогда Шишков или из опасения, чтобы эти звуки не были услышаны, или из желания скорее покончить с ним схватил попавшуюся ему под руку подушку и ею продолжал душить князя. Когда князь перестал хрипеть, Шишков с остервенением сорвал с него рубашку и обмотал ею горло князя.

Гребенников, как только услышал, что Гурий бросился вперед к месту, где стояла кровать князя, не теряя времени бросился на помощь тоже. Задев в темноте столик и опрокинув стоявшую на нем лампу, он, не зная и не видя ничего, очутился около кровати, на которой уже происходила борьба князя с Шишковым, и начал тоже душить князя. Но вдруг он почувствовал, что руки его, душившие князя, начинают неметь. Ощувив боль и не имея возможности владеть руками, Гребенников ударил голову в грудь наклонившегося над ним Шишкова, опьяневшего от борьбы.

— Что ты со мной, скотина, делаешь! Пusti мои руки!..

Придя в себя от удара и слов Гребенникова, Шишков перестал сдавливать горло князя и вместе с ним руки Гребенникова, обвившиеся вокруг шеи последнего. Давил он рубашкой князя, которую сорвал с него во время борьбы. Освободив руки Гребенникова, Гу-

рий вновь рубашкой перекрутил горло князя, не подававшего никаких признаков жизни.

Оба злоумышленника молча стояли около своей жертвы, как бы находясь в нерешительности, с чего бы им теперь начать. Первым очнулся Шишков.

— Есть у тебя веревка?

Гребенников, пошарив в кармане, ответил отрицательно.

— Оторви шнурок от занавесей да зажги огонь! — проговорил Шишков.

Когда шнурок был принесен, Гурий связал им ноги задушенного князя из боязни, что князь, очнувшись, может встать с постели.

XV

После этого товарищи принялись за грабеж; из столика они вынули: бумажник, несколько иностранных золотых монет, три револьвера, бритвы в серебряной оправе и золотые часы с цепочкой.

Из спальни с ключами, вынутыми из ящика стола, Шишков с Гребенниковым направились в соседнюю комнату и приступили к железному сундуку.

Но все их усилия отпереть сундук не привели ни к чему. Ни один из ключей не подходил к замку. Тогда они стали еще раз пробовать оторвать крышку, но все напрасно — сундук не поддавался.

Со связкой ключей в руке Шишков подошел к письменному столу и начал подбирать ключ к среднему ящику. Гребенников ему светил.

Но вот Гурий прервал свое занятие и начал прислушиваться: до него явственно донесся шум от проезжающего экипажа. Гребенников бросился к окну, стараясь разглядеть, что происходило на улице.

— Рядом остановился... господин... Пошел в соседний дом, — проговорил почему-то шепотом Гребенников.

Вдали послышался шум ехавшей еще пролетки. На лицах Шишкова и Гребенникова выразилось беспокойство.

— Надо уходить... скоро дворники начнут панели мести, и тогда крышка! — проговорил Гурий, отходя от письменного стола.

Оба были бледны и дрожали, хотя в комнате было тепло. Шишков вышел в переднюю. Взглянув случайно на товарища, он заметил, что на том не было фуражки.

— Ты оставил фуражку там... у постели, — сказал он товарищу. — Пойди скорей за ней, а я тебя обожду на лестнице.

Увидя страх, отразившийся на лице Гребенникова, Шишков повернулся, чтобы пойти самому в спальню за фуражкой, но тут взгляд его случайно упал на пуховую шляпу князя, лежавшую на столе в передней. Не долго думая, он нахлобучил ее на голову Гребенникова, и они осторожно начали спускаться по лестнице.

Отперев ключом парадную дверь, они очутились на улице и пошли по направлению к Невскому.

Проходя мимо часовни у Гостиного двора, они благоговейно сняли шапки и перекрестились широким крестом. Шишков, чтобы утолить мучившую его жажду, напился святой воды из стоявшей чаши, а Гребенников, купив у монаха за гривенник свечку, поставил ее перед образом Спасителя, преклонив перед иконою колени...

Затем они расстались, условившись встретиться вечером в трактире на Знаменской. При прощании Шишков передал Гребенникову золотые часы, несколько золотых иностранных монет и около сорока рублей денег, вынутых им из туго набитого бумажника покойного князя.

Так выяснилось и объяснилось дело.

Впечатление, произведенное сознанием Гребенникова, было громадное. Австрийский посол граф Хотек лично приезжал благодарить меня и любезно предложил мне исходатайствовать для меня перед Его Величеством Императором Австрийским награду.

После сознания преступников дело пошло обычным порядком; вскоре состоялся суд. Убийцы были осуждены в каторжные работы на 17 лет каждый.

БЕЗУМНАЯ МЕСТЬ

I

Дело, о котором я хочу теперь рассказать, в 80-х годах прошлого столетия взволновало весь Петербург мрачным своим романтическим характером, глубокой и страшной психологичностью и горячим сочувствием большинства (особенно дам) к молодым несчастным преступникам.

Но, помимо этого интереса, оно является крайне занимательным по сложной истории разоблачения преступников.

II

7-го августа 188* года рано утром коридоры одной из известных столичных гостиниц огласились страшным криком.

Дежурный коридорный Алексей Полозов¹ в 9 часов утра, по обычаю гостиницы, постучал в № 3, будя постояльца, и, не добившись ответа, толкнул дверь, которая оказалась незапертой.

Войдя в помещение, он заглянул в альков и в паническом ужасе побежал назад, оглашая коридор криками.

Постоялец полуодетый лежал в кровати, весь залитый кровью, с обезображенным лицом, с перерезанным горлом.

Администрация гостиницы всполошилась и испугалась.

Во все стороны были посланы слуги с оповещением судебных властей.

Дело в том, что гостиница, в которой случилось это несчастное происшествие, стояла на особом положении.

Эта громадная гостиница с массою номеров как будто и предназначалась для приезжающих, но... не по железной дороге из провинций, а для приезжающих (и приходящих) со всех концов столицы парочек, ищущих тихого приюта для сладкого свидания любви.

В громадном доме на углу пересечения двух самых оживленных улиц, с двумя замаскированными подъездами, с прекрасным ресто-

¹ Все имена собственные вымышлены

раном и «со всеми удобствами», эта гостиница сейчас пользуется среди жуиров и боязливых любовников славой скромного и безопасного убежища.

И здесь-то в ночь с 6-го на 7-е августа совершилось кровавое преступление.

III

Спустя час я уже находился в гостинице со своим помощником и даровитым агентом Ж. и производил осмотр злополучного номера, а через полчаса приехали и товарищ прокурора, следовательно и врач.

Мы продолжали осмотр.

№ 3 считался «в дорогах», так как ходил за пять рублей и состоял из большой хорошо мебелированной комнаты, разделенной драпировками как бы на три.

При входе в номер тяжелые драпри прямо и справа образовывали прихожую, где висела вешалка и стоял столик с графином и стаканом.

На вешалке оказалось дорогое драповое пальто, под ним кожаные галоши с буквами К. К. и в углу дождевой зонтик с ручкой из слоновой кости.

За драпировкой прямо было нечто вроде гостиной. Ковер во всю комнату, мягкая мебель, трюмо и стенное зеркало, высокий шкаф, маленькие столики и большой передвижной стол, покрытый белой скатертью поверх плюшевой.

На этом столе оказалась бутылка недопитого красного вина, два стакана, десертные тарелки, два ножа для фруктов и спираль кожи, снятой с груши дюшес.

На одном из кресел лежала плюшевая мужская шляпа и перчатки, на другом — брошенный серый драповый пиджак.

За драпировкой из передней направо находилась кровать, ночной столик и умывальник.

На одном столике лежали золотые очки, золотые часы с массивной цепью и портмоне.

На кровати лежал убитый.

Без сапог, в черных шелковых носках, весь расстегнутый и полуобнаженный, он лежал навзничь на подушках и простынях, заскорузлых от массы пролитой крови.

Руки были раскинуты, и короткие волосатые пальцы рук сжаты в кулаки. Голова была закинута, на шее зияла широкая и глубокая рана. Лица убитого разглядеть было нельзя. Оно во всех направлениях было исполосовано ножом и покрыто толстою корою запекшейся крови; но по седеющим волосам на коротко остриженной бороде и по изрядной лысине на голове — это, был несомненно, человек пожилых лет.

Кто он? Его имя, звание, положение?

При нем не оказалось ни визитных карточек, ни записной книжки, ни письма, по которым можно было бы определить его личность.

Только метка на тонком белье и платке с буквою К., да буквы на галосхах, да пальто с фирмою Корпуса давали слабую надежду определить его личность.

Врач произвел наружный осмотр. По его мнению, на жертву напали во время сна и сильным ударом ножа по горлу погрузили ее в вечный сон, после чего, вероятно в злобе, стали обезображивать лицо убитого, нанося и резаные, и колотые раны.

Кто был с ним? В эту гостиницу одних не пускают. С кем он пришел?

Мы позвали коридорного и лакеев и сняли с них первые показания.

Сразу выяснилось, что убитому была устроена ловушка.

Первое показание сделал лакей, дежуривший днем, Егор Васильев.

IV

— Часов в пять или в половине шестого пришла барышня под вуалькой...

— Почему вы знаете, что барышня? Что значит барышня?

— То есть девица. Мы их всегда сразу отличим от какой-нибудь барыни...

— Ну?

— Пришла это, значит, и говорит: «Мне, — говорит, — приготовьте номер, только хороший. Я в девять часов с господином буду!» — «Сделайте такое ваше одолжение! Какой прикажете?» Показал я эти номера, выбрала она этот самый, заплатила деньги и говорит: «Я тут и вино оставлю!» — «Пожалуйста!» Она оставила эту самую бутылку и ушла. После пришли еще господин с дамою, с настоящей дамою, сняли второй номер, рядом; потом разные приходили, уходили. Я сменился, сказал про номер Алексею и ушел. Больше ничего не видел и не знаю.

Алексей Полозов видел и знал больше.

— Через полчаса, как я сменил Егора, пришли господин, этот самый, в очках, с зонтиком, почтенный такой, и барышня. Барышня сейчас: «Где наш номер?» Я их провел...

— Лицо видели?

— Нет-с. В вуале. Высокая, тоненькая и волоса будто рыжие.

— Провели... а потом?

— Потом барышня приказала дать стаканы, миндального пирожного и открыть бутылку, а господин два дюшеса заказал. Я это сделал...

— А барышня все была в вуале?

— Нет-с. Она эту пору за драпри была. Так или в кровати, не могу знать потому...

— Ну, ну... сделали?

— И ушел. Часов этак в 11 барышня вышла и говорит: «Барина разбуди в 9 часов утра. Он заснул». И ушла. Я вошел в номер, заглянул, вижу — лежит. Мне что? Дело обычное...

— Значит, вы входили в номер после этой барышни?

— Входил.

— Что же, он был убит?

— Не могу сказать. В комнате темно. Вижу — лежит. Мне такое и в голову не пришло. Поглядел. Окликнул... молчит. Запер дверь и оставил, а утром пошел — и вот!

Он развел руками.

— Такое несчастье!

— Барышню бы эту узнали?

— Надо думать, потому фигурой такая заметная и волос рыжий.

— Это она! Надо ее искать, — решительно заявил следователь.

В то время как мы снимали допросы в лучшем номере гостиницы, мой агент Ж. со свойственными ему терпением и внимательностью чуть не в третий раз производил осмотр 3-го и соседнего с ним 2-го номеров.

Я, слушая показания прислуги, с нетерпением ждал Ж. с его отчетом, — и вот он показался в дверях и таинственно кивнул мне головою.

Я хотел подойти к нему.

Оказалось, он сделал действительно важные открытия и, почти в ответ на возглас следователя, сказал:

— Дело принимает совершенно другой оборот.

— А что такое? — спросили все.

— Пожалуйста опять в номер, — пригласил я всех.

Следователь и товарищ прокурора снова перешли в № 3.

Я провел их в часть комнаты, представляющую гостиную, и там Ж. указал нам торжественно на большой зеркальный шкаф.

— В чем дело?

— Дело в том, что он сдвинут! Вы видите?

Шкаф действительно оказался отодвинутым от стены, что при входе в комнату сразу не было заметно.

— За шкафом, — объяснил я, — находится дверь из соседнего 2-го номера.

Ж. прибавил:

— Убийцы — это господин и дама, взявшие № 2, они были здесь, а когда уходили, испачкали дверь кровью. Извольте посмотреть. И пол закаплен стеарином.

Следом за агентом двинулись все. Шкаф был отодвинут настолько, что тучный товарищ прокурора едва мог протиснуться между ним и стеною. Они осмотрели пол и закрытую дверь. На левой половине двери виднелись кровавые отпечатки пальцев, на полу были следы стеарина.

По указанию агента мы перешли в № 2. Там на преддверном столе стояли два стакана, бутылка белого вина, полбутылки из-под коньяку и обгоревшая в подсвечнике свечка; в алькове за подушками оказалось засунутым полотенце, которым, видимо, вытирали вымытые руки и затирали кровавые пятна, а таз в умывальнике был полон мыльной водою, окрашенной кровью.

Агент Ж. показывал одно за другим все бросающееся в глаза и оживленно говорил:

— Это убийство без цели грабежа. Вероятно, какая-нибудь месть, но весь план тонко обдуман. Жертву завлекла девушка. Может быть, она подкуплена, может быть, она соучастница. Она завела его и опоила. Надо исследовать вино. Ведь она его принесла с собою. Опоила и подала знак в соседний номер. Там уже ждали, отодвинув шкаф и отворив дверь.

— Чем?

— Эту дверь-то! Ведь она без замка. Ее просто захлопнули и вынули ручку. Вставьте закрытый перочинный нож, толстый карандаш, еще лучше стамеску — и дверь открыта.

— Так, так, — довольным тоном воскликнул я. — Они вошли и прикончили спящего.

— Убивал он, — оживляясь, говорил агент, — а она светила и дрожала. Смотрите, как оплыла свечка, а там и подушка, и простыня закапаны стеарином. Мы найдем у нее на платье такие же следы.

— Если найдем ее!

— В этом вся и задача!.. Затем, — продолжал Ж., — они вернулись в номер, закрыли дверь, задвинули шкаф... Обратите внимание на пол подле шкафа: на нем ясны следы от ножек, когда двигали шкаф. Его отодвинули до этого места! — Ж. указал на глубокие черты, оставленные на паркете, прикрытом ковром. — После этого они тщательно вымылись, оглядели платье и... уехали!

Я только одобрительно кивал головою. Этот Ж. был всецело моим учеником; я впоследствии и раньше много раз удивлялся его сообразительности и способностям.

— Похоже на истину, — процедил следователь.

— Надо теперь переспросить снова прислугу, — сказал товарищ прокурора, и мы перешли снова в № 1.

Запросили снова и дневного, и ночного коридорных.

Егор Васильев повторил показание.

Пришла девица, заказала № 3, а почти следом за нею пришли господин с дамою и заняли № 2. Он подал им сперва весь обед, — только мало кушали, — а потом бутылку белого вина и 1/2 бутылки коньяку.

— Вы, значит, могли их рассмотреть?

— Ни к чему, — ответил Егор, — у нас народу что на ярмарке, и не глядишь. Опять барыня лицо укрывали. Как я войду, оне в окошко глядят и ко мне спиною.

— А барин?

— Тот такой высокий, красивый. Светлая борода и одет так шикарно, в синий пинжак и с цепочкою.

— Узнали бы вы его на улице?

Коридорный замялся.

— Может, и узнал бы...

Алексей Полозов, тот, что служил ночью, сменил Егора.

— Гости из № 2 при вас ушли?

— Точно так.

— Когда?

— Да уж под утро. Надо полагать, так часу в шестом...

— Торопились?

— Не так чтобы...

— Вы осмотрели после них номер?

— Ни к чему. Взять у нас нечего, и господа не такие, а номера мы убираем утром, все кряду.

Первые допросы окончились. Власти уехали. Все свидетельствовало о несомненном, тонко обдуманном преступлении, но концы его словно были схоронены в воду.

VI

Все было тайной. В громадном Петербурге трудно найти человека только по наружным приметам, особенно если он принадлежит к интеллигентному сословию, где все более или менее похожи друг на друга.

Убитый был неизвестен. Несомненно, судя по костюму, золотым часам и кошельку с 62 рублями, он был состоятельный человек: имя его и фамилия начинались с буквы К., и пальто он заказывал у Корпуса.

Но это и все.

Приведшая его женщина была, по определению слуги, из «этих», но найти ее тоже не казалось легким, потому что она могла и не быть зарегистрированной, то есть известной полиции.

Наконец, главные виновники не оставили после себя никаких следов. Известно только, что он был с русою бородой, высокий ростом, а у нее на платье, вероятно, остались следы стеарина.

И все.

Я тотчас распорядился через полицию, чтобы дворники проследили, не пропал ли кто из жильцов с ночи 6 августа; а затем через ту же полицию приказал, чтобы ко мне явился извозчик, который взял утром, между 5 и 6 часами 7 августа, двух седоков, барыню с барином, от гостиницы или с одной из двух улиц, на углу которых она стоит; и наконец, лакея Егора Васильева командировал в Рождественскую часть, где обычно производился врачебно-полицейский осмотр всех гуляющих по бланку.

Распоряжения эти тотчас дали необходимые результаты.

На другое утро ко мне явился извозчик за № 14738, который показал, что он взял таких седоков за три дома от гостиницы. Господин с большой светлой бородой нанял его на Варшавский вокзал.

— Торговался?

— Торговался. Я спросил 50 копеек, а он дал 30, за 40 уговорились.

Он повез их по Измайловскому проспекту, на углу Первой роты господин спустил даму, а сам поехал на Варшавский вокзал, где и сошел.

— Ты бы его узнал?

— В лицо бесприменно.

Я распорядился найти извозчика, который около 6 часов утра 7 августа посадил даму, но такого не нашлось. Очевидно, дама или дошла до своего дома пешком, или взяла извозчика, запутав свой след.

След действительно как будто потерялся, но я знал, что не сегодня-завтра он снова объявится, и не обманул. На другой же день, вечером, из 2-го участка Литейной части мне сообщили, что старший дворник одного дома оповестил их об исчезновении хозяина Кузьмы Федоровича Кузнецова, ушедшего вечером на Спаса, то есть 6 августа.

К. и К.!

Я поручил Ж. расспросить дворника; он тотчас вызвал его и показал ему пальто, шляпу и зонтик, которые тот сразу признал за вещи своего барина.

— Ну, брат, — сказал Ж., — твоего барина, значит, уже нет в живых. Утюкали! Родные есть у него?

— Брат есть, полковник; сестрица, вдова енерала, а у самого дочка, подросточек.

— Что же он, вдовец?

— Десятый уже год вдовец!

Родные Кузнецова тотчас были оповещены, и труп его был перевезен к нему на квартиру.

Ж. тотчас же занялся опросом всех лиц, окружающих убитого, и в то время как совершались панихиды и похороны, он уже успел разузнать все главные черты жизни и характера убитого.

VII

Кузьма Федорович Кузнецов был богатым домовладельцем. Раньше он служил в полку, вышел в ранних чинах в отставку и жил доходами, иногда играл на бирже.

Он был вдов, имел дочь Лизу, четырнадцати лет, при которой находилась гувернантка, девица 23 лет, очень красивой наружности.

Кузнецов любил пожить и пожуировать.

Лакей и горничная намекали, что он жил с гувернанткой, как раньше жил с ее предшественницами, причем не брезговал и горничными.

Случалось часто, что, уйдя вечером, он не ночевал дома, но на другой день к завтраку он уже всегда сидел за столом на своем месте.

— Какого он характера?

— Характером веселый, мягкий, а красивая женщина могла с ним сделать все, что хочет.

— Не было ли у него врагов?

— Не должно бы быть...

И все.

В первый раз и я, и Ж. почувствовали себя смущенными.

Словно шли, шли и вдруг уперлись в стену. Ни из чьих показаний нельзя было ухватить конца нити, и только смутно чувствовалось, что в этом преступлении должна быть романтическая подкладка, но убитый унес свою тайну в могилу, а убийцы скрылись бесследно...

VIII

Коридорный Егор Васильев две недели продежурил на осмотрах, но не увидал той женщины, с которой приходил убитый. Извозчик, которому поручено, если увидит своего бывшего седока, указать на него полиции, не объявлялся, и следы, по-видимому, были утрачены.

Я начинал терять терпение; агент Ж. лишился сна и аппетита и всячески ломал голову над всевозможными планами.

Время шло, а преступники не объявлялись.

Казалось, надо было отказаться от дела, но на помощь пришел случай.

Однажды Ж. около полуночи шел по Невскому мимо Казанского собора. Впереди него шли две девушки и громко разговаривали.

— Я бы на ее месте тоже ничего не сказала. Затаскают!

Другой бы из агентов, быть может, не обратил бы внимания на эти дела, но Ж. словно что-то толкнуло при этих словах, и он замедлил шаги.

— А так хуже. Думают, что она убила, — возразила другая.

— Сонька-то! — воскликнула первая и захохотала.

Ж. решил не терять момента. Он быстро догнал их, взял их под руки и, идя между ними, спросил:

— Про какую Соньку вы, милочки, говорите и почему могут думать, что она убила?

Девушки испуганно рванулись от него, но он крепко придержал их за руки.

— Оставьте нас! Что вам нужно? Мы так себе разговариваем! — закричала одна.

— Мы ничего не знаем, — прошептала другая.

— Душечки, чего вы боитесь? — проговорил Ж. вкрадчиво. — Вы говорили про Соньку. Скажите, где она живет, как ее фамилия, и идите с Богом! Не скажете, я вас заарестую, потому что я... — И он тихо назвал свое страшное звание.

Девушки затрепетали.

Первая сказала:

— Я не знаю ее фамилии. Она работает у мадам Жано, шьет, все зовут ее Сонька-гусар.

— А живет она?

— Мы не знаем...

— А где ее можно найти?

— Не знаем! Впрочем...

— Она бывает у Филиппова, — сказала другая.

— И вы мне ее укажете, а я угощу вас шоколадом, — тотчас ответил Ж. и закричал: — Извозчик!

Счастье улыбнулось Ж. Едва вошли они в кофейную, как одна из девушек толкнула Ж. и сказала:

— Вон она, с телеграфистом!

— Сядем и будем пить шоколад, — спокойно ответил Ж. и усадил своих дам за столик, соседний с тем, который занял телеграфист.

Девушки поздоровались с той, которую звали Сонькой-гусаром. Она оказалась стройной, красивой блондинкой с большими синими глазами. Когда она смеялась, обнажался ряд мелких белых зубов и она казалась еще милее.

— Завтра варьете открывают. Будете? — спросила она звонким голосом у спутниц Ж.

— Нет... да... — ответили они смущенно, видимо, тяготясь своей ролью по отношению к подруге.

— А я непременно.

— А кто у вас кавалером? — спросил Ж.

Телеграфист гневно посмотрел на нее, а она звонко засмеялась.

— А кто захочет! Хотите вы...

— С удовольствием. Вы где живете?

— Ямская, дом 15, квартира 5! Спросите Соньку-гусара.

Ж. встал и весело протянул ей руку.

— Значит, по рукам.

— По рукам! — ответила она и хлопнула его по руке.
Телеграфист стал угрюмо торопить ее и позвал лакея для расчета.
— Сплавьте его, — подмигивая на телеграфиста, шепнул ей Ж.
— А вы их!
Он кивнул и тоже стал рассчитывать.
Она ушла за телеграфистом.
Он расплатился, поблагодарил девушек, хотя они брезгливо отвернулись от него, и пошел к дверям, когда в кофейную вбежала Сонька-гусар.
— Ну, скорее на извозчика и драла! — весело сказала она Ж., хватая его за руку.
Он вышел и позвал извозчика.
— Прямо по Невскому! — приказал он.
— Куда же мы?
— Там сообразим, — сказал он и, посадив ее в пролетку, сел сам и крепко обнял ее.
— Пошел!
Пролетка, дребезжа, покатилась.

IX

— Куда же мы поедем? — опять спросила девушка, и в голосе ее послышалась тревога.
— На Морскую, милочка. Я... — И Ж. объявил свое звание и прибавил: — Вы не пугайтесь. Если вы ни при чем, мы вас отпустим, только нам надо расспросить вас об убитом в гостинице госте...
— Я не убивала, — порывисто воскликнула она.
— Тс-с! — остановил ее Ж., — услышит извозчик. Чего хорошего... Налево, по Морской! — распорядился он, обратясь к извозчику, и продолжал говорить девушке: — Не убивали, тем лучше. Расскажите нам, откуда достали вы этого старичка и где вино купили. Все, одним словом...
Девушка резко встряхнулась.
— Расскажу, не поверите. Пропала я!
Ж. рассказывал, что после этих слов он сразу же поверил в ее невиновность, но роль его чисто служебная, и самое дело требовало ее задержания.
Они приехали. Ж. тотчас позвал меня; я поднялся в свой кабинет и позвал Ж. с девушкой, предоставив ему снять с нее показания. Он усадил ее на стул, взял в свои ее руки и ласково сказал:
— Не пугайтесь! Расскажите все, что знаете, и шабаш!
— И вы меня отпустите? — быстро спросила она.
Он пожал плечами.

— До завтра уж ни в каком случае, а там как начальство решит.

Она опустила голову и горько заплакала.

— Я ни при чем тут. Я даже не знала, что его убить хотят. Я думала — это так, для развода...

— Вот, вот. Вас, значит, приглашали? Кто? Как? Когда? Все по порядку. Ну!

Девушка вытерла слезы и решительно сказала:

— Ну, пишите. Я все расскажу!

— Отлично! А я писать не буду. Говорите.

Она поправилась на стуле и стала рассказывать.

— Я не помню, когда это было. Вероятно, недели за две до самого убийства. Я сидела у Филиппова, кофей пила; одна. И вот вошел господин, занял столик и все на меня смотрит. Я ему улыбнулась, он и пересел к моему столику.

— Какой он по виду был?

— Высокий такой, красивый, с большой светлой бородой. Шляпа была мягкая, хорошая, и пальто хорошее...

Ж. кивнул.

— Ну, и подсел... Подсел, — стала продолжать Сонька-гусар, — угостил меня, шутить стал и потом спросил мой адрес, велел мне домой идти и сам приехал; вино привез, икру...

— Назвал себя?

Девушка покачала головой.

— Разве нам назовут! Мы и не спрашиваем даже...

— Ну!

— Уехал и пропал. Потом опять приехал, повез меня на Крестовский. Оттуда к Палкину. Сидит со мной в кабинете и говорит: «Хочешь, Катя, 50 рублей заработать?» Я ему засмеялась и говорю: «Очень даже! Как?» А он мне: «Пустое, — говорит, — дело. Здесь есть очень богатый старичок. Иди его замарьяжь и в номер приведи: там напой его и оставь! Вот и все!» Я удивилась: «Зачем это?» Он засмеялся и говорит: «Он, старый пес, все святошей прикидывается, так мы его изобличить хотим. Ты мне скажешь, когда и куда приведешь. Я с товарищами рядом номер возьму и будем в щелку глядеть, а как он заснет пьяный, то ты уйдешь, — мы к нему придем в номер и дождемся, как он проснется. То-то удивится!» И он тут стал так весело смеяться, что и мне занятым это показалось. «Что ж, — говорю, — это пари?» — «Пари». — «А как, — говорю, — я его замарьяжу?» — «Это пустое! — он-то говорит. — Мы ему письмо напишем и свиданье назначим. Он и придет. А ты с ним, как будто ты не такая... понимаешь?.. И потом — в гостиницу. А там раньше номер возьмешь. Идет?» Меня корысть взяла, да и сама я пошутить не прочь. «А кто, — спрашиваю, — деньги отдаст?» — «Я! Как на свиданье пойдешь, так и деньги!» Я и согласилась.

Сонька-гусар оживилась.

— Если не верите, у подруги Маши спросите. Я ей тогда все рассказала, и она все еще отговаривала...

— Маша? — переспросил Ж. — Она где живет?

— Да где и я. Она модистка. На Ямской!

— А она этого господина видела?

Сонька кивнула.

— Когда он пил у меня, я и ее позвала. Вместе сидели...

Ж. закивал головою и потер руки.

— Отлично! Ну, рассказывай дальше...

Х

Она стала продолжать прерванный разговор.

— Как есть 6 августа, на Спаса, он ко мне утром. «Ну, — говорит, — сделано, готово. Теперь все за тобой!» — и смеется. Я тогда, помню, поглядела на него, вижу, смеется, а из себя совсем бледный, и глаза горят, и смех нехороший. Стало мне как-то неловко, и я уже отказаться хотела, а он словно почувал. «Вот, — говорит, — тебе 50 рублей, как есть на осенний сезон!» — и я сдалась. «Ну, — говорю, — как же все? Где и что? Куда идти, что делать?» Он сел, достал бутылку вина. Хорошее вино. Я открыла бутылку. Налили мы стаканы, и он мне все рассказал. Зовут того старика Кузьмой Федоровичем; написал он будто ему письмо, в котором я объясняюсь ему в любви и прошу на свидание в Александровский сад в 8 часов. Ну, и должна я там быть и затем врать ему с три короба и замарьяжить. «Ты, — говорит, — говори, что хотела бы гувернанткой быть, что такое место ищешь». Я согласилась. «А как же я ему скажу, где я его видела?» — «Скажи прямо, что в его доме живешь. Вот и все!» — и дом назвал. Мне даже смешно сделалось. «А как я его узнаю?» — «Сядь у фонтана и вот эту книгу на коленях держи». Дал мне книгу в такой красной бумажке. «И подойдет, — говорит, — к тебе такой господин, среднего роста, плотный, с седой бородой, в золотых очках, в плюшевой шляпе». Я согласилась и сказала, что буду. Тут он мне дал 10 рублей и завернутую бутылку. И сказал: «Часов в 5 пойдешь и в гостинице заранее номер возьми. Там и бутылку оставь». — «Хорошо», — говорю. «Потом приди в сад и скажи мне, какой номер, — я тогда тебе и 50 рублей отдам». Я тоже согласилась. Он собирался уходить и еще прибавил: «Придешь с ним, громко говори! Мы рядом будем. Когда он заснет и ты уйдешь будешь, хлопни в ладоши два раза. Да еще: вина этого сама не пей! Заснешь». — «А оно, — спрашиваю, — с каплями?» Он кивнул, засмеялся и ушел...

Она перевела дух.

— Устала я, — сказала она, — хоть бы чайку выпить или пива.

Я велел подать ей чай.

— Как же вы дальше сделали?

— Дальше-то? Как по писаному!..

XI

Сторож принес стакан чаю. Она жадно отхлебнула два глотка и продолжала:

— Взяла я номер. 5 рублей заплатила и бутылку оставила. Пошла в сад, а по дороге он навстречу. «Взяла?» — «Взяла!» — «Какой?» Я говорю: «Третий!» Он мне тотчас подал конверт, сказал: «Действуй!» — и пошел прочь. Я зашла в сад, села у фонтана, положила книжку на колени и стала ждать. Пока что в конверт заглянула. Там две беленькие по 25 рублей... Хороший господин... Вот я сижу, сижу, и вдруг идет господин с седой бородой, в золотых очках, зонтик в руках. Идет и все выглядывает. Ну, думаю, мой! И книгу на виду держу.

— Книга-то у вас дома? — спросил Ж.

— Дома! Красная такая, — ответила Сонька и продолжала: — Увидал он и прямо ко мне: «Позвольте присесть!» — «Пожалуйста!» Он сел и все на меня косится. Я засмеялась. Тут он осмелел и показал мне письмо. Это, говорит, ваше? Ну, я прикинулась, что стыжусь, и все пошло... Он, старичок-то, мягкий такой, покладистый. Я его живо обвертела и повела. Он мне уже место обещал. «Я, — говорит, — вдовец, у меня дочь, и ей гувернантка нужна. Я вас возьму!» Привела это я его. Он дюшес спросил. Налила я вина. Сама отхлебнула да потом выплюнула, а он стакан выпил. Пошел на постель, стал раздеваться, да как плюхнется — и заснул!.. Я подождала, он спит. Ну, я хлопнула в ладоши, взяла книжку и ушла, а его будить не приказала.

— А огни кто погасил?

— Он!

Она помолчала и прибавила:

— Вот и все. Больше я ничего не знаю. Потом как прочла в газетах, меня так и затрясла лихорадка. Машка укорять стала. Господи, разве я знала!.. — И она заплакала.

— Отчего же вы сами не пришли и не рассказали вот всего этого?

— Боялась. Еще, думала, затаскают. Покоя лишат. Иногда, думаю, пойду. А потом и страх возьмет...

— А его узнаете?

Она сразу в ярость пришла.

— Только покажите мне черта этого. За сто верст узнаю! Лицо ему раскраснелю, глаза выцарапаю! Только покажите его!

— В том-то и дело, что найти его надо, — печально сказал Ж. — Ну, да я найду! Вы его больше не видели?

— Нет. Как провалился...

— Ну, а кто он, по-вашему, с виду? Купец, чиновник, художник?..

— Я думала, что чиновник. Показался он мне таким.

— Ну, на сегодня будет, — прекратил я допрос; было уже 4 часа утра. Ж. встал и откланялся.

— А я? — спросила Сонька.

— Вас я до завтра здесь оставлю, — ответил я и сдал ее дежурному агенту.

ХII

В правдивости ее показания я не усомнился ни на одно мгновение.

Она была бы совершенно невинна, если бы не вино. В нем оказалась большая порция опиума, о котором она почти знала.

Жаль девушку, а ничего не поделаешь. Если бы *того* найти!

Я плохо спал эту ночь и на утро тотчас вызвал Ж., приказав ему идти с обыском на квартиру Соньки, опросить там ее подругу Машу и потом с нею по всему городу искать настоящего убийцу. Хоть год искать, а найти!

Соньку-гусара препроводили к следователю и заключили в тюрьму.

Конец нити уже был найден.

Ж. энергично взялся за дело...

ХIII

Он пришел на квартиру Соньки-гусара, спросил ее комнату и сделал самый тщательный обыск, но ничего обличающего ее не отыскал. На комодике лежала книжка «Вестника Европы» за август месяц, совершенно свежая, неразрезанная, которую он и захватил с собою.

После этого он дождался Машу.

Это была красивая, полная, маленького роста брюнетка.

Увидев его в своей комнате, она с недоумением остановилась на пороге комнатки.

Ж. встал ей навстречу и дружески заговорил:

— А я вас добрый час как поджидаю. С работы?

— С работы. А на что я вам? Кто вы?

— Я? — Ж. назвал себя, свое звание и быстро продолжал: — Я от вашей подруги, Софьи...

— Ее арестовали?

Он кивнул.

Маша хлопнула по бедрам руками.

— Вот! Я ей говорила!

— Вам жалко ее?

— Еще бы...

Она тяжело опустилась на стул.

Ж. встал перед ней.

— Тогда помогите ей выпутаться из беды.

— Помогите мне найти настоящего виновника. Вы его видали у нее. В лицо его узнать можете? Ну, вот! Станем мы с вами дежурить подле всех министерств, станем искать на улицах, в клубах, в театрах. Везде! Согласны?

Она быстро кивнула головой и вскочила.

— О, я его узнаю сразу! — воскликнула она.

— И отлично! А когда мы его возьмем, Софья будет сразу свободна.

— Ах, она ни в чем не виновна, — с убеждением сказала Маша.

— Я тоже думаю, — ответил Ж. и прибавил: — Только об этом никому!

— О, понятно.

— Вы можете на время оставить магазин? Мы вам заплатим. Она согласилась.

— Хоть поругаюсь, а брошу. Мне Соня всего дороже!

— Значит, с завтрашнего дня и начнем, — решил Ж. и ушел.

XIV

Я назначил Маше жалованье за все дни поисков, чтобы она имела возможность на время оставить всякую другую работу, и Ж. тотчас начал с ней свои исканья.

Утром они дежурили у Министерства путей сообщения, в 5 часов были у Министерства государственных имуществ, а потом у контроля. А так как в один какой-либо день он мог и не прийти; то они снова и снова повторяли свои дежурства у всех министерств, у всех управлений, у всех контор и банкирских домов. Днем они заходили в маленькие рестораны, к Доминику, в кофейни; вечером были в театре или в клубе, и каждый день возвращались обратно ни с чем.

— Нет его! — с досадою говорила Маша. — Верно, уехал!

Но мы не теряли надежды. В Петербурге не так легко найти человека, который к тому же знает Машу в лицо и, быть может, не раз уже скрывался при ее приближении, но что он будет найден, в этом не сомневались ни я, ни Ж.

И наши расчеты оправдались.

Однажды, когда они проходили мимо Доминика, Маша вдруг порывисто сжала руку Ж. и, задыхаясь, сказала:

— Он!

Словно огнем обожгло Ж. Он встрепнулся.

— Где? Вон идет с портфелем?

Ж. потащил ее за указанным господином.

Они перегнали его.

— Нет, — упавшим голосом сказала Маша, — это не он. Есть какое-то сходство. Глаза, нос, но у того была борода; такая заметная!..

Ж., у которого сначала упало сердце, теперь только улыбнулся и сказал Маше:

— Ну, теперь можешь идти домой и меня оставить.

Лицо Маши выразило удивление.

— Не бойся! Я знаю, что говорю. Иди! — сказал ласково Ж.

Маша молча повиновалась.

Ж. засунул руки в карманы и медленно пошел за намеченным господином.

Тот шел в хорошем пальто, в хорошей шляпе, с портфелем под мышкой.

Он шел тихо, низко опустив голову, видимо, не замечая окружающих.

Ж. раза два перегнал его и заглянул ему в лицо.

Это был мужчина лет 36, с усталым, грустным лицом. Глубокая складка лежала между его бровями, служа как бы продолжением красивого, тонкого носа. У него был гладко выбритый подбородок, маленькие баки и короткие усы рыжеватого оттенка.

Ж. следовал за ним неотступно.

Господин дошел до Морской, свернул в нее и, пройдя до Горюховой, скрылся в подъезде страхового общества. Ж. потер от удовольствия руки.

Служит ли он тут, зашел ли по делу страхования, во всяком случае он теперь от него уже не скроется.

Он перешел улицу и подошел к стоящему у дверей швейцару.

— Скажите, пожалуйста, — спросил он, доставая 20 копеек, — ведь этот господин, с усами и баками, у вас служит?

Швейцар взял монету.

— Господин Синев?

— Да.

— У нас, инспектором.

— Благодарю вас. Большое жалованье?

Швейцар ухмыльнулся.

— Для двоих хватит. Тысячи четыре наберется.

— Как для двоих? — спросил Ж.

— Потому как они недавно женились, — объяснил швейцар.

— А! Благодарю вас! — сказал Ж. и отошел от подъезда, направляясь в портерную.

Там он сел у окошка, спросил пива и стал внимательно следить за всеми выходившими из дверей.

Тогда еще не было адрес-календарей.

В половине пятого Синев вышел из подъезда и пошел по Горюховой.

Ж. уже следовал за ним.

Синев взял извозчика.

Ж. тотчас взял другого и поехал за ним следом.

Они приехали на Серпуховскую улицу, и Синев вошел в подъезд красивого, единственного в то время каменного дома.

— Теперь не уйдешь! — радостно сказал себе Ж. и тотчас явился ко мне с докладом.

Я выслушал его и задумался: взять по одному, да и то такому неверному указанию Соньки, видимо, состоятельного и интеллигентного господина — поступок довольно рискованный.

Я предложил Ж. как-никак сперва удостовериться, тот ли этот самый, который подкупил Соньку-гусара, и если это он, то найти улики. Потом мы сообща составили план первых действий, я отпустил Ж. и стал ждать результатов.

XV

В тот же вечер Ж., не гримированный, но в старом, изношенном костюме, сидел в портерной того дома, в котором жил Синев.

В то время в Петербурге было портерных столько, сколько теперь аптекарских магазинов.

Ж. сел подле самой стойки и вступил в беседу с приказчиком, спрашивая, не знает ли он, где господа лакея ищут.

— Потому как я по этой должности без малого всю жизнь и теперь без места.

— Нет, милый человек, таких у нас нету, — ответил приказчик.

Ж. удивился.

— Такой огромный дом и с парадом, а господ нету!

— Купцы у нас тут живут, контора еще, а из настоящих господ один Синев, Яков Степанович. Так им лакея не нужно.

— Есть?

— Не есть, а не для чего. Сами молодые, год как повенчаны, знакомых никого и со всем у них одна прислуга справляется. Такая шельма! Анюткой звать. У нас завсегда с одним фельдфебелем прохладается, когда господ ежели нет.

— А поди никогда ввечеру не сидят? Господское житье я знаю...

— Тут не так, — отвечал словоохотливый приказчик, — промеж ними быдто есть что-то. Анютка сказывала, что иногда ужасно даже! То, говорит, целуются, то плачут. Онова она хотела за окно выброситься, в другой — он чуть не зарезался.

— Что ж это с ним?

Приказчик пожал плечами. Сидевшая в углу с мастеровым какая-то женщина вдруг обернулась.

— Это ты про Синевых? — спросила она приказчика.

Тот кивнул.

— Про их балакаю.

Женщина внезапно оживилась и, поправив на голове платок, заговорила.

— Про этих господ ты у меня спроси. Я у их завсегда белье стираю и всю-то их жизнь — во как знаю! С чего они живут так...

Ж. тотчас поднялся и подошел к прачке. Протянув прачке, а потом мастеровому руку, он сказал:

— Позвольте познакомиться. Прокофий Степанов, по лакейской должности. — И, садясь подле их стола, прибавил: — Очень люблю, когда про господ рассказывают. Дай-ка нам, почтенный, две пары! — приказал он приказчику.

Прачка осталась очень довольна. Когда подали раскрытые бутылки, она и мастеровой чокнулись с Ж., и она тотчас заговорила:

— Господа-то эти душевные очень, да вот поди — не повезло! Барин-то в ей души не чает, и она в ем, и деньги у них, потому у барина хорошее место, а в доме ужаси что.

— Из чего ж промеж ими такая контрибуция? — спросил Ж.

Прачка нагнулась к нему и понизила голос до шепота.

— Видите ли, она-то до свадьбы не соблюла себя. Он и обижается. Где да с кем? А она плакать да на коленки. А он хватя ее! Бьет, а потом сам на коленки и ноги целовать. Тут обнимутся и оба плакать. Я это одново в 3 часа проснулась, в прачешную идтить. Анютка спит что мертвая, а там плач и голоса... Я и подойди. Аж жутко стало. Он говорит: я тебя убью! А она говорит так-то тихо: убей — и тишина вдруг, а потом как он заплачет... Анютка рассказывает — и часа бы не прожила, кабы не доход...

Ж. налил в стаканы пива, чокнулся и спросил:

— А из себя красивые?

— И не говорите! Прямо парочка. Она-то такая стройненькая да высокенькая, что твоя березка. Волоса густые да длинные. Брови что угольком выведены, и всегда сурезная. Нет чтобы улыбнуться...

— А сам?

— Тоже видный мужчина. Высокий, статный. Поначалу, как с бородой был, так еще был красивее.

— Сбрил, что ли? — спросил Ж.

— Совсем! Сказывал шутя, что барыня не любит. Борода-то из русого волоса, большая была такая...

— Ну, прощенья просим! — поднялся Ж.

— Что ж, уж идете?

— Я еще забреду. Тут на Клинском живу, — отвечал Ж., — а сейчас мне надо насчет места наведаться.

— Ну, спасибо за угощение.

— Не на чем!

Молчавший все время мастеровой вынул изо рта трубку и сказал:

— Теперь уже за нами!

— Пустяки, — отвечал Ж. и, простившись за руку с приказчиком, вышел.

— Обходительный мужчина, — сказала прачка, — приятно и в компании посидеть.

А обходительный мужчина забежал домой, переоделся и через полчаса уже был у меня.

— Убийцы найдены! — сказал он и рассказал все вышеописанное.

XVI

С этих пор не проходило вечера, чтобы Ж. не распил в портерной на Серпуховской 6, 8, а то 12 бутылок пива в дружеской компании за беседой.

Он успел, кроме прачки, познакомиться и с обоими дворниками, и с Анюткою, и даже с ее фельдфебелем, и все они не могли нахвалиться своим новым приятелем.

Анютка успела рассказать Ж. много интересного и нового.

Они однажды после крупной ссоры словно помирились и все целовались. Потом собрались ехать к тетке на дачу, в Лугу. Уехали, а на другое утро барыня одна вернулась. Бледная, чуть живая, и сразу в постель легла.

— Я думала, что барин, может, бросил ее, потому что никогда не было, чтобы они разлучились. А тут и ночь прошла, а его нет. Только рано утром звонок. Я отперла и даже закричала. И барин, и не он! Бороду-то всю напрочь сбрил и усы окарнал. «Что это вы? — говорю, а он смеется: «Теперь барыня, — говорит, — довольна будет. Она мою бороду не любила!» Прощел к ней, и стали они что-то шептаться. Мирились, верно.

Ж. кивнул ей головою и сказал, подмигивая на фельдфебеля:

— А вы небось не прочь, кабы они и недельку у тетки пожили? Праздничек бы справили.

Анютка засмеялась.

— Мы и то привыкли. Как есть на Спаса было. Мы это к Преображению ходили, а потом в Зоологию.

— Выходит, из-за бороды и мир? — снова спросил Ж.

— Какой! — отмахнулась Анютка. — Теперь еще хуже. Барыня все плачет, ночью не спит. Барин туча тучей. Ровно схоронили кого.

Ж. больше спрашивать было не о чем. Убийцы были найдены. Я уже со спокойной совестью поручил ему арестовать обоих и доставить в сыскное.

На другой день он дождался, когда Синев уехал на службу, и уже в своем обыкновенном костюме поднялся по парадной лестнице и позвонил у двери, на которой была прибита медная дощечка с надписью: «Яков Степанович Синев».

XVII

Анютка открыла дверь и с удивлением взглянула на Ж.

— Вы за мною?
— Нет, душечка, — спокойно ответил ей Ж. — проводите меня к вашей барыне.

Анюта удивленно вытаращила глаза.

— К барыне?

— Ну да! Возьми пальто! — И Ж., кинув изумленной Анютке пальто, смело вошел в комнаты.

Через кокетливо убранную гостиную он прошел в столовую. Там у окошка сидела Марья Ивановна Синева с задумчиво склоненной головой.

При входе Ж. она подняла голову и удивленно, испуганно взглянула на него.

Анютка остановилась в дверях.

Ж. приблизился к Синевой, поклонился ей и тихо сказал:

— Я — агент сыскной полиции и пришел арестовать вас по делу об убийстве Кузнецова.

Она приподнялась, в немом ужасе вытянула руки и бессильно опустила на стул.

Анютка вскрикнула и убежала.

Ж. с чувством сожаления взял руки Синевой и слегка встряхнул ее.

— Не пугайтесь! Это должно было случиться. Ваш муж арестован тоже!

Эти слова словно возвратили ее к жизни. Она вдруг выпрямилась.

— Он невинен! — закричала она. — Это я, я одна все сделала!

— Поедьте и там вы все расскажете...

Она покорно встала.

Он помог ей одеться, вышел с нею и запер квартиру, спрятав ключ в карман.

У подъезда стояла уже толпа, и в середине ее Анютка что-то рассказывала, оживленно жестикулируя.

Ж. взглянул в ее сторону и коварно улыбнулся.

Дворник, по его приказанию, привел извозчика.

Он усадил Синеву, сел подле нее, и через 20 минут я уже принимал ее в своем кабинете, а Ж. тотчас пошел в страховое общество и попросил немедленно вызвать Якова Степановича Синева.

Словно предчувствуя недоброе, тот вышел взволнованный и бледный.

— Что вам нужно?

— Меня послала за вами ваша супруга, — ответил Ж., — она зовет вас немедленно.

— Куда? Что с ней? — Синев побелел как бумага.

— Я вам все расскажу по дороге. Едем! — настойчиво повторил Ж.

Синев кивнул головой, скрылся и через минуту вернулся со шляпой в руке.

— Я готов!

Ж. вышел с ним и крепко взял его под руку.

— Куда вы меня ведете? — спросил он.

— Два шага отсюда. В сыскное отделение, — отвечал Ж. — Там ваша супруга.

Синев опустил голову...

Ж. передал мне Синеву, а я тотчас послал его на Серпуховскую собрать улики, если такие найдутся.

Когда он вошел в портерную, она была набита народом и все жадно слушали в сотый раз повторяемый рассказ Анютки.

— Отворяю, это, я дверь, и вдруг он!.. — произнесла она и замолкла с раскрытым ртом.

Все оглянулись.

На пороге портерной стоял этот он, Ж.

— Ну-с, Анна Васильевна, — шутливо произнес он, — пройдемте-ка с вами в квартиру да прихватим дворников и понятых.

Анютка вышла из оцепенения и покорно пошла за агентом.

У дверей квартиры стояли уже околоточный, дворники и понятые.

Ж. вошел в квартиру и велел Анютке показать барынины платья.

Их было восемь. Ж. пересмотрел их и тотчас отделил одно, подол которого оказался залитым стеарином.

Он свернул это платье и составил протокол осмотра.

Потом, обратившись к Анютке, сказал ей:

— Ну, Анна Васильевна, а вы собирайте ваши пожиточки и переселяйтесь отсюда. Вы проследите, — обратился он к околоточному, — а потом закройте и опечатайте квартиру!

XVIII

Дело об убийстве Кузнецова разбиралось в феврале следующего года.

На скамье подсудимых сидели: Синев, бледный, исхудавший, с окладистой русой бородой; жена его, походившая на прекрасную восковую фигуру, страшную в своей апатичной покорности; и похudevшая Сонька-гусар.

Присяжные заседатели услышали тяжелую семейную драму, драму двух любящих существ.

Синев женился на Марье Ивановне Крапивиной по любви, на которую она отвечала ему взаимностью.

И с первой же ночи началась их казнь.

Синев узнал страшное прошлое своей жены.

Она была бедная сирота, окончила Николаевский институт и сразу поступила гувернанткой к девочке у вдовца.

Вдовец совершил над ней насилие, потом отказал ей от места.

Синев слушал эту повесть, испытывал и безумную ревность, и жгучее сострадание.

Кто? Но она не говорила.

Между ними настал ад. Он бил ее, а потом вымаливал прощение. Он заставлял ее повторять историю ее несчастья, останавливаясь на самых оскорбительных подробностях, и потом обзывал ее самыми обидными именами.

Наконец он вырвал у нее имя, узнал его и много раз был готов убить его.

Жизнь стала невыносима, и в одну безумную ночь они решили, что Кузнецов должен быть убит...

Эта мысль охватила их обоих, и они сдружились в жажде отмщения.

Он нашел Соньку-гусара, обдумал весь план и привел его в исполнение.

Для этого он купил у Брабеца кинжал-нож.

В 6 часов они заняли второй номер и пили в нем, поджидая жертву. Потом он отодвинул шкаф, открыл дверь.

В 9 часов они услышали голоса — его и Соньки. Их разделяла только стенка шкафа.

Часов в 10 Сонька ушла.

Вошел слуга и ушел, хлопнув дверью.

Они подождали еще с полчаса, и Синев отодвинул шкаф и вошел в номер.

Она следила.

Он отомстил своему врагу...

Когда они вернулись в номер, она лишилась чувств. Он закрыл дверь, задвинул шкаф, вымылся и привел ее в чувство.

Они дождались 5 часов утра и уехали.

Они вернулись домой. Он проехал в Псков и вернулся оттуда в другом пальто и обритый...

Присяжные чуть не плакали, слушая их душевную драму и содрогались, слушая историю мести.

Защитник сказал блестящую речь, но присяжные все-таки назвали их виновными, и суд приговорил их к каторжным работам: его на 18 лет, а ее на 12 лет.

Соньку-гусара оправдали.

Для Ж. за это дело я выхлопотал награду.

ПОЛКОВНИЦА

Однажды, получив от градоначальника предписание удовлетворить просьбу некой полковницы Сидоренко, я немедленно распорядился вызвать ее в сыскную полицию. Прошло достаточно времени, и я успел совершенно забыть и о предписании, и о самой полковнице, как вдруг мне докладывают, что полковница Сидоренко желает меня видеть.

— Проси в кабинет!

Чрез минуту предо мной явилась высокая и плотная женщина, лет под 50, с маленькими черными усиками и свирепым видом. Я предложил ей сесть и задал обычный вопрос:

— Чем могу быть полезен и в чем ваше дело?

— Видите ли, сударь, — заговорила моя посетительница густым баритоном, не успев еще сесть, — я вдова полковника Сидоренко, имею дочь. И вот однажды Наташа, то есть моя дочь, приходит и говорит: «Маменька, я пойду к тетеньке». — «Иди, — говорю, — матушка, но постарайся вернуться к вечеру». Она ушла, а я с Марьей Павловной, это одна бедная дворянка, что живет у меня, но не как приживалка, а так, знаете ли, содержу я ее ради бедности и благородства. И вот, сударь мой, сидим это, значит, мы, пьем чай. Вдруг это мне сделалось на сердце так грустно и скучно, что и сказать невозможно, точно будто перед несчастьем каким. И говорю это я Марье Павловне, раскинь-ка, мать моя, карточки и погадай, отчего мне тяжело на сердце. Марья Павловна раскинула только карты, посмотрела и ахнула! Большая, мол, вам, благотельница, предстоит радость неожиданная. Какая, думаю, мне может радость предстоять, когда я вот уже 14 лет вдовою, а о дочке, признаться, вот и забыла. Думаю, думаю, какая же это радость мне предстоит, как вдруг двери распахнулись, и дочка моя бух мне в ноги, и вся, сударь мой, во флердоранже. «Маменька, — говорит, — не губите!» Я это посмотрела и говорю: «Уж не зарыжим ли?» — «За ним, маменька». Ну уж тут, признаться, сударь мой, не стерпело мое огорченное сердце! Я как развернулась да бац Марью Павловну в личико, сама замерла.

— Кто же этот рыжий? — спросил я, заинтересованный ее рассказом.

— А если вам, сударь мой, не говорят его имени, то, значит, не следует и спрашивать.

— Но скажите хоть его звание.

— Да что вы ко мне пристали, прости Господи, точно допрос с меня снимаете. Где бы вам выслушать меня да помочь мне, а вы... Нехорошо, сударь, нехорошо!.. — рассердилась полковница.

Я извинился и просил ее продолжать.

— И вот, — продолжала полковница, — очнулась я, а тишина кругом, в комнате ни души, только друг мой Амишка ходит около моей головы и облизывает меня. Знать, ушли, мерзавки, подумала я, и оставили меня одну, беззащитную вдову, да в таком больном положении. Вспомнила я, что случилось, мигом оделась да явилась к самому Феодору Феодоровичу Трепову. Так и так мол, ваше превосходительство, войдите в положение бедной вдовы, муж, говорю, мой кровь за отечество проливал и кавалером был ордена Святых Анны. А он меня прислал к вам, Путилин, говорит, все сделает. Я вот и пришла к вам.

— Так что же вам угодно, чтобы я сделал? — спрашиваю я полковницу.

— А это уж не мое дело, на то вы и начальник сыскной полиции, вам лучше знать.

— Но что же вы желаете?

— Что я желаю? — И при этом полковница задумалась. — Я желаю, чтобы брак был расторгнут, потому что он был совершен без родительского благословления.

— Тогда обратитесь к митрополиту, а я же в этом случае совершенно бессилен.

Вдруг полковница рассердилась.

— Да что вы, не учить ли меня хотите, так молоды, сударь! А к митрополиту меня не посылайте, потому что если б нужно было, то Феодор Феодорович и послал бы меня к нему, а не к вам, и выходит, что не митрополит должен мне помочь, а вы, и рассуждать вам не приходится, а должны слушаться распоряжения высшего начальства.

— Но позвольте, — начал я вразумлять свою странную посетительницу, — ведь ваша дочь совершеннолетняя, а потому имела право выходить замуж, за кого ей угодно, и, значит, по закону этот брак действителен и его расторгнуть нельзя.

— Да что вы мне говорите, по закону, по закону! Раз Феодор Феодорович приказал, значит, здесь и закон ни при чем.

— Это невозможно, — ответил я с раздражением, теряя терпение и надежду объяснить и растолковать что-нибудь своей бестолковой собеседнице. И наконец, чтобы отвязаться от нее, я предложил ей последнюю меру: выслать ее рыжего зятя в 24 часа из Петербурга.

— Вот, вот, — обрадовалась полковница, — на этом я и настаиваю, а вы не хотели понять. Да нельзя ли его послать куда-нибудь подальше, в Сибирь, например.

— Ну, в Сибирь не в Сибирь, а куда-нибудь за окраину возможно, но только не забудьте, — добавил я, — что ваша дочь

имеет полное право следовать за ним, и это мы запретить не можем, так как даже женам каторжных предоставляется право следовать за своими мужьями.

— Ну уж нет, извините, этого не будет, не позволю. Разве только через труп мой Наташа к этому мерзавцу рыжему придет. Умру, а не позволю.

И тут с полковницей случилось нечто необычайное. Ее красное лицо стало сине-багровым, крючковатые пальцы сжались в два огромных кулака. Она вскочила и затряслась. И я уже стал думать о собственной безопасности. Предложив ей воды, я с большим усилием ее успокоил и уже надеялся, что она скоро уйдет, как вдруг она, вытащив из кармана сложенный лист бумаги, со словами: «А это еще что», — подала его мне. Я развернул поданный лист и прочел вызов участковым мировым судьей вдовы полковника Сидоренко по уголовному делу, за оскорбление действием дворянки Хвостостиковой.

Прочитав повестку, я объяснил ей, в чем дело. И нужно было видеть удивление полковницы!

— Что! Меня, меня обвинять! Да разве полковницы могут оскорблять действием? Эх сказал, сударь!

Теперь уж в свою очередь я опешил и, едва удерживаясь от смеха, начал ей растолковывать смысл закона и значение выражений уголовного дела и оскорбление действием. Но полковница никак не могла согласиться со мной.

— Ну, времена! Нет уж, при покойном Николае Павловиче, царство небесное, таких порядков не было, и как хотите, а уж в суд не пойду.

— Ну, тогда оштрафуют или приведут с полицейским, а тот напишет заочное решение — и наказать все-таки накажут.

— Как? Хотя и в суде не была?

— Да, по заочному решению.

— И сильно накажут?

— Как вам сказать, месяцев на 5 посадят в тюрьму.

— Ну нет-с, чтобы я из-за этой мерзавки в тюрьме сидела, уж тысячу рублей лучше не пожалею. А на вас, сударь, — вставая, сказала полковница, — буду жаловаться Феодору Феодоровичу. Так и скажу: ваше превосходительство, вот вам мой добрый совет, прогоните Путилина, потому что какой он начальник сыскной полиции, когда не может защитить бедную благородную вдову и приказаний не слушает. Посмели бы вы, батюшка, при покойном царе Николае Павловиче не исполнить приказания начальства, так выдрали бы вас за милую душу.

При последних словах она плюнула и, резко повернувшись, не прощаясь, вышла из кабинета.

Я же, дав волю душившему меня смеху, звонко расхохотался.

ПАЛАЧ

I

Это было еще в начале моей полицейской карьеры. Если не ошибаюсь, в 1857 году...

Осенью, в последних числах сентября, ко мне, в то время полицейскому надзирателю Спасской части, вошел вестовой Сергей и доложил:

— Незнакомый человек, не объявляющий своего звания, целый день трется около конторы квартала и ищет случая припасть с личной просьбой к вашему высокородию. Человек подозрителен...

— Почему?

— Дал мне 30 копеек, чтобы я допустил его на разговор с вашим высокородием наедине.

— Позови, — говорю.

Через несколько минут Сергей ввел в кабинет субъекта лет, по-видимому, сорока, одетого в обыкновенный мещанский наряд. Это был лысый, высокого роста человек...

На вопрос, что ему надо и кто он, неизвестный отвечал, что он динабургский мещанин Яков Дорожкин, недавно прибыл из Динабурга и что паспорта не имеет, а остановился на Васильевском острове у своего кума, бессрочно отпускного матроса Балтийского флота Семена Грядущего, который вот уже несколько лет служит у адмирала Платера кучером.

Отрекомендовав себя подобным образом, этот странный человек вдруг встал на колени и, просительно складывая руки, заговорил:

— Явите Божескую милость, ваше высокородие! Окажите ваше высокое содействие моему куму Семену к определению его в должность...

— Да ведь он служит, твой кум Семен, — сказал я. — Какой еще ему службы надо?

— Служит он действительно, ваше высокородие, и при хорошем месте состоит... Только сделайте такую милость, определите его в *палачи*!..

Как ни натерел уже мой полицейский слух ко всякого рода заявлениям, однако мне показалось, что я ослышался...

— Чего?.. Куда?.. — переспросил я.

— Палачом хочет быть кум Семен, — ответил ясно Дорожкин. — Сделайте такую милость, ваше высокородие, похлопочите...

Я велел просителю встать, а сам невольно задумался, удивленно поглядывая на неожиданного «просителя»... Он стоял, почтительно вытянувшись и пожирая меня глазами, блестящими из-под его морщинистого лысого, узкого и высокого лба.

II

Надо вам заметить, что на основании существующих в то время законоположений правительство предлагало обязанности палача лишь преступникам, подлежащим лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь или к отдаче в арестантские роты. Но даже и при этих условиях кандидатов на эту должность почти не находилось. Да оно и понятно: роль палача не свойственна русскому человеку, и даже среди арестантов охотников на нее всегда было мало. Правительство даже циркулярно в разных губерниях, по тюрьмам, разыскивало желающих принять на себя эти ужасные обязанности.

Вот почему после нескольких минут раздумья я решил, что дело во всяком случае надо расследовать, и тотчас задал вопрос, судился или нет когда-либо его кум.

Оказалось, что Дорожкин этого не знает, но что во всяком случае кум, Семен Грядущий, просит во что бы то ни стало выхлопотать ему определение на должность палача, обещая не пожалеть на это никаких расходов, лишь бы, впрочем, об этом до времени не было известно адмиралу Платору.

— Потому, видите ли, адмирал с трудом отпускает кума со двора, разве раз в месяц — в баню. Вот я за него и прошу, и так как кум завтра, кстати, именинник, то позвольте порадовать его, что вы взялись хлопотать по его делу...

Заинтересованный еще более как ходатаем, который, казалось, вполне искренне желает угодить своему приятелю, так в особенности личностью человека, который, живя на свободе и в известном достатке, стремился принять на себя ремесло палача, я решил заняться этим делом основательно.

Прежде всего я справился, почему он обратился именно ко мне, а не к другому и кто его ко мне направил. Ответы получились удовлетворительные. Рекомендовал ему меня, как могущего выхлопотать такую должность, писмоводитель и паспортист квартала, служивший несколько лет у квартального надзирателя Шерстобитова.

Я объявил странному ходатаю, что завтра же по делам службы буду на Васильевском острове и чтобы он вместе со своим кумом к часу дня явился в гостиницу «Золотой якорь», куда я заеду.

Дорожкин отвесил мне поклон до земли и заявил на прощанье, что кум его ничего не пьет, не курит и человек весьма набожный... Словом: удивление, да и только...

III

Подъезжая на другой день к «Золотому якорю», я увидел, что мой вчерашний посетитель уже ожидает меня у подъезда.

Очень предупредительно встретив меня и введя в отдельный номер, он опять бросился на колени и умоляющим голосом стал просить подождать не более получаса, потому что кум его не успел приготовить надлежащего одевания, дабы предстать предо мною во всей форме своего будущего звания.

В ожидании появления кандидата в палачи я стал расспрашивать Дорожкина, чем он занимался. Совершенно свободно и без всяких оговорок он объяснил, что с 20 лет жизни вместе со своим отцом он занимался провозом контрабанды, преимущественно чая. Но лет шесть тому назад они были пойманы и сидели в тюрьме более 2-х лет. В тюрьме отец его, бывший шляхтич, умер.

Во время этой откровенной беседы в номер вошел мужчина и, поклонившись мне в ноги, с волнением произнес:

— Будьте отец и благодетель, устройте, чтобы я был палачом. Век за вас буду Богу молиться. Все расходы снесу, какие потребуются. Желаю послужить государю...

Он поднялся, и я увидел человека лет пятидесяти на вид, роста выше среднего, очень крепкого сложения, с густыми русыми волосами, подстриженными в скобку, и с усами. Одет он был в плисовую черную безрукавку, в такие же шаровары, запущенные в голенища сапог, и в красную кумачную рубашку. Безрукавка была перехвачена узким пояском из позумента.

— Я, — говорит, — служил во флоте, вышел в бессрочный отпуск и нынче служу кучером по найму у адмирала Плалера. Адмирал мною доволен. Я холостой, от роду ничего не пью и не курю.

IV

На вопрос, почему явилось у него желание быть непременно палачом, новый мой знакомец понес опять-таки удивительные речи:

— Два раза в жизни видел я, — заговорил он, — как на Конной площади палач Кирюшка наказывал убийц... Да разве это палач? Да разве так наказывать надо? Да разве такую для этого надо иметь руку!.. Эх, прямо вскочил бы на эшафот, значит, да и выхватил бы у него плеть, да и потянул бы... вот как... не

«по-кирюшкинскому», а так, что «они», преступники то есть, и не встали бы... Силу в этом я необыкновенную имею, — продолжал этот удивительный собеседник, — вот уже месяца два я еще больше в этом деле упражняюсь. Каждый день утром по двадцати ударов кнутом каждой лошади даю, и вечером повторяю ту же самую порцию. Вот кум видел... Как я вхожу в конюшню, страх на лошадей находит непомерный... рычат, топочат, брыкаются.

На эти слова кум, то есть Дорожкин, убежденно заметил:

— Точно, как волшебник, скота даже в повиновение привел...

А лошадиный пока что палач продолжал:

— И адмирал мною доволен и не раз говорили: «Ну, Семен, преобразовал ты у меня лошадей, едут ровно; останавливаются как вкопанные...» Ваше высокородие, за определение меня в палачи вы и ваше высшее начальство будете довольны.

Эту последнюю фразу Семен Грядущий произнес с особенным ударением. Вслед за тем он вынул из кармана красную феску с большой золотою кистью, надел ее на голову и повелительно произнес:

— Кум! Встань-ка туда к двери... задом!.. Облокотись на дверь, будто представляешь, что приготовился к наказанию... Видели ли вы, ваше высокоблагородие, как плетью наказывают? — обратился он потом ко мне.

Хотя я и был очень озадачен неожиданностью приготовлений и мог бы, разумеется, прекратить это, ответив, что видел, и не раз, но, заинтересованный исходом, заявил, что никогда не видел.

— Так вот как это производится! — воскликнул Грядущий. — Кум, стой!

С этой грозной фразой будущий палач, у которого в правой руке уже оказалась плетель, а левая была засунута за пояс, в одно мгновение сбросил с себя поддевку, с каким-то остервенением заломив на сторону ермолку, произнес: «Берегись...» — и стал медленно подходить к имевшему в это время очень жалкий вид куму.

При следующем слове — «ожгу...» у кума подкосились ноги, и он, не выдержав, воскликнул:

— Кум, не могу больше — страшно!..

— Вот, — обращаясь ко мне, произнес палач, — ваше высокоблагородие, вот моя сила где!..

Надо было как-нибудь закончить эту дикую сцену. Я спросил Грядущего, безразлично ли для него, куда бы его ни назначили для исполнения этих обязанностей, и получил ответ:

— Я бы желал в одном из больших городов, там практики больше!..

Узнав от него же затем, что сам он из Тверской губернии, я попробовал было заметить, что ведь для испытания его способностей его могут послать именно в Тверскую губернию, а там, может быть, к его несчастью, ему придется наказывать не только одно-

сельчанина, но даже родственника. На это зверь-человек с особенным достоинством возразил:

— Да если бы и отца родного пришлось наказывать, так я не пощажу... А ежели он перенесет 30 ударов, то я буду просить начальство сечь меня, куда сам не помру...

V

Сказать правду, мне стало грустно и тяжело. Да и устал я от этой бездны, как мне тогда казалось, человеческой жестокости и бездушия...

Я поднялся с места.

— Вот что, братец, — сказал я Грядущему, — назначение в палачи от меня лично, как ты знаешь, не зависит. О твоём желании и о том, что я видел, передам начальству, как оно решит, так и будет...

Претендующий на должность палача и его кум поклонились мне и предупредительно бросились подать пальто. Подавая его, Грядущий, однако, заговорил опять:

— Вот что, ваше высокоблагородие, когда же мне примерно ожидать решения? Потому, ежели что, то я согласен и на преступление-с...

— Это на какое? — невольно спросил я.

— Да так себе... Отвезу Плалатера в гости, а сам отправлюсь в Шлиссельбург. Продам там лошадей и карету, явлюсь в Новгород, объявлю, что я непомнящий родства — бродяга. Посадят меня, значит, в тюрьму, а там я и заявлю начальству, что желаю быть заплочным мастером...

— Ну, это ты всегда успеешь еще сделать, — сказал я и собрался уже совсем уйти. Но кумовья что-то вспомнили и опять захлопотали.

— Ах ты, Боже мой! — воскликнули они. — Да что же это мы!.. Ваше высокоблагородие, выкушайте водочки, вина, закуски, чего душе вашей угодно... Может, прикажете, что на дом прислать?!

Но я уже ушел.

VI

На другой день, явившись к бывшему в то время обер-полицеймейстеру, графу Петру Андреевичу Шувалову, я подал ему обо всем рассказанном выше докладную записку. Прочитав ее, граф развел руками и сказал:

— Вот подите же!.. Ведь почтенного адмирала я хорошо знаю. Припоминаю, кажется, даже его кучера... Вот вам и загадка. Си-дишь себе в собственном экипаже и не знаешь, что за человек

такой перед тобой на козлах сидит... Впрочем, обо всем этом я переговорю лично с адмиралом и обо всем ему сообщу.

Несколько дней спустя граф вызвал меня и сказал, что кучер адмирала Платера отослан на испытание в госпиталь, и поручил мне узнать от госпитальных врачей, какого они мнения об этом человеке.

На следующий день утром, при разборе мною в участке арестованных, тот же мой вестовой Сергей сообщил мне на ухо, что человек, недели полторы назад давший ему тридцать копеек, дал ему теперь уже полтинник, лишь бы он доложил о нем мне.

Я велел его впустить. Дорожкин (кум палача-любителя), держа в каждой руке по кульку, вошел и повалился мне в ноги. Из его слов я понял, что он выражает мне благодарность за состоявшееся будто бы уже определение его кума на должность палача, так как он слышал, что Грядущего увезли уже куда-то на «пробу»... Кульки были, конечно, «благодарностью» кума.

К этому же куму, прогнав Дорожкина, я и отправился в здание госпиталя.

VII

В этом госпитале служил в то время знаменитый впоследствии профессор Антон Яковлевич Красовский, который и провел меня в камеру, где в качестве испытуемого содержался наш воображаемый заплочный мастер, кучер Семен Грядущий.

Он встретил меня низкими поклонами и с выражением особенной признательности за определение его на должность палача.

— Здесь меня уже пробуют, ваше высокоблагородие, — заявил он, — гожусь я или нет. — И тотчас же он попросил у дежурного врача позволения испытать при мне свои способности. Эта просьба была тут же и исполнена.

Его вывели в палисадник, где была приготовлена кукла в человеческий рост, набитая в белый холщовый бурнус.

Семену выдан был мочальный плетеный кнут, наподобие плети, и он начал показывать свое искусство как следует...

Он не сразу приступил к этому акту, а попросил предварительно позволить ему нарядиться в соответствующий костюм. Это ему было разрешено; и минут через пять Семен вместо серого халата явился в том самом наряде, в котором он впервые появился предо мною в «Золотом якоре»

Взяв с достоинством кнут в руки, он подошел к манекену и погладил его рукою по спине. Потом, отойдя сажени на две, стал вновь приближаться к нему с особенной торжественностью, восклицая: «Берегись... ожгу!...»

Произведя свои странные действия, этот удивительный «талант» несколько раз оборачивался ко мне, как будто бы взглядом приглашая оценить и удостоверить чистоту его работы и тонкость от-

делки. Вид его выражал необыкновенную самоуверенность и похвалю, не сомневайтесь, мол, ваше благородие, оправдаем, мол...

VIII

Поговорив с доктором, я оставил госпиталь в совершеннейшем недоумении... Что я мог сказать, что доложить по начальству?

Как ни не опытен и не малосведущ в то время я был во всякого рода психиатрии, тем не менее для меня лично не было сомнения, что здесь мы имеем дело с видом умопомешательства — и притом умопомешательства странной формы: *страсть к кнуту*...

Во всех остальных проявлениях умственной и физической деятельности этот человек был совершенно нормален и здоров.

Казалось бы, чего лучше... самый подходящий человек для должности палача... И, однако, при этой мысли меня охватывали невольная жалость и страх. Жалко и страшно было и за этого человека, и за тех жертв, которые могли попасться ему в руки...

«Боже мой, Боже мой! — думалось невольно. — И до такого озверения может дойти человек! Как и почему это могло случиться?»

Ничего не скрывая и не утаивая собственных мыслей на этот счет, я все рассказал графу.

Он задумался...

— В самом деле, — сказал он, — история-то выходит довольно-таки сложная... Не знаю, как тут и быть...

— Позвольте мне, ваше сиятельство, — сказал я, — еще поразведать и порасспросить об этом человеке.

— И в самом деле, сделайте это, — ответил мне граф, — а там видно будет, что с ним делать...

Узнал я историю отрывочную, но довольно-таки грустного свойства.

IX

Семен Грядущий, как оказалось, питал когда-то нежную страсть к одной женщине, которая была зверски убита какими-то злодеями, будучи беременной.

Злодеи были пойманы, осуждены и по тогдашним законам приговорены, между прочим, к всенародному наказанию плетью. Скорбя по утрате любимой женщины и питая в душе понятную злобу к злодеям, Семен Грядущий отправился смотреть, как будет наказывать их палач Кирюшка. И вот тут-то он убедился, что Кирюшка «мирволил» убийцам, наказывая их, по его мнению, весьма слабо.

Здесь кстати будет сказать, что подобное убеждение Семена Грядущего могло быть вызвано и не одним только чувством мести.

Действительно бывало, что подкупленный родственниками убийц или самими преступниками палач иногда являл «незаконную» снисходительность к наказанным.

Палача обыкновенно потчевали за несколько дней до казни, уговаривались с ним в цене за ослабление наказания. Ему вручался задаток. В его же пользу поступали и все те деньги, которые бросались в повозку, везшую осужденного на казнь; и, наконец, после всей операции вручались остальные уговоренные деньги.

Мастера палачи в подобных предварительных беседах обыкновенно еще хвалили свое искусство в глазах просителей.

— Захочу, — говорили, — так научу, как справляться с дыханием, когда его сдерживать и когда кричать!.. По воле и силе моей руки могу показать сильный взмах и отвести удар с легкостью...

Естественно, что и Семен Грядущий, быть может, попал на такую казнь «с сильным взмахом», но с «легким отводом» удара. Но совершенно понятно и то, что просто его рассудок, потрясенный горем, не выдержал и уступил место злобному умопомрачению, искавшему себе выхода в практике «настоящего» заплочного мастера, такого мастера, который, по его мнению, чуть ли не с одного удара должен убивать наказуемого...

Х

Но палачом этому несчастному человеку так-таки и не удалось сделаться...

Рассказал я все это графу, а через месяц узнал, что Семен Грядущий, по собственной ли воле, по распоряжению ли начальства, отправился в один из монастырей на Ладожском озере. Далее я потерял о нем всякие сведения...

И слава Богу!..

Но, заканчивая эту историю, не могу не поделиться некоторыми мыслями и ощущениями, которые она навеивает на меня до сих пор...

Как видит читатель, она не относится к делам собственно, так сказать, «сыска». Происходила вся эта история в начале моей полицейской деятельности и тем не менее врезалась мне в память почти во всех своих подробностях. Как живой, до сих пор стоит в моих глазах этот дюжий широкоплечий молодец с лихо надвинутой феской на голове, с вызывающим видом и с горящим взглядом приближающийся с плетью к человеку — куму или даже подобию человека — манекену.

Быть может, происходит это потому, что здесь именно первый раз меня охватила мысль о всей ненужности, жестокости, *ужасном вреде и развращающем влиянии* телесного наказания.

Я никогда не мог пожаловаться на свои нервы. Но именно после этого случая мне всегда казалось, что после публичной, «торговой» казни кнутом или иной подобной казни несколько человек из зрителей уходят домой помешанными...

Слава Богу! Я пережил это время... Я помню тот момент, когда я, уже закаленный полицейский, искренне перекрестился при вести, что этот публичный кнут и эта проклятая плеть отошли в область преданий...

Остаются еще в народном быту розги и их развращающее влияние. Но я, «отставной» ныне старик, перевидавший и переживший многое, твердо верю, что минет и их пора, что настанет тот благословенный день на Руси, когда свист их замолкнет навеки и о самом существовании их будут вспоминать с ужасом и отвращением.

С этой верой я и кладу на этот раз свое перо...

ДУШИТЕЛИ

I

Это была целая хорошо организованная шайка.

Не те «душителы, или туги», описанные Эженом Сю, которые являлись членами страшной секты, а просто «душителы», с целью грабежа избиравшие своими жертвами преимущественно извозчиков.

Наглые, энергичные, смелые, они одно время навели на столицу панику.

Операции их начались с 1855 года.

В конце этого года на волховской дороге был поднят труп мужчины, задушенного веревочной петлей. По расследованию оказалось, что это был крестьянин Семизоров из села Кузьминского, что он ехал домой, был по дороге кем-то удушен, после чего у него взяли лошадь, телегу и деньги.

Убийство страшное, но не обратившее бы на себя особого внимания, если бы следом за ним, на той же самой Волховской дороге, не совершилось совершенно такого же характера другого убийства.

На этот раз был удушен крестьянин деревни Коколовой Иван Кокко, причем у него взяты были лошадь с санями.

Затем страшные преступники как будто переселились в город Кронштадт, и там, друг за другом, также удушением веревочной петлей, были убиты и ограблены крестьянин Ковин и жена квартирмейстера Аксинья Капитонова.

Становилось как-то не по себе при рассказах об этих страхах, а тут вдруг убийство, также удушением, Михеля Корвонена; убийство, тем же удушением, легкового извозчика Федора Иванова — оба раза с ограблением и уже снова в Петербурге, на погорелых местах Измайловского полка.

В то время местность Измайловского и Семеновского полков была мрачна и пустынна, и случаи грабежей и насилия бывали там нередки, но, собственно говоря, бывать в тех местах не являлось надобности, так как жили там преимущественно трущобные обыватели и разная голь.

После же огромного пожара погорелые места Измайловского полка, особенно ночью, казались страшными, как заброшенные кладбища.

Следом за извозчиком Ивановым близ Скотопригонного двора был найден труп также удушенного и ограбленного извозчика.

Как сейчас помню впечатление паники среди жителей столицы, а особенно среди извозчиков.

Нас же угнетало чувство бессилия.

Я был тогда еще маленьким человеком, а именно помощником надзирателя при Нарвской части, но начальство уже отличало меня.

У нас в части во время присутствия только и было разговоров, что об этих таинственных происшествиях.

Пристав следственных дел, некий Прач, толстый, краснолицый, с рыжими усами, самоуверенно говорил:

— Небось откроем! У меня есть такие люди, которые ищут, и сам я гляжу в оба!

Но он больше глядел в оба... кармана мирных жителей своей части.

Другое дело Келчевский.

Он был стряпчим по полицейским делам той же Нарвской части и проявлял незаурядную энергию, особенно в ведении следствия. Совершивший преступление уже не мог открутиться от него, настолько он был ловок, умен и находчив. С ним мы подолгу беседовали о таинственных убийцах.

Как он, так и я не сомневались, что в ряде этих убийств принимает участие не один и не два человека, а целая шайка.

Одновременно с этими убийствами в Петербурге наводила немалый страх и шайка грабителей (это все в 1855 г.), члены которой грабили неосторожных пешеходов в темных закоулках и на окраинах.

Келчевский думал, что убийцы и грабители — одна шайка, но я твердо был уверен в противном, и на эту тему мы с ним горячо и подолгу спорили.

А в городе паника увеличивалась. Многие парни бросили извозный промысел, ни за какие деньги иного Ваньку нельзя было договорить куда-нибудь на окраины вечером, и на ночь выезжали на работу только самые отчаянные из извозчиков.

Конец 1856 года и начало 1857 можно было назвать буквально ужасными. За два месяца времени полиция подобрала одиннадцать тел, голых, замерзших, со страшными веревками на шее!

Это были все легковые извозчики или случайно запоздавшие пешеходы.

Не проходило утра, чтобы за ночь не объявилось совершенное удушение — или на погорелых местах Измайловского полка, или на берегу Таракановки, Обводного канала, или на Семеновском плацу.

Из одиннадцати подобранных тел девять удалось оживить благодаря своевременной медицинской помощи, и рассказы этих оживленных, по-моему, страшнее всяких придуманных рождественских рассказов.

— Наняли меня, — рассказывал извозчик, — два каких-то не то мещанина, не то купца на Рижский прешпект, рядились за 30 копеек, я и повез. Они песни поют. Только въехали мы это с седьмой роты на погорелые места, они вдруг и притихли. Я поглядел: они что-то шепчутся. Страх меня забрал. Вспомнил я про убийцев и замер. Кругом ни души, темень. Я и завернул было коня назад. А они: куда? стой! Я по лошади. Вдруг — хлясть! мне на шею петля и назад меня тянут, а в спину коленом кто-то уперся. Тут я и подбывушился...

— А в лицо не помнишь их?

— Где ж? Рядили, мне и не вдогадь!..

— ...Возвращался от кума с сочельника, — рассказывал другой, — надо было мне свернуть с канавы в Тарасов переулок. Я это свернул, а на меня двое. Сила у меня есть. Я стал отбиваться; только один кричит: накидывай! Тут я почувствовал, что у меня на шею петля, а там запрокинули меня, и я обеспамятовал...

И опять в лицо признать никого не можем.

А признаться, и некого. Граф Петр Андреевич Шувалов, бывший тогда петербургским обер-полицмейстером, отдал строгий приказ разыскать преступников.

А тут еще грабители.

Вся полиция была на ногах, и все метались без следа, без толку.

II

Я весь горел от этого дела. Потерял и сон, и аппетит. Не могут же скрываться преступники, если их начать искать как следует? И я дал себе слово разыскать их всех до одного, хотя бы с опасностью для своей жизни.

Путь у меня был прямой.

Кроме лошади и саней убийцы грабили жертву донага и должны были сбывать куда-нибудь награбленное, а награбленное было типичное, извозчиье.

И я решил в разные часы утра и вечера бродить и искать на Сенной, на Апраксином, на толкучке, пока не найду или украденных вещей, или продавщиков.

С этой целью с декабря 1856 г. каждый день я переряжался то оборванцем, то мещанином, то мастеровым и шатался по известным мне местам, внимательно разглядывая всякий хлам.

Дни шли, не принося результатов.

Келчевский, посвященный в мои розыски, каждый день жадно спрашивал меня:

— Ну что?

И каждый раз я уныло отвечал ему:

— Ничего!

Хотя и было что. В это время грабители были почти уже все переловлены, и я помогал в розыске вещей, но об этом после.

И вот однажды, а именно 30 декабря 1856 г., я сказал ему:

— Кажется, нашел!

Он оживился.

— Как? что? кого? где?

Но я ничего ему не ответил, потому что сам еще знал очень мало.

III

Дело было так.

По обыкновению, я вышел на свою беспредметную охоту вечером 29 декабря.

Я медленно шел, переодетый бродягою, мимо Обуховской больницы, направляясь к Сенной, чтобы провести вечер в Малиннике, когда меня перегнали двое мужчин, по одежде мастеровых.

Один из них нес узел, а другой ему говорил:

— Наши уже бурили ей. Баба покладистая...

Словно что толкнуло меня.

Я дал им пройти вперед и тотчас пошел за ними следом.

Они шли быстро, видимо, избегая людей, и для меня, с моей опытностью, было ясно, что они несут продавать краденое.

Не долго думая, я нащупал в кармане свой перстень с сердоликом и решил доследить этих людей до конца.

Они миновали Сенную площадь и вошли в темные ворота огромного дома де Роберти.

Из-под ворот они вышли на двор и пошли в его конец, а я вернулся на улицу и стал ожидать их возвращения.

Идти за ними оказалось ненужным риском. Место, куда они направились, я уже знал. Там, в подвале, сдавая углы, жила солдатская вдова Никитина, известная мне скупщица краденого.

Знала и она меня не по одному делу, и я пользовался у нее даже расположением, потому что старался всегда не вводить ее в убытки отобранием краденого и устраивал так, что лица пострадавшие выкупали у нее вещи за малую цену.

Ждать мне пришлось недолго.

Минут через 15—20 вышли мои приятели уже без узла.

Я пошел им навстречу и у самого фонаря нарочно столкнулся с одним из них, чтобы лучше разглядеть его лицо.

Он выругался и отпихнул меня, но мне было уже довольно для того, чтобы я узнал его в тысячной толпе.

Я перешел на другую сторону и стал следить за ними. Они зашли в кабак, наскоро выпили по стакану и вышли, закусывая на ходу печенкой.

Один спросил:

— Ночевать где будешь?

— А в Вяземке, — ответил другой.

- На канаву не пойдешь?
- Не. Там Мишка, ну его! А ты?
- Я тут... с Лукерьей!

Они остановились у дома Вяземского, этой страшной в то время трупщобы, и распростились.

Я тотчас вернулся в дом де Роберти и вошел прямо в квартиру Никитиной.

Она пила за некрашеным столом чай, со свистом втягивая его с блюда.

Взглянув на меня, она безучастно спросила:

— Чего, милый человек, надо?

Я невольно засмеялся:

— Не узнала?

Она оставила блюдо и всплеснула руками.

— А вот те Христос, не признала, ваше благородие! Вот обрядились-то. Диво! Ей-Богу, диво!

— За делом к тебе, — сказал я.

Она тотчас приняла степенный вид и, взглянув в сени, старательно закрыла дверь.

— Что прикажете, ваше благородие?

— У тебя сейчас двое были, вещи продали, — сказал я. — Покажи их!

Она кивнула головою, беспрекословно подошла к сундуку и раскрыла его.

Я задрожал от радостного чувства, когда она вытащила и показала мне вещи.

Это были: довольно старый полушубок и извозничий кафтан с жестяной бляхой!

Чего лучше. Предчувствие меня не обмануло, я напал на след!

Но следом за этим наступило разочарование.

— Пятерку дала, — пояснила мне равнодушно Никитина, — али краденые?

— Другое-то разве несут к тебе? — сказал я. — Ну, вещи пока что пусть у тебя будут. Только не продавай их, а теперь скажи, кто тебе их принес?

Она подняла голову и спокойно ответила:

— А пес их знает. Один через другого, мало ли их идет. Я и не спрашиваю!

— Может, раньше что приносили?

— Нет! Эти в первый раз.

— А в лицо запомнила?

Она покачала головою.

— И в лицо не признаю. Один-то совсем прятался, в сенях стоял, а другой все рыло воротил. Только и видела, что рыжий. Да мне и в мысль не приходило разглядывать!

Я смущенно вздохнул.

— Ну, так пока что хоть вещи побереги!

И вот на это-то происшествие я и намекнул Келчевскому.

Несомненно, я напал на след; я знал это, но вместе с тем у меня в руках не было еще никакого материала.

Тем не менее я решил арестовать этих людей и стал их выслеживать.

IV

В это время, пока я выслеживал свою дичь, двое надзирателей Нарвской части арестовали двух человек по подозрению.

4 января 1857 года, вечером, шли они по Обводному каналу и вдруг слышат, как двое мужчин рядят извозчика к Калинкину мосту и говорят ему:

— Только вези нас беспрерывно через погорелые места!

Слова эти показались полицейским подозрительными, и они арестовали обоих мужчин.

Прач возликовал.

— Самих убийц за ворот ухватили! — говорил он, пыхтя от волнения.

Но мужчины оказались сапожным подмастерьем и сидельцем из лавки, которые ехали к знакомым женщинам.

— А наказывали мы через погорелые места ехать от храбрости. Сказывали, что там опасно, ну а мы как ничего себе... слава Богу... — объяснили они, показывая кулаки, и их отпустили.

Прач выругал надзирателей и надулся, а тут, словно ему в упрек, 7-го числа я арестовал своих молодцов, обвиняя их в продаже тулупа и армяка.

Келчевский взялся их допросить.

Один из них, рыжий здоровый парень с воровской наглой рожей, назвался государственным крестьянином Московской губернии Александром Петровым, а другой любимским мещанином Иваном Григорьевым.

Заявили они, что ходят без дела, ищут места, а что до Никитиной, то никакой такой не знают и никаких вещей ей продавать не носили.

Уперлись на этом, и конец.

Мы их посадили. Я занялся проверкою паспортов. Все в порядке.

Вызывали Никитину, и не знаю, боялась ли она вправду, только она не признала ни того, ни другого.

А между тем во мне уверенность, что это именно одни из «душителей», была так крепка, что я передал ее и Келчевскому, и тот продолжал держать их в тюрьме.

Время шло.

Я продолжал свои поиски, но безуспешно. Мои арестанты сидели, и Келчевский также безуспешно разговаривал с ними. Убийства с удушением повторялись.

Я уже падал духом, как вдруг опять случай пришел мне на помощь.

V

Я уже упоминал выше про шайку грабителей, оперировавшую в это же время в Петербурге.

Она состояла всего из шести человек, и тому же Келчевскому поручено было производить по этому делу дознание.

Я никогда не упускал случая присутствовать при его беседах с преступниками, если у меня выпадало свободное время.

Он, в свою очередь, никогда не отказывал мне в этом, и должен сказать, что если впоследствии, уже будучи начальником сыскной полиции, я умел добиваться сознания там, где мои помощники совершенно терялись, — то этим я обязан целиком Келчевскому.

С десяти слов он умел поставить допрашиваемого в противоречие с самим собою, загонял его совершенно и у сбитого с толку добивался наконец правдивого рассказа.

Так и тут. Разоблачение шайки делалось быстро; роли каждого определялись тотчас, преступления устанавливались, вещи отыскивались.

В тот раз, о котором я рассказываю, он допрашивал Крюкина, старого рецидивиста. Окончив допрос, он вдруг сказал ему:

— Плохо твое дело, я бы, пожалуй, помог тебе, если бы и ты нам помог...

Лицо Крюкина оживилось надеждою.

— Чем, ваше благородие?

— Где, с кем сидишь?

— Нас много. Восемь.

— А Иванов с тобою?

— Душитель-то?..

Я чуть не подпрыгнул, но Келчевский сохранил полное спокойствие. Он кивнул и сказал:

— Он самый! Дознай от него, скольких он удушил и с кем...

Крюкин покачал головою.

— Трудно, ваше благородие! Дивствительно, говорил, что душил и вещи продает, а больше ничего. Мы его даже спрашивали: как? А он выругался и говорит: я шутил. Ребята сказали, что знают его, ну а как и что подлинно, никто не знает.

— Ну, а ты узнай! — сказал ему Келчевский и отпустил его.

— Значит, наша правда! — воскликнул я, едва грабителя увели.

Келчевский засмеялся.

— Наша! Я давно это чувствовал, да конца веревки в руках не было. А теперь все дознаем.

— Вызвать Иванова?

— Непременно!

И он тотчас написал приказ, чтобы ему отпустили из тюрьмы Иванова.

Через полчаса перед нами стоял этот Иванов. Нагло улыбаясь, он отвесил нам поклон и остановился в выжидательной позе.

— Ну, здравствуй, — сказал ему ласково Келчевский. — Что, сидеть еще не надоело?

Этот допрос происходил 2 апреля, и, значит, Иванов сидел без малого 3 месяца.

Он передернул плечами.

— Известно, не мед, — ответил он. — Ну, да я думаю, что господа начальники и смилостивятся когда-нибудь.

Келчевский покачал головою.

— Вряд ли! Суди сам, Петров говорит, что ты душил извозчиков, а я тебя вдруг отпущу!

— Петров?! Ах он... — воскликнул Иванов.

— Что Петров, — продолжал Келчевский, — и ты сам говоришь то же...

— Я?

— Ты. Крюкину говорил, Зикамский и Ильин тоже слышали. Хочешь, позову их?..

— Брешут они. Ничего я такого не говорил.

— Позвать?

— Зовите. Я им в глаза наплюю...

— А что от этого? Все равно сидеть будешь, поймает еще двух-трех. Поверь, они дураки не будут. Все на тебя наклепят. Благо уже сидишь. Петров-то все рассказал...

Иванов стал горячиться.

— Что рассказал-то? что?

— Сказал вот, что вещи продавали...

— Ну, продавали, а еще что?..

— Что ты душил...

— А он? — закричал неистово Иванов.

— Про себя он ничего не говорил. Ты душил и грабил, а продавали оба, — спокойно ответил Келчевский.

— Так он так говорит! — трясая головой и сверкая глазами, закричал Иванов. — Ну так я ж тогда! Пиши, ваше благородие! Пиши! Теперь я всю правду вам расскажу.

Келчевский кивнул головою и взял перо.

— Давно бы так, — сказал он. — Ну, говори!

Иванов начал рассказывать, оживленно жестикулируя.

— Убивать, действительно убил. Только не один, а вместе с этим подлецом, Петровым. Удушили извозчика, что в Царское ехал. Взяли у него это все и — только, больше ничего не было.

— Какого извозчика? где? когда?

— Какого? Мужика! Ехал в Царское, обратно. Мы его на Волховском шоссе и прикончили. В декабре было.

— Так! Ну, а вещи куда дели? лошадь, сани?..

— Лошадь это мы, как есть 28 декабря, в Царское с санями увезли. Сани продали Костьке Тасину, а лошадь братьям Дубовецким. Там же, в Царском. Они извоз держат...

— Какая лошадь?

— Рыжая кобыла. На лбу белое пятно, и одно ухо висит.

— А сани?

— Извозчищи. Новые сани, 20 рублей дали, а за лошадь 25.

— А полушубок? армяк?

— Это тоже у Тасина, а другой у солдатки. Тот самый, на чем поймались. А остальную одежду, и торбу, и сбрую в сторожку на Лиговке.

— В какую сторожку?

— В караульный дом, № 11. Туда все носят. Сторожу! Вот и все. А что Петров на меня одного, так он брешет. Вместе были, вместе пили...

— Ну, вот и умный, — похвалил его Келчевский, — теперь мы во всем живо разберемся.

Он написал распоряжение о переводе его в другую камеру и отпустил.

Едва он ушел, как я вскочил и крепко пожал руку Келчевскому.

— Теперь они все у нас! Надо в Царское ехать.

— Прежде всего его сиятельству доклад изготовить!

— Вот Прач-то обозлится!

Мы засмеялись...

На другой же день о деле было доложено графу Шувалову, и он распорядился тотчас начать энергичные розыски в Царском селе, для чего командировал меня, Келчевского и еще некоего Прудникова, чиновника особых поручений при губернаторе.

Собственно, самое интересное начинается от этих пор.

В этих розысках я не раз рисковал жизнью, и, может быть, поэтому дело это так запечатлелось в моей памяти.

Передо мной сейчас лежат сухие полицейские протоколы, а я вижу все происшедшее как наяву, хотя от той поры прошло добрых 40 лет.

Итак, нам троим было вверено это дело, а собственно говоря — одному мне.

VI

Но еще до назначения графа я тотчас принялся за розыск.

Едва свечерело, я переоделся оборванцем: в рваные галоши на босу ногу, в рваные брюки, женскую теплую кофту с прорванным локтем и в военную засаленную фуражку. Потом подкрасил нос, сделал себе на лице два кровоподтека и, хотя на дворе было изрядно холодно, вышел на улицу и смело пошел на окраину города на Лиговский канал.

И в настоящее время те места, за Московской заставой, туда, к шоссе, представляют места не безопасные, но тогда там была совершенная глушь.

Тянулись пустыри, не огороженные даже заборами, а там, у шоссе, стояли одинокие сторожки караульщиков от Министерства путей сообщения, на обязанности которых лежало следить за порядком шоссе.

Эти крошечные домики стояли друг от друга саженьях в 200.

Туда-то и направил я свои шаги. Иванов указал на караулку под № 11, и я решил прежде всего осмотреть ее и внутри и снаружи.

Одинокая караулка стояла саженьях в 5 от шоссе.

Два крошечных окна и дверь выходили наружу, а с боков и сзади домик окружал невысокий забор.

Тут же за домиком протекала Лиговка, за которой чернел лес.

Место было глухое. Ветер шумел в лесу и гнал по небу тучи, сквозь которые изредка пробивался месяц.

Из двух окон сторожки на шоссе падал бледный свет.

Настоящий разбойничий притон!

Я осторожно подошел к караулке и заглянул в окно. Оно было завешено ситцевой тряпкой, но ее края не доходили до косяков, и я видел все, что происходило в комнате.

Комната была большая, с русской печью в углу.

Вдоль стены тянулась скамья, перед которой стоял стол, а вокруг него табуретки. У другой стены стояла кровать, и над нею висела всякая одежда.

За столом, прямо лицом к окну, сидел маленького роста, коренастый блондин, видимо, чухонец и, видимо, силы необыкновенной. У него были белокурые большие усы и изумительные голубые глаза, глаза ребенка.

Прислонясь к его плечу, рядом с ним сидела рослая красивая женщина.

Другая сидела к окну спиной, а на скамье — рослый мужчина в форменном кафтане с бляхою, с трубкой в зубах.

На столе стояли зеленый полуштоф, бутылки с пивом и деревянная чашка с каким-то хлебом.

Видимо, между присутствующими царил согласие. Лица выражали покой и довольство.

Чухонец что-то говорил, махая рукой, и все смеялись.

Я решился на отчаянный шаг и постучал в окошко.

Все вздрогнули и обернулись к окну.

Чухонец вскочил, но потом опять сел.

Сторож пыхнул трубкою, медленно встал и пошел к двери.

Признаюсь, я дрожал — частью от холода, частью от волнения.

Дверь распахнулась, и в ее просвете показалась высокая фигура хозяина.

Опираясь плечом о косяк, он придерживал свободною рукою дверь.

— Кто тут? чего надо? — грубо окрикнул он.

Я выступил на свет и снял картуз.

— Пусти, Бога ради, обогреться! — сказал я. — Иду в город. Прозяб, как кошка.

— Много вас тут шляется! Иди дальше, пока собаку не выпустил!

Но я не отставал.

— Пусти, не дай издохнуть! У меня деньги есть. Возьми, коли так не пускаешь.

Этот аргумент смягчил сторожа.

— Ну, вались! — сказал он, давая дорогу, и, обратясь к чухонцу, громко пояснил: — Бродяга!

Я вошел и непритворно стал прыгать и колотить нога об ногу, так как чувствовал, что они невозможно прозябли.

Все засмеялись. Я притворился обиженным.

— Походили бы в этом, — сказал я, сбрасывая с ноги галошу, — посмеялись бы!

— Издалека?

— С Колпина!

— В поворот?

— Оно самое. Иду стрелять¹ пока што...

— По карманам? — засмеялся сторож.

— Ежели очень широкий, а рука близко... Водочки бы, хозяин! Иззяб!

— А деньги есть?

Я захватил с собою гривен семь мелкой монетою и высыпал теперь их на стол.

— Ловко! Где сбондил?

Я прикинулся снова и резко ответил:

— Ты не помогал, не твое и дело...

— Ну, ну, мое всегда цело будет! Садись, пей! Стефка, налей келишек!

Сидевшая подле чухонца взяла полуштоф и тотчас налила мне стаканчик.

Я чокнулся с чухонцем, выпил и полез в чашку, где были накрошены свекла, огурцы и скверная селедка, что-то вроде ви-негрета.

Сторож, видимо, успокоился и сел против меня, снова взявшись за трубку.

Чухонец с голубыми глазами ребенка стал меня расспрашивать.

Я вспомнил историю одного беглого солдата и стал передавать ее как свою биографию.

Сторож слушал меня, одобрительно кивая головою; чухонец два раза сам налил мне водки.

— А где ныне ночевать будешь? — спросил меня сторож, когда я окончил.

¹ Просить милостыню

— А в Лавре! — ответил я.
— Ночуй у меня, — вдруг к моей радости предложил мне сторож, — завтра пойдешь. Вот с ним! — Он кивнул на чухонца.
Я равнодушно согласился.
— Как звать-то вас? — спросил я их.
— Сразу в наши записаться хочешь! — засмеялся сторож. — Ну что ж!

И он назвал всех:

— Меня Павлом зови. Павел Славинский, я тут сторожем. Это дочки мои: Анна да Стефка — беспутная девка! ха-ха-ха, а этого Мишкой. Вот и все. А теперь иди, покажу, где спать тебе!

Я простился со всеми за руку, и он свел меня в угол за печку. Там лежал вонючий тюфяк и грязная подушка.

— Тут и спи, тепло и не дует! — сказал он и вернулся в горницу.

Я видел свет и слышал голоса.

Потом все смолкло. Мимо меня прошли дочери хозяина и скрылись за дверью.

Павел с Пояненным о чем-то шептались, но я не мог разобрать их голосов.

Вдруг дом содрогнулся от ударов в дверь.

Я насторожился.

В ту же минуту на меня пахнул холодный воздух и раздался оглушительный голос.

— Водки, черт вас дерит!

— Чего орешь, дурак! — остановил его Павел.

— Дурак! Вам легко лаяться, а я, почитай, шесть часов на шоссе простоял. Так ничего себе!

— А чего стоял?

— Чего? Известно чего: проезжего ждал!

— Ну, дурак и есть! — послышался голос Мишки. — Ведь было сказано, пока наших не выпустят, остановиться.

— Го, го! дураки вы, если так решили. Остановитесь, все скажут: они и душили! А их выручать надо.

— Лучше двое, чем все!

— Небось! Лучше ни одного...

— Жди, дурак! У них там завелся черт Путилин. Всех вынюхает.

— А я ему леща в бок.

Я тихо засмеялся. Если бы знал Павел Славинский, кого он приютил у себя!..

Они продолжали говорить с полной откровенностью.

— А у Сверчинского кто?

— Сашка с Митькою.

— А они как решили?

— Да как я, души!..

И пришедший грубо расхохотался.

— Значит, к тебе и добра не носить? а?

— Зачем! Носить можешь. Я куплю.

— Ну, то-то! Так бери!

И на стол упало что-то тяжелое.

— Постой! — вдруг сказал Мишка, и я услышал его шаги.

Я тотчас раскинулся на тюфяке и притворился спящим.

Он нагнулся и ткнул меня в бок.

Я замычал и повернулся.

Он отошел.

— Что принес? — почти тотчас раздался голос Павла.

— А ты гляди!..

Послышался легкий шум, что-то стукнуло, потом раздалось хлопанье по чему-то мягкому, и все время шел разговор отрывочными фразами.

— Где достал?

— А тебе што?

— Нет. Я так. Дрянь уж большая.

— Скажи пожалуйста, дрянь! За такую дрянь по 100 рублей платят!

— Где как, а у меня красненькую...

— Красненькую. Да ты жид, што ли!

И тут поднялся такой гвалт, что от него впору было проснуться мертвому.

— Тише вы, дьяволы! — закричал наконец Мишка. — Ведь тут... — И он не договорил, вероятно, сделав жест.

— А ну его! — отозвался хозяин. — Он нашим будет! Ну, 20 рублей и — крышка!

Они опять стали кричать. Потом на чем-то поладили.

— Ну, пошел, — сказал пришедший.

— Куда?

— А к соседу. Пить. Идем, што ли...

— Можно! — отозвался хозяин. — А ты?

— Кто же дом постережет? — ответил Мишка. — Нет, я останусь!

— Как хочешь...

— Ха-ха-ха! — захохотал гость. — Он не соскучится!

— Мели, мели!..

Послышалось шарканье ног, пахнул холодный воздух, хлопнула дверь, и все стихло.

Через минуту Мишка прошел мимо меня и стукнул в дверь, за которую ушли девушки.

— Стефа! — окликнул он. — Иди! Никого нет...

Он отошел. Почти тотчас скрипнула дверь, и мимо меня мелькнула Стефания, босиком, в длинной холстинной рубашке.

Раздался звук поцелуя.

— Куда отец ушел?

— С Сашкой в девятый номер. До утра будут.

И снова раздался поцелуй и несвязный шепот.

Интерес для меня окончился, и я заснул.

Еще было темно, когда Мишка разбудил меня и сказал:

— Я иду в город. Иди и ты!

Я тотчас вскочил на ноги.

Мишка с детскими, невинными глазами производил на меня впечатление разбойника.

Впоследствии, во время своей службы, я не раз имел случай убедиться, насколько ошибочно мнение, что глаза есть «зеркало души».

Самого Славинского не было. Стефания лениво нацедила какой-то коричневой бурды в кружку, предложив ее мне вместо кофе.

Я выпил и взял картуз.

— Заходи, — просто сказала Стефания, — отец покупает разные вещи!

— Это на руку! — весело ответил я. — Буду нынче же.

— Если не попадешься, — прибавил Мишка.

— Сразу-то? Шалишь!.. Ну, прошенья просим!

Я простился с девушкой за руку и пошел.

Мишка задержался на минуту, потом догнал меня.

— Хорошо спал? — спросил он.

— Как собака!

Мы сделали несколько шагов молча; потом Мишка стал говорить, сперва издали, потом прямее.

— Теперь в Питере вашего-то брата, беглых разных, пруды пруди! Только не лафа им...

— А что?

— Ловят! Уж на что шустрые ребята, что извозчиков щупали, а и тех всех переняли... Опять же воров...

— Меня не поймают...

— Это почему?

— Потому один буду работать.

— И хуже. Обществом куда способнее! Тебе найдут, тебе укажут. Действуй! А там и вещи сплавят, и тебя укроют... Нет, одному куда хуже! Ты вот с вещами... а куда идти? Иди к Павлу. Ты с ним сдружишься. Польза будет!

— А тебе есть польза? — спросил я смело. Он усмехнулся.

— Много будешь знать — скоро состаришься! Походи к нему, увидишь. Ну, я в сторону!

Мы дошли до Обводного канала.

— Прощай!

— Если что будет али ночевать негде, иди к Павлу!

— Ладно! — ответил я и, простившись, зашагал по улице.

Мишка скрылся в доме Тарасова.

Я нарочно делал крюки, путался на Сенной, петлял и потом осторожно юркнул в свою Подьяческую, где тогда жил.

Умывшись и переодевшись, я прямо прошел в Нарвскую часть, где Келчевский встретил меня радостным известием о командировке.

Я засмеялся.

— Пока что я и до командировки половину знаю!
— Да ну? Что же?
— Это уж потом! — сказал я. — Вернемся, сразу по следу пойдем.
— Отлично! Ну а теперь когда же едем и куда?
— В Царское, хоть сейчас!
— Ишь какой приткий! А Прудников?
— Ну, вы с ним и отправляйтесь, а я сейчас один, — решительно заявил я.
Келчевский тотчас согласился.
— Где же увидимся?
— А вы прямо в полицейское присутствие. Я туда и заявлюсь!
— С Богом!
Келчевский пожал мне руку, и я отправился.

VII

Поездка в Царское явилась для меня совершенно пустым делом. Я захватил с собою шустрого еврея, Ицку Погилевича, который служил в городской страже, и с ним вместе оборудовал все дело часа в два.

Взяв из полиции городовых, я прямо явился к содержателям извозничьего двора, Ивану и Василию Дубовецким, и, пока их арестовывал, мой Ицка успел отыскать и лошадь, и упряжь, проданные им моими арестантами.

Я отправил их в часть, а сам с Ицкою и двумя стражниками поскакал в Кузьмино к крестьянину Тасину и опять — без всякого сопротивления — арестовал его, а Ицка разыскал двое саней и полушубок со следами крови.

Мы привезли и этого Тасина, и все добро в управление полиции, и, когда приехали Келчевский и Прудников, я им представил и людей, и вещи, и полный отчет.

Как сейчас помню изумление Прудникова моей быстроте и распорядительности, а Келчевский только засмеялся.

— Вы еще не знаете нашего Ивана Димитриевича! — сказал он.

Я в ответ на эти похвалы указал только на своего Ицку, прося отличить его.

Между прочим, это был очень интересный еврей.

Как он попал в стражники, я не знаю. Труслив он был как заяц. Но как сыщик — незаменим. Потом он долго служил у меня, и самые рискованные или щекотливые расследования я всегда поручал ему.

Маленький, рыжий, с острым, как шило, носом, с крошечными глазками под распухшими воспаленными веками, он производил самое жалкое впечатление безобидной ничтожности и с этим видом полной приниженности проникал всюду.

В отношении же обыска или розыска вещей у него был прямо феноменальный нюх. Он, когда все теряли надежду найти что-нибудь, вдруг вытаскивал вещи из трубы, из-за печки, а один раз нашел украденные деньги у грудного младенца в пеленках!

Но о нем еще будет немало воспоминаний...

Келчевский и Прудников, не теряя времени, тотчас приступили к допросу.

Первого вызвали Тасина.

Он тотчас повалился в ноги и стал виниться.

Пришли двое и продают. Вещи хорошие и дешево. Разве он знал, что это грабленное!

— А кровь на полушубке?

— Они сказали, что свинью кололи к празднику, оттого и кровь!

— А откуда они узнали тебя?

— Так пришли. Шли и зашли!

— Ты им говорил свое имя?

— Нет!

— А как же они тебя называли? Идите, говорят, к Константину Тасину. А?

Он сделал глупое лицо.

— Спросили у кого-нибудь...

— Так! Ну, а ты их знаешь?

— В первый раз видел и больше ни разу!

Прудников ничего больше не мог добиться. Тогда вмешался Келчевский.

— Слушай, дурень, — сказал он убедительным тоном, — ведь от твоего заpiresательства тебе не добро, а только вред будет! Привезем тебя в Петербург, там тебя твои же продавцы в глаза уличат да еще наплетут на тебя. И мы им поверим, а тебе нет, потому что ты и сейчас вот врешь и запираешься.

Тасин потупился.

— Иди! Мы вот других допросим, а ты пока что подумай!

И Келчевский велел увести Тасина, а на смену привести братьев, по очереди.

Первым вошел Иван Дубовецкий.

Высокий, здоровый парень, он производил впечатление красавца.

— Попутал грех, — сказал он, — этих самых Петрова да Иванова я еще знал, когда они в бегах тут околачивались. Первые воры, и, сказать правду, боялся я их: не пусти ночевать, двор спалят, и пускат. Ну, а потом они, значит, в Питер ушли, а там мне стали лошадок приводить, и задешево. Я и брал. С одной стороны, ваше благородие, дешево, а с другой — опять и боялся я их, — чистосердечно сознался он.

— Знали вы, что это лошади от убитых извозчиков?

Он замялся.

— Смекал, ваше благородие, а спросить не спрашивал. Боязно. Раз только сказал им: «Вы, братцы, моих ребят не замайте!» Они

засмеялись, да и говорят: «А ты пометь их!» Только и было разговора!

Его отослали, а на смену вызвали его брата.

Совершенная противоположность Ивану, Василий был слабогрудый, бледный, испитой парень. Он тяжело дышал и упорно кашлял глухим кашлем.

— Ничего не знаю, — сказал он, — брат всем делом владеет, а я больной, на печи лежу.

— Знал ты бродяг Петрова и Иванова?

— Ходили такие. Раньше даже ночевали у нас, брат очень опасался их.

Мы снова позвали Тасина.

Слова Келчевского, видимо, оказали свое влияние.

— Припомнил я их, — сказал он сразу как вошел. — Петров один, а другой Иванов. Петров тоже и не Петров, а беглый какой-то... Познакомился я с ними, когда они в Царском жили, а потом ушли в Питер и оттуда мне вещи привозили. Их там шайка целая. Всех-то я не знаю и никого не знаю, а только главное место, где они собираются, это будки на шоссе.

— 9 и 11? — спросил я. — Славинского и Сверчинского?

Тасин тотчас закивал головою.

— Вот, вот, у них все гнездо! Там они и живут, почитай, все!

— Все. А ты кого знаешь из них?

— Только двоих и знаю.

Больше от него узнать было ничего невозможно.

Мы собрались уезжать.

Двух Дубовецких и Тасина при нас же отправили с конвоем в Петербург, а следом за ними поехали и мы сами.

Келчевский потирал руки.

— Ну, значит, эти душителы все у нас!

— Надо думать!

— Скажите, пожалуйста, — обратился ко мне Прудников, — откуда вы узнали про этих... ну, как их... сторожей?..

— Про Славинского и Сверчинского, — ответил я, — очень просто. Я был у Славинского.

— Были?! — воскликнул Келчевский.

Мне стало даже смешно.

— Я эту ночь ночевал у него в сторожке, — сказал я и передал все происшедшее. — Видимо, этот Мишка у них штука не малая, — окончил я.

— Значит, их всех и арестовать можно?

— Можно, но надо уловить момент!

— Отлично, — засмеялся Прудников, — сперва уловим момент, потом их! Поручаем это всецело вам.

Я поклонился.

Мы приехали в Петербург.

Я отправился домой отдохнуть и позвал к себе Ицку, а Келчевский с Прудниковым поехали тотчас продолжать свои допросы.

— Слушай, — сказал я Погилевичу, — вот в чем дело...

Я рассказал ему про свою ночевку в будке № 9, описал Мишку, Славинского, девушек и окончил свой рассказ словами:

— Так вот, надо теперь, во-первых, выследить всех, кто там бывает, и узнать их имена. Раз! Потом узнать, когда они там соберутся. Два! И три — переловить их. Но это уже не наше дело. Наше дело накрыть! Понял?

— Ну и чего же тут не понять! — сказал Ицка.

— А тогда — шагай!

Ицка ушел, и с этого же часа начал действовать.

Лично сам я был еще один раз в разбойничьем гнезде для того, чтобы лучше осмотреть его.

Павел Славинский и Стефания приняли меня очень радушно. У них был тот ночной гость, который увел Павла пьянствовать к соседу; он оказался каким-то Сашкой и потом причинил мне немало хлопот. Я сразу запомнил его зверскую рожу.

Мишки не было, и как ни хотелось мне проникнуть к Сверчинскому, этого не удалось.

Павел вышел вместе со мною осмотреть шоссе и проводил меня до заставы.

— Приходи в конце недели, — сказал он, — будет работа!

Но вместо меня будку № 11 выглядел отлично мой Ицка.

VIII

8-го числа поздно ночью ко мне пришел Ицка, бледный, усталый, встрепанный, и сказал:

— Уф! завтра ночью они все там будут.

— Откуда узнал?

— Ну, и не все равно! Завтра они будут уговариваться о делах, а Мишка будет убивать на шоссе, и с Мишкой Калина. Этот Калина такой разбойник. Уф! он уже четырех убил...

— Где же сберутся?

— И тут, и там.

— Ну, завтра их и переловим! — сказал я и, невзирая на ночь, послал уведомить Келчевского.

Рано утром я, Келчевский и Прудников собрались на совещание.

Я изложил им свой план. Мы возьмем с собою команду в 14 человек, по 7 на каждую будку, из отборных людей.

С делами пойдет Ицка, с другими — я.

Дело сделаем ночью. Они сойдутся поодиночке в назначенные пункты переодетыми, а потом приедем мы и — начнем облаву.

Они согласились с моим планом. Во главе отобранных стражников мы поставили двух силачей: городского Смирнова и стражника Петрушева.

Они одни свободно могли справиться с десятком.

Наступил вечер. Мы собрались, и перед нами выстроились 14 бродяг.

— Так вот, — сказал я им, — по одному, по два идите за Московскую заставу, на Волховское шоссе, Ицка вам укажет места. В 1 час ночи я там буду, и тогда уже за работу!

— Рады стараться! — ответил Петрушев, и они ушли.

Прудников был бледен и, видимо, волновался.

Келчевский выпил здоровую порцию коньяку и только я один, скажу без всякого хвастовства, чувствовал себя как рыба в воде.

Я верил в успех предприятия, предстоящая опасность словно радовала меня, и — теперь я могу сознаться — я видел в этом деле возможность отличиться и обратить на себя внимание.

Кое-как мы досидели до 12 часов.

— Едем! — наконец сказал я.

Мы встали и тронулись в опасную экспедицию.

До заставы мы доехали и приказали ямщику нас ждать, а сами пошли пешком.

Это приключение могло бы составить несколько страниц жгучего интереса у романиста — но я, к сожалению, не обладаю бойким пером писателя и пишу только неприкрашенную правду.

Однако все-таки не могу обойтись без описаний.

Ночь была ясная, хотя без луны. Шагах в 6—8 можно было различить человека, и поэтому мы, хотя и переодетые блузниками, все-таки шли не тесною группой, а гуськом, и я повел всех не прямо по шоссе, а стороною, по самому берегу Лиговки.

На другой стороне чернел лес; кругом было мертвенно тихо, и среди этой тишины, в сознании предстоящего риска, становилось немного жутко.

Мне порою казалось, что я слышу, как щелкают зубы у Прудникова, который шел тотчас за мною.

Мы вошли в редкий кустарник; голые прутья тянулись со всех сторон и цеплялись за нашу одежду.

Вдруг прямо передо мною выросла фигура. Я невольно опустил руку в карман, где у меня всегда лежал массивный кастет. Во все времена этот кастет был единственным моим оружием.

— Это я, — ответил в темноте Ицка.

Прудников и Келчевский тотчас приблизились.

— Все готово?

— Все! — ответил Ицка. — И они все пьют! Только Мишки нет.

— Не ждать же его, — сказал я, — а где наши?

— Здесь!

Ицка провел нас к самому берегу, и там мы увидели всех наших молодцов.

— Ну, так за работу, братцы! — сказал я. — Помните, руки за лопатки — и вязать. Оружия никакого!

— Слушаем! — ответил Смирнов.

— Ты, Петрушев, и вы... — я указал на каждого, — идите за Погилевичем и ждите нас! А вы за мной!

Семь человек отделились и осторожно пошли вдоль берега.

Я обратился к Келчевскому и Прудникову.

— Ну, будем действовать! Вы и с вами трое станете позади дома. Четверых я возьму с собою. Идемте!

Мы прошли несколько сажень и очутились подле сторожки.

Она стояла мрачная, одинокая, и из ее двух окошек, как и тогда, падал желтоватый свет.

Я остановился и отделил четверых.

— Как только я свистну, прямо срывайте дверь, если заперта. Но я отворю ее. А теперь прячьтесь!

Я подошел к знакомой сторожке и смело ударил в дверь.

Она отворилась через минуту.

— Кто? — спросил Славинский, держа в зубах неизменную трубку.

— Впусти! Али своих не узнаешь! — ответил я.

— А! Колпинский! — отозвался сторож. — Иди, иди!

Я смело вошел и очутился в настоящей разбойничьей шайке.

За столом, кроме хозяина с дочерьми, сидели и пили огромный Сашка, Сергей Степанов, Васильев и знаменитый Калина.

— А где Мишка? — спросил я добродушно у Стефании.

— А кто его знает, — ответил Калина, — ты скажи лучше, откуда ты так вырядился? Ишь гоголем каким!

На мне было все крепкое и новое, и одет я был скорее рабочим с хорошим жалованьем, чем побирушкой.

— Завел матаньку и обрядился. Дело не трудное! — ответил я, замечая в то же время, что Сашка не спускает с меня пытливого взгляда.

— Ну так как же нынче?.. — начал Славинский.

— А так же, — заявил вдруг Сашка, хлопнув кулаком, — выводи сперва этого гуся, а там и толковать будем! — И он злобно сверкнул на меня глазами.

Я решил действовать.

— Кричит кто-то! — воскликнул я и, бросившись к двери, тотчас открыл ее и крикнул: — Вались, ребята!

— Что говорил я! — заревел Сашка.

В то же время я получил страшный удар в плечо, и он мелькнул мимо меня, рванувшись между вбегающими моими молодцами.

— Вяжи всех! — крикнул я им и бросился за Сашкой.

Он быстро обогнул дом и побежал к берегу Лиговки. Я бежал за ним, крепко сжимая в руке свой кастет.

— Держи его! — крикнул я на ходу оставшимся трем на страже.

Они тотчас побежали ему наперерез, но он мелькнул мимо них, бросился в речку и переплыл на другую сторону.

— Попадись только мне! — раздалась с того берега его угроза, и он исчез.

Я взял с собой оставшихся трех стражников и вместе с Келчевским и Прудниковым побежал к дому. Но там было уже все кончено: Калина, Степанов и Васильев со Славинским были связаны, и подле каждого стоял дюжий городовой.

Стефания и Анна сидели в углу на лавке и ревели во весь голос.

— Идем к Сверчинскому! — сказал Келчевский.

Мы направились туда.

Навстречу нам бежал, тяжело дыша, какой-то мужчина и, увидев нас, рванулся в сторону, но наши молодцы тотчас нагнали его и заарестовали.

Он оказался самим Сверчинским.

Остальные, бывшие в его сторожке, были все переловлены ловким Ицкою.

Их было всего двое: Иван Григорьев и Егор Чудаков.

— С добрым уловом! — радостно поздравил нас Прудников, у которого прошел уже весь страх.

— И домой! — добавил Келчевский.

Мы отправили всех со связанными за спину руками под строгим конвоем в тюрьму, а сами, весело разговаривая, дошли до заставы и поехали по домам.

На другой день Шувалов, выслушав доклад о поимке почти всей шайки «душителей», назначил Келчевскому и Прудникову произвести по всем их преступлениям строжайшее расследование, определив им в помощники приставов Прача и Сергеева.

И началось распутывание целого ряда страшнейших преступлений.

Но моя роль еще не окончилась. Впереди оказалось еще много дела, сопряженного и с немалым риском, и с немалыми хлопотами.

Расследование началось на другой же день.

Друг за другом вводили в комнату разбойников, временно закованных, снимали с них первое дознание.

Я все время присутствовал на этих допросах.

IX

У нас оказались арестованными: в самом начале мною — Александр Петров и Григорий Иванов; затем арестованные в Царском Селе — братья Дубовецкие и Константин Тасин; потом арестованные на облате: Сверчинский и Славинский, Калина Еремеев, Иван Григорьев, Сергей Степанов, Егор Чудаков, Василий Васильев, Федор Андреев, и — наконец — уже по их указаниям мы арестовали: извозчиков Михаила Федорова и Адама Иванова, дворника Архипа Эртелева, портерщика Федора Антонова и женщин — Марью Михайлову, Ульяну Кусову и Стефанию Славинскую.

Всего 20 человек. Вся шайка с убийцами и притонодержателями, укрывателями была в наших руках, и только двое самых страшных разбойников еще гуляли на свободе. Это были Михаил Поянен, тот Мишка с детскими глазами, с которым я провел ночь, и Александр Перфильев, тот, что удрал от нас, переплыв Лиговку.

Я взял на себя обязательство поймать их обоих и твердо решил выполнить эту задачу.

Они и были пойманы мною.

Как? Расскажу об этом после, а теперь передам вкратце результат наших расследований и краткие характеристики этих страшных разбойников, для которых убийство являлось более легким делом, чем выкурить папиросу. Действительно, это были не люди, а какие-то выродки человечества.

Во главе всех стоял какой-то Федор Иванов. Мы не могли сразу сообразить, на какого Иванова указывают все убийцы как на своего соучастника, пока не произвели очных ставок.

И что же? Этим Федором Ивановым оказался ранее всех арестованный мною Александр Петров!

Я невольно засмеялся.

— Ах, дурак, дурак! — сказал я ему. — Что же это ты по паспорту Петров, а для приятелей Иванов. Говорил бы уж всем одно, а то на! Кто же ты: Петров или Иванов?

— Александр Петров, — отвечал он, — а назывался у них Ивановым Федькой для покоя.

— Кто же ты?

— Крестьянин!

— Покажи спину! — вдруг сказал Келчевский. — Разденьте его!

С него сняли рубашку, и мы увидели спину, всю покрытую шрамами старых ударов.

— По зеленой улице ходил, — сказал Келчевский, — ну, брат, не запирайся. Ты беглый солдат, и звать тебя Федором Ивановым!

Но он заперся. Два месяца прошло, пока мы собрали о нем все справки и восстановили его личность.

Тогда сознался и он и перечислил все свои преступления.

Действительно, он оказался Федором Ивановым, бывшим рядовым Ковенского гарнизона. Там он проворовался и бежал; его поймали и наказали шпицрутенами через 500 человек. После этого он проворовался и бежал вторично, и вторично был наказан через 500 человек. Его сослали в арестантские роты в Динабург, и он оттуда бежал в 1854 г.

Зверь на свободе!

Он объявился в Петербурге, занимался кражами, а в следующем году познакомился в сторожке Славинского с Михаилом Пояненым и начал свои страшные разбои.

Он один убил крестьянина Кокко и матроса Кулькова, вместе с Калиною — чухонца на Ропшинской дороге, потом опять с По-

янемом удушил Корванена. После этого сошелся с Калиною Еремеевым, Иваном Григорьевым и остальными и, приняв над ними командование, стал производить страшные грабежи и убийства, участвуя почти во всех — лично.

Он смеялся, рассказывая про свои подвиги, а все показывавшие против него трепетали при одном его имени.

И действительно, я не видал более типичного разбойника, разве Михаил Поянен с детскими глазами.

Следом за ним выступает Калина Еремеев, 22 лет. Бывший пехотный солдат, а теперь крестьянин, он производил впечатление добродушного парня, а между тем все удушения в Петербурге совершены были им с Ивановым, да еще в Кронштадте он убил крестьянина Ковена и жену квартирмейстера Аксиныю Капитонову.

— Пустое дело, — добродушно объяснял он процесс убийства, — накинешь это сзади петлю и потянешь. Коленом в спину упрешься. Ен захрипит, руками разведет, и все тут!

Этот Калина вместе с Федором Ивановым были ужасны.

Между прочим, Калина рассказал про убийство под Ропшею неизвестного человека, которого они там же и похоронили.

Мы поехали с ним на место убийства. Пустынная дорога, перелесок, и тут, под сосною, этот Калина указал рыть.

И мы вырыли труп с проломленным черепом.

Другой труп он указал в Кронштадте, труп матроса Кулькова. Он убил матроса ударом долота в грудь.

Эти двое были, по сравнению с прочими, настоящими разбойниками.

Остальные все участвовали понемножку. Так, Василий Васильев вместе с Калиною задушил только (!) двух человек; Григорий Иванов и Федор Андреев занимались только кражами и в крови рук не пачкали, извозчик Адам Иванов знал в лицо «душителю», но не доносил на них из боязни.

Затем женщины, состоя любовницами убийц, укрывали часто и их, и вещи, а Стефания — как выяснилось — была в некотором роде вдохновительницей убийц.

Шайка была организована образцово. После убийства «душителю» ехали прямо в дом де Роберти, и там дворник дома Архип Эртелев прятал и лошадь, и экипаж в сарае.

Иногда у него стояло по три лошади.

Сторожа Сверчинский и Славинский давали «душителям» приют, и у них в домиках совершались и дуван, и попойка, и составлялись планы.

Изредка они покупали и вещи, но этим делом больше занимался содержатель портерной Федор Антонов.

Картины одна страшнее другой проходили перед нами на этом следствии, и на фоне всех ужасов рисовались на первом плане люди-звери, настоящие разбойники: Федор Иванов, Калина Еремеев, Михаил Поянен и Александр Перфильев.

Первые два были у нас и уже во всем повинились, а двое других все еще гуляли на свободе.

Я искал их без усталы, вместе с Ицкою Погилевичем, и наконец мои старания были награждены успехом.

Я поймал их обоих.

Первым попался Поянен.

Х

Для поимки Михаила Поянена нужно было только время. Он был все-таки человек, как-никак, любил красивую Стефанию и должен же был интересоваться ее участью.

Я решил, что рано или поздно, но он наведается к Анне Славинской, которая жила теперь одна в осиротевшей сторожке, и назначил непрерывное дежурство над этим домом.

И расчет мой оправдался, но через полтора только месяца. Постановленный мною агент донес, что на рассвете в будку заходил мужчина, по описанию схожий с Пояненом, пробыл минут 10 и ушел.

Я только кивнул головою.

Так и должно было быть.

— Следи, — сказал я агенту, — и когда он станет оставаться на ночь или на день, по второму разу скажи мне!

И прошло еще дней 10.

Наконец агент пришел и сказал:

— Надо полагать, с девкой сошелся. Каждую ночь теперь ночует. Придет так часов в одиннадцать, а уходит в пять либо в шесть!

— Хорошо, — ответил я, — сегодня его поймает! Иди и следи. К двум часам я приду к тебе сам!

Я попросил к себе на помощь двух богатырей, Смирнова с Петрушевым, и в 2 часа ночи был против будки № 9.

Она имела еще более зловещий вид, потому что из ее окон не светилося огня. Кругом было темно. Ночь была мрачная, безлунная...

Я едва нашел своего агента.

— Здесь. Пришел, — прошептал он.

Я взял в темноте за руки Смирнова и Петрушева и сказал им:

— Пойдем к дверям и постучим. Если отворят, сразу вваливайтесь, а я дверь запру. Фонарь с вами?

— Здесь!

— Давайте его мне!

Я взял фонарь, приоткрыл в нем створку, нащупал огарок и приготовил спички.

Потом мы втроем смело подошли к дверям, и я постучал в окно.

Никто не отозвался.

Я постучал крепче.

За дверь словно пошевелились. Потом Анна закричала:

— Кто там?

Я изменил свой голос и ответил:

— Отвори! От Стефании и от отца!

За дверь опять все смолкло, но затем звякнула задвижка, и дверь чуть-чуть приоткрылась.

Моим молодцам было этого довольно.

Они мигом распахнули дверь и вошли в комнату. Раздался страшный крик перепуганной Анны.

Я вошел за ними, тотчас запер дверь и зажег фонарь. Это было делом одной минуты.

Перед нами стояла Анна в одной длинной сорочке.

— А где Мишка? — спросил я.

Она продолжала кричать как резаная.

— Какой Мишка? Я ничего не знаю. Вы всех забрали. Оставьте меня!

— Ну, братцы, идите прямо к двери, на ту сторону, — сказал я, — да осторожно. Смотрите направо. Он там, может быть, за печкою.

Я не успел кончить, как Анна бросилась к двери и заслонила ее собою.

— Пошли вон! не пушу! — вопила она.

Я потерял терпение.

— Берите ее! — крикнул я.

Она стала сопротивляться с яростью дикой кошки, но мои силы тотчас управились с нею. Смирнов сдернул с кровати широкое одеяло, ловко накинул на нее, и через две минуты она лежала на постели спеленутая и перевязанная по ногам и рукам.

Тогда она стала кричать:

— Спасайся!

В ту же минуту распахнулась дверь, и из нее, страшный, как сибирский медведь, выскочил Мишка Поянен. В руках у него была выломанная от стола ножка.

— А, ты здесь, почтенный! — крикнул я ему.

Мой голос привел его в бешенство, и он, забыв о двух моих пособниках, с ревом кинулся на меня и... в ту же минуту лежал на полу.

Петрушев подставил ему ногу и сразу насел на него.

Связать его потребовалось минут пять.

Тогда я приказал развязать Анну, и мы вышли из сторожки № 9 со связанным Пояненом.

На другой день мы снимали с него допрос.

Личность его была удостоверена раньше. Ему было всего 30 лет. Выборгский уроженец, типичный чухонец, угрюмый, мстительный, злой, он был у себя на родине четыре раза под судом за кражи и два раза был сечен розгами по 40 ударов каждый раз.

Но это и все, что мы о нем узнали.

Он сам от всего отрекался.

Не узнавал Славинского, Стефании, Калины, меня. Отказывался от всякого соучастия в преступлениях и, хотя его убеждали и я, и Келчевский, и Прудников, и пристава, и даже пастор, все-таки не сказал ни одного слова признания.

Но улики против него были слишком очевидны, чтобы он мог этим путем избежать наказания. Так окончилась поимка Поянена. С Перфильевым дело было гораздо труднее, и мне помог благодетельный случай.

Кстати о «случае».

В деятельности сыскной полиции очень часто встречается этот «случай», а незнакомые с нашими приемами люди часто даже иронизируют по этому поводу, приписывая все наши открытия случайностям.

Но случайность случайности рознь. Действительно, нам всегда помогает «случай», но дело в том, что мы сами ищем этот случай, что мы гоняемся за ним и в долгих, неустанных поисках наконец натываемся на него.

Мы знаем места (темные, трущобные места), где могут прогнорироваться и дать, хотя косвенное, указание; мы знаем места, где разыскиваемый может ненароком попасться, — и в этих местах беспрерывно дежури́м, часто с опасностью для жизни, напрягая и слух, и зрение.

И «случай» оказывается, но насколько удача наших поисков будет обязана случайности — это еще открытый вопрос, и я склонен думать, что не будет нескромностью приписать что-нибудь и нашим способностям и энергии.

Но я отвлекся.

Итак, оставалось поймать еще Александра Перфильева, чтобы все «душители» были налицо.

XI

Об этом Александре Перфильеве мы узнали только, что ему около 42 лет, что он из крестьян г. Лермонтова Костромской губернии, сидел в Петербурге в тюрьме за бродяжничество, был водворен на родину, откуда снова бежал года два назад и, проживая в притоне у Сверчинского, завел дружбу с «душителями» и душил извозчиков с Федором Ивановым, и с Калиною, и Пояненом, грабил и воровал в компании со всеми и, наконец, что он во время облавы спасся, переплыв Лиговку.

Ко всему этому я знал его в лицо, так как видел его в последнее свое посещение Славинского.

Но это было и все, что мы о нем знали.

В то время Петербург еще не представлял такого образцового порядка, какой заведен теперь, особенно в отношении полицейском.

За паспортами следили слабо. Не только отдельные дома, но целые кварталы являлись притоном для всяких бродяг и проходимцев.

Поэтому нетрудно будет представить, какой задачей являлось разыскать хотя бы и в Петербурге этого Перфильева. А если он еще ко всему ушел в уезд?.. Но я храбро взялся за дело.

Прежде всего я обошел все известные мне притоны и подозрительные места и везде, где у меня были приятели (а такие среди воров и бродяг у меня всегда были), пообещался щедро наградить их за всякое указание.

Затем я установил наблюдения за будками № 9 и № 11 и также за всеми заставами.

Наконец, и сам, переодеваясь в разные костюмы, заходил всюду, где бывают вору, и смело заводил разговоры о пойманных «душителях», оканчивая их не без хвастливости:

— Ну да не всех еще переловили! Сашка-то гуляет еще! Он им задаст еще трезвона!

Но на эту удочку никто не ловился, очевидно, не зная ни душителей, ни Сашки.

Я продолжал свои поиски, не теряя надежды.

И вот однажды, идя по Спасскому переулку, я прошел мимо двух самого последнего разбора проституток, из которых одна сказала другой:

— А Сашка опять в Стеклянном объявился! Вот башка!

— К Машутке, чай.

— А то к кому же. Петька вчера навалился на него и кричит: донесу! А он как его шара-р-рахнет!

Сашка! «Отчего это и не быть моему?» — тотчас мелькнуло у меня, и, прикинувшись пьяным, я задел этих фурий.

— Пойдем, красавчик! — предложила одна из них.

— А што ж, — согласился я, — коли пивка, я с удовольствием! — И через минуту я сидел с ними в сквернейшей пивной лавке и пил сквернейшее пиво.

Они спросили себе папиросок и стали дымить каким-то дурманом.

В такой обстановке притвориться пьяным ничего не стоило.

— Ты откуда? — спросила меня одна из красавиц. — Может, с нами пойдешь, а? Ночлег есть?

Я замотал головою.

— Зачем? Я и так заночую! Мне не надо! Я выпить — выпью. Вот Сашку встречу, и еще деньги будут! Да! Пей!

— Сашку? Какого Сашку? — спросила другая.

— Перфильева. Какого? Его самого. А деньги есть! — И при этом я звякнул монетами в кармане.

— Пойдем с нами, миленький, — ласково заговорила первая фурия. — Тебе у нас хорошо будет. И Сашку повидашь.

— Сашку? — повторил я. — Большого? рыжего?

— Его, его! — подхватила другая. — Пойдем!

— В оспе?

— Да, да, лицо все в оспинах! Ну, идем!

— Не, — ответил я, — сегодня не пойду. Пьян. Спать пойду! — И, бросив на стол деньги, я вышел из пивной и, притворяясь пьяным, с трудом дошел до угла.

Там я оправился и быстро пошел домой, думая, каким образом мне изловить этого Сашку.

Что это он, я уже не сомневался, — но идти в Стекланный флигель Вяземской лавры, куда мы даже обходом не всегда решались идти, и брать оттуда Сашку — дело было невыполнимое.

Я решил взглянуть его днем и арестовать.

Для этого я взял с собою опять своих силачей, опять своего Ицку, и, переодевшись до неузнаваемости оборванцами, мы в пять часов утра уже были на дворе лавры против Стекланного флигеля, и я зорко выглядывал своего Сашку.

Поднялись тряпичники и пошли на работу, потащились нищие, а там пошли рослые поденщики дежурить на Никольском или у пристаней, прошли наборщики. Двор на время опустел, а Сашки все не было.

— Сидит там и пьет, — пояснил Ицка.

Вдруг я увидел вчерашнюю знакомку. Я тотчас подал знак своим, чтобы они отошли, и подошел к ужасной женщине.

— Не узнала, — прохрипел я.

Она взгляделась и широко улыбнулась.

— Ах, миленький! Ко мне? Пойдем, пойдем. Хозяйка чуланчик даст. Хо-о-ороший...

— Некогда. Мне Сашку надо. Здесь он?

— Здесь, здесь! Сейчас с Машуткой его видала.

— Поди, позови его, — сказал я, — скажи ему, Мишка зовет. Мишка! Запомнишь? А там пить будем.

— Сейчас, сокол, в одну секундочку! — И она, шлепая галошами, побежала на лестницу.

Я быстро подошел к Ицке и шепнул:

— Как махну рукою, хватай!

Он отошел к нашим силачам.

Я стоял вполоборота к лестнице, приняв осанку Мишки, и ждал с замиранием сердца.

Ждал минут пять и вдруг услышал визгливый голос своей дамы.

— Вон он Мишка-то! Иди к ему! Говорит, дело есть!

Я взглянул боком.

Огромный, рыжий, как медведь, растрепанный, на босу ногу и в одной холщовой рубаше, Сашка стоял на пороге крыльца в нерешимости.

Я сделал вид, будто его не вижу, а моя красавица тащила его за руку.

— Иди, што ли! — кричала она. — Эй, Мишка!

Я обернулся и медленно двинулся, кивая головой.

С завязанным лицом, в надвинутом картузе, зная, что Мишка должен прятаться, Перфильев не мог увидеть сразу обман и, поддавшись на мою хитрость, пошел мне навстречу, но я не дал ему подойти.

Опытные помощники, едва он отодвинулся от двери, отрезали ему отступление и шли за его спиною.

Я махнул, и в то же мгновение четыре сильные руки схватили Сашку.

Он заревел, как зверь, и рванулся, но его снова схватили мои силачи и поволокли со двора.

— Ну, вот и встретились! — сказал я Сашке.

Он только сверкнул на меня глазами, а моя красавица, кажется, превратилась в соляной столб. Разинула рот, развела руками и в такой позе застыла. Уходя со двора, я оглянулся, а она еще все стояла в той же позе.

Привод Перфильева был моим триумфом.

С этого времени сам граф обратил на меня внимание и стал давать мне труднейшие поручения.

Александр Перфильев запирался недолго и после нескольких очных ставок покаялся во всех преступлениях.

XII

Такова история о «душителях» и их поимке.

Память изменила мне, и я упустил множество мелких эпизодов этой длинной и страшной истории, но в общем передал ее так, как она сохранилась в памяти моих современников.

В то время эти «душители» навели на жителей совершенную панику, и, когда страшная шайка была переловлена, все вздохнули с чувством облегчения, а мы с чувством гордости и радости.

ПАРГОЛОВСКИЕ ЧЕРТИ

I

Не раз во время дружеской беседы в кружке близких лиц приходилось мне рассказывать кое-что из пережитых приключений во время своих розысков. И часто, очень даже часто, после рассказа о какой-либо поимке отчаянного преступника или же иного рискованного предприятия с переодеванием и т. д., мне предлагали вопрос:

— Неужели вам не было страшно?

— То есть как это — страшно? — приходилось мне отвечать. — Право, не думалось ни о каком страхе. Я просто делал свое дело — вот и все...

— Но ведь вас могли убить, ранить, сделать на всю жизнь калекой... — замечали мне.

Опять приходится повторить, что в такие моменты как-то не думается об этом...

— Значит, вы не знаете, что такое страх, и никогда не трусите? — задавали мне вопросы.

И на это я решительно ничего не могу ответить...

Не трус!.. Гм! А вот скажу вам по истинной совести, что я всю свою жизнь страшно трусил и трушу... мышей. У меня к ним какая-то органическая боязнь... Я никогда не мог пожаловаться на так называемые нервы, да этого в нашей службе и «не полагается», но стоило мне почему-либо вообразить, что в комнате, где я нахожусь, есть мышь, чтобы мною овладело самое неприятное беспокойство и чтобы я немедленно вскочил с места.

Мне кажется, что если бы мышь бросилась ко мне, то я в состоянии был бы от нее удирать самым позорным образом...

Ну, а испытывать страх — настоящий страх пред лицом опасности — как-то мешала служба... Верьте не верьте, но это так... Так торопиться и стараться исполнить задуманное дело, что как-то и страх пропадает. Ну, и *счастье*, конечно, как-то служило...

При задержании в вертепах столицы грабителей и беглых торговщиков мне очень нередко приходилось встречать с их стороны более или менее энергичные попытки — и даже с оружием в ру-

как — к сопротивлению. Но в этих случаях, как-то всегда своевременно, ко мне на выручку поспевала помощь.

Когда возвращаешься домой после подобных ночных экскурсий, то придет иногда в голову мысль:

«Что было бы со мной, если бы помощь запоздала?..»

Но и только... Перекрестишься, поблаговаришь товарищей или подчиненных и забываешь...

Впрочем, нечто в роде тяжелого мучительного страха переживал и я. Только в этих случаях приходилось попадать в несколько необычную и «не служебную», так сказать, обстановку.

Об одном из таких памятных мне случаев я хочу рассказать...

II

Случай, о котором мне хочется рассказать, произошел со мной на самых первых порах моей сыскной деятельности.

В 1858 году в Петербурге еще не существовало сыского отделения, и делом розыска ведала наружная полиция в лице квартальных надзирателей и их помощников. В мой район — квартального надзирателя Спасской части — входили: Толкучий рынок и ближайшие к нему улицы, а также переулки, заселенные преимущественно подонками столицы.

Дела было много: убийства, грабежи и кражи следовали одно за другим, требуя от полицейских чинов напряженной работы.

Несколько легче было только летом. С наступлением теплой поры весьма многие преступные элементы, как тараканы, расплозились в разные стороны — кто куда, — преимущественно же в окрестности столицы, где хотя и пошаливали, но о кровавых преступлениях было слышать реже.

Пользуясь этим, я частенько навещал мою семью, проводившую лето на даче, в третьем Парголове. Наслаждаться прелестями дачной жизни приходилось, однако, немного. Приедешь, бывало, на своем Серке (о железных дорогах и т. д. тогда еще и помину не было) на дачу часам к пяти, пообедаешь с семьей, погуляешь, а уже часам к 10 вечера спешишь обратно в город, чтобы успеть рассмотреть вечернюю почту и подготовиться к утреннему докладу у обер-полицеймейстера.

15 августа, как теперь помню, в день рождения моей годовалой дочурки Евгении к обеду забрели кое-кто из дачных соседей, и у нас вышло что-то вроде домашнего торжества. От оживленной беседы перешли к картам.

Я и не заметил, как подкралась ночь. Часы пробили два.

— Неужели ты сегодня поедешь в город? Смотри: глухая ночь! Останься до утра! — заговорила жена, увидев мои сборы к отъезду.

«А и в самом деле, не остаться ли до завтра?» — подумалось мне. А срочные дела? А составление утреннего доклада? А явка по начальству? Когда это я все успею, если еще промедлю?

Живее молнии пронеслись в голове эти мысли, и минутная нерешительность была подавлена сознанием необходимости немедленного отъезда.

Не прошло и четверти часа, как мой иноходец Серко, запряженный в легкий кабриолет, стоял у крыльца. Небо было покрыто тучами, и ночь была довольно темна.

Впрочем, дорога по шоссе была ровная и хорошо знакомая. Поэтому я не старался сдерживать моего ретивого коня, думая одно: скорее бы доехать до петербургской моей квартиры.

Убаюкиваемый ездой, я было вздремнул и, чтобы рассеять сон, закурил папиросу, для чего придержал лошадь. Серко пошел шагом.

Из-за туч выбилась луна. Посветлело... Прелестная теплая августовская ночь навяла на меня какое-то совершенно не свойственное полицейскому мечтательное настроение. Давно забытые картины из детской жизни восстали одна за другой в моей памяти.

Вспомнилось мне, как в темные ночи, мальчишкою 10—12 лет, тайком от отца хаживал я за несколько верст от дома на реку Оскол ловить раков. Поставишь сети, разведешь на берегу костер и сидишь себе один-одинешенек, прислушиваясь к однообразному побряхтыванью засевшего где-то коростеля... От этой картины я перенесся воображением в уездный город Старый Оскол, где протекли многие годы моего детства. Тут как живой предстал передо мною неизменный к течению тридцати лет партнер моего отца в шашки, соборный дьякон Василий Егорович, виновник моих частых детских огорчений. Бывало, только еще издали завидит отец подходящую к дому широкоплечую фигуру «священного мужа» — так величали прихожане своего дьякона, — как уже кричит:

— Ванюшка! расставляй проворнее шашки!

Священный же муж, пожав руку отца, со словами: «Где же мой дружок?» — беспокойно осматривается кругом. И горе мне, если я замешкаюсь. Быстрым маневром враг мой приближался ко мне, завладевал моим ухом и бил:

— Постреленок, набей-ка погуще трубочку!

Это набивание трубочки было для меня инквизиторской пыткой, и... решив отомстить врагу, я в один прекрасный вечер раскрошил ненавистную трубку на мелкие части. Подвиг мой имел пренебрежительные последствия: меня выдрали беспощадно...

III

Вдруг моя лошадь неожиданно остановилась и затем круто шагнула в сторону. Но в тот же момент чья-то сильная рука схватила Серко под уздцы и осадил его на месте... Я растерянно оглянулся вокруг и увидел по обеим сторонам своего кабриолета две самые странные и фантастические фигуры...

Рожи их были совершенно черны, а под глазами и вокруг рта обрисовывались широкие красные дугообразные полосы. На головах красовались остроконечные колпаки с белыми кисточками.

Черти, совершенные черти, как их изображают на дешевых картинках... Недостает только хвоста и рогов, подумал я; однако ясное дело — жулики!..

Вижу все же, что дело принимает для меня дурной оборот. У одного из злоумышленников, вскочившего на подножку кабриолета, оказался в руках топор. Подняв его вровень с моей шеей, он грубым и хриплым голосом, подражая трубе, прорычал:

— Нечестивый! Гряди за мною в ад!

Я собрал все присутствие духа.

— Полно дурака-то валять!.. Говори скорее, что тебе от меня надо? Мне нужно торопиться в город, — проговорил я, смотря в упор на черта и в то же время обдумывая, как бы благополучно отделаться от этих мазаных бродяг.

— Митрич, брось камедь ломать! Вишь, прохвост (так окрестил меня другой мерзавец), не боится нечистой силы!

В ответ на замечание своего товарища, стоявшего с правой стороны кабриолета, Митрич вполне уже естественным голосом произнес:

— Давай деньги! А не то...

Жест топором dokonчил фразу, вполне для меня понятную.

Заслониться левой рукой, а правой ударить злодея по голове так, чтобы последний слетел с подножки, а потом, воспользовавшись переполохом, тронуть вожжами лошадь... Вот мысли, которые пронеслись было у меня в голове.

Но брошенный мною вокруг взгляд сразу охладил мой порыв: с правой стороны кабриолета, плотно прижавшись к подножке, стоял второй бродяга с толстой суковатой палкой в руках, одного удара которой было вполне достаточно, чтобы размозжить самый крепкий череп.

В то же время положение кабриолета и лошади, близ самой канавы, и кучи щебня у переднего колеса не допускали мысли выбраться благополучно на дорогу, не опрокинувшись вместе с экипажем, даже в том случае, если бы мне и посчастливилось отделаться от двух ближайших ко мне мерзавцев.

Но помимо этих двух — предстояло иметь дело еще с теми двумя, которые держали лошадь. Несомненно, что при первой моей попытке к сопротивлению они не замедлили бы броситься на помощь товарищам.

Вижу — дело дрянь! Один против четверых, борьба не равная... живым не уйдешь! На душе стало скверно... Меня охватило прежде всего чувство глубокой на себя досады за то, что, пускаясь в глухое ночное время в путь, я, по беспечности, надевая штатское платье, не взял с собой никакого оружия, даже перочинного ножа (хорош сыщик... хорош полицейский...).

— Ну, прочитал, купец, отходную? — насмешливо проговорил разбойник, не опуская топора.

«В шею метит, мерзавец!» — подумал я и инстинктивно поднял вверх левую руку, чтобы защититься от удара.

— Не грехи даром, Митрич, — произнес нерешительным тоном один из двух державших лошадь.

— Жалость, что ли, взяла? — сухо ответил разбойник, не отводя, однако, топора. — Не прокляжайся!.. Доставай скорее деньги! — свирепо вдруг закричал он.

Спротивление было бесполезно, так как я отлично понимал, что при первом моем подозрительном движении или крике второй разбойник, не спускавший с меня взгляда, раскроит дубиною череп, прежде чем я успею завладеть топором. Я счел дальнейшее колебание излишним и опасным. Не оставалось ничего другого, как покориться и отдать кошелек.

Я и покорился: вынул из кармана бумажник и отдал его в руки хищнику. Злодей подметил висевшую на жилете золотую цепочку — пришлось отдать вместе с часами и ее. Мало того — меня заставили вывернуть все карманы. Всю эту процедуру я с умыслом старался протянуть возможно дольше, напрягая слух, в надежде уловить звук колес какого-либо проезжающего экипажа. Кроме того, у меня имелась и другая цель: мне хотелось возможно лучше запечатлеть в памяти черты Митрича, стоявшего ближе других. Я не терял надежды рано или поздно еще раз с ним встретиться и... поквитаться.

Но надежды на помощь со стороны были тщетны. Ни один посторонний звук не нарушал безмолвия ночи, только уныло светивший месяц дал мне возможность хорошо рассмотреть лица двух, стоявших у экипажа. Я ясно различал их бритые рожи, густо намазанные сажею и подрисованные суриком.

Отдав кошелек и часы, я считал себя спасенным. Вдруг разбойник, которому были переданы его товарищем вещи, неожиданно возвысил голос и проговорил:

— Не наделал бы нам молодчик пакостей... Не лучше ли по-решить, и концы в воду!

— А ведь Яша верно говорит! — отозвались двое других.

Настало молчание...

IV

И вдруг я почувствовал, как всем моим существом, всем телом и всею душою начинает овладевать смертельный, холодный, тяжелый и безобразный страх.

Дыхание смерти, казалось, пронеслось надо мною и начало леденить мне кровь.

Я весь сжался... Митрич опять занес над моей головой топор. Он стоял вполоборота ко мне и упорно не сводил с меня взгляда, тускло сверкавшего на его вымазанном сажей лице. От острия занесенного надо мной сзади топора, казалось мне, шли какие-то

бесконечно тонкие и острые нити. Они вонзались в мою голову, шли по шее, проникали дальше по спине во все тело... Меня охватывала какая-то мелкая конвульсивная дрожь.

«Что делать? Что делать? — молотом стучало в моей голове. — Убьют, убьют...»

А мерзавцы молчали. И это молчание еще более увеличивало мой ужас...

Я перевел взгляд на другого субъекта с дубиной, справа. Он стоял, худой и поджарый, тоже недвижно, держа наготове свою суковатую дубину. На миг у меня сверкнула мысль броситься к нему, вырвать у него дубину и защищаться, защищаться во что бы то ни стало...

«Но стоит мне шевельнуться, как топор раскроит мне череп», — вдруг подумал я... Закричать, броситься на колени, просить... Все это бесполезно.

И вдруг с поразительной яркостью мне представилось, как я отъезжал час-полчаса тому назад из дому и как жена мне сказала «ну, прощай» вместо «до свиданья»... Она стояла на крылечке дачи и куталась в большой платок...

Спазматические рыдания начали сдавливать мне горло.

«Ах, скорее бы, скорее... — думал я. — Только бы поменьше мучений... Вероятно, первый ударит Митрич... топором...»

Луна вдруг, казалось мне, засияла нестерпимо ярким светом, так что я отлично мог видеть всех четырех мерзавцев и наблюдать малейшее их движение.

«Нет, прыгну! Буду защищаться, буду кричать!» — решил я и... не мог шевельнуться, а только глядел упорно Митричу в глаза. Вдруг он опустил свой взгляд в землю.

«Значит, смерть! — подумал я. — Нет! Брошусь на него, брошусь...» Молчание продолжалось и, казалось, длится века.

Митрич опять поднял на меня глаза и вдруг как-то полусмущенно проговорил:

— Праздник-то ноне велик! Ведь у нас в деревне престольный...

— Оно-то так... — нерешительно поддержал один субъект из державших лошадей.

— Не хочу и я рук марать в такой день! — проговорил решительно Митрич и опустил топор.

Четвертый разбойник — первый подавший голос за убийство — теперь молчал, что и было принято за знак согласия с большинством.

Решив «не марать в праздник об меня руки», бродяги предвзительно вывели лошадь на середину дороги и, любезно пожелав мне сломать шею, хватили мою лошадь дубиной, а сами бросились по сторонам, врассыпную.

Лошадь во всю прыть мчалась по дороге. Я как пьяный качался на сиденье и понемногу приходил в себя. Полной грудью вдыхал я свежий ночной воздух... Мне казалось, что с той поры, как я выехал, прошли чуть ли не сутки, и я удивлялся, почему не наступает день.

Который-то час? Я невольно сунул руку в карман и вдруг вспомнил, что мои часы отобраны «чертями»... Я совсем оправился; и безумная злость на этих бродяг вдруг вспыхнула в моем сердце.

Как! Ограбить и чуть не убить меня? Меня! Грозу всех воров и разбойников! Меня — такого сильного, здорового и способного сыщика, которого так отличает начальство! Постойте же!..

Прежде всего я решил молчать об этом происшествии, а затем принять все меры к поимке этих негодяев.

Легко понять, что приехал я на свою городскую квартиру в самом отвратительном настроении духа. Обругал ни с того ни с сего вестового, промешкавшего, отворяя дверь; и, не ложась в постель, до семи часов утра проходил по кабинету, обдумывая план поимки грабителей. О ночном происшествии, как и впредь, решил я не сообщать ни моему начальнику, у которого, по обыкновению, был утром с докладом, ни моим подчиненным.

Благодарить Бога и судьбу за спасение от смерти — к стыду своему должен признаться, — мне и в голову не приходило.

Оправданием в этом случае может служить, с одной стороны, молодость (мне было тогда всего 27 лет), а с другой — самолюбие и задетая репутация опытного и находчивого сыщика.

VI

Весь следующий день показался мне бесконечно длинным. Когда стало смеркаться, я отдал распоряжение о наряде: двенадцати полицейских чинов, переодетых в партикулярное платье, в ночной обход.

У Новосильцевской церкви я разделил моих людей на четыре группы и назначил каждой район ее действий.

Предписано было осмотреть в Лесном, в первом, во втором и третьем Парголове все постоянные дворы, харчевни и разные приюты, подвергнув аресту бродяг и вообще всех подозрительных с виду людей.

Результаты облавы были ничтожны. Арестованные трое бродяг оказались мелкими воришками, ничего не имеющими общего с шайкой грабителей.

Голодный и промокший насквозь — всю ночь шел мелкий дождь, — я еле-еле добрал домой и после пережитых волнений и двух бессонных ночей заснул как убитый.

Эта первая неудача, однако, не разочаровала меня.

На другое же утро я командировал во второе и третье Парголово трех смысленных полицейских чинов, поручив им разведать от местных крестьян о подозрительных лицах, имеющих пребывание в этом районе. На всякий случай я сообщил, в общих чертах, приемы ограбивших меня разбойников, не дав, конечно, понять им, что жертвою их нападения был я сам.

Прошло еще четыре дня, но все предпринятые мною розыски не имели успеха. Разбойники как в воду канули.

Наступило воскресенье, и я отправился на дачу. На этот раз я не торопился отъездом в город и пробыл в Парголово до трех часов ночи.

Возвращался я ночью домой по той же дороге, на той же лошади. Но имея в кармане кистень и хороший револьвер, я был далеко не прочь еще раз повстречаться с моими знакомыми-незнакомцами. К моему сожалению, встречи с нечистой силой, так начисто меня ограбившей, не произошло, и я без всяких приключений доехал до городской черты.

Скоро после этого семья моя переехала с дачи, и поездки мои в Парголово прекратились.

Подошла осень; ненастная погода поторопила дачников переездом на зимние квартиры.

С каждым днем и мой квартал все более и более оживлялся. Бездомники и любители чужой собственности роем возвращались с лона природы на старое пепелище...

Следствием этого всегда было занесение в уголовную хронику Петербурга длинного ряда преступлений — от мелких краж до кровавых убийств включительно.

Эта волна столичных происшествий волей-неволей отвлекла меня от поисков парголовских грабителей. Пришлось все силы наличного полицейского состава сосредоточить на розысках исключительно в столичном районе.

Судьба как бы нарочно поддразнивала меня: мне удалось в один день раскрыть два запутанных преступления, «накрыть» убийц и ночью на допросе привести к чистосердечному сознанию. А между тем на легком в смысле розыска деле: напасть на следы парголовской шайки — я терпел полную неудачу.

В довершение всего некоторые из моих близких знакомых успели заметить отсутствие моей известной им цепочки и часов с моими инициалами.

Видя же меня часто в дурном расположении духа, они стали надо мною подтрунивать, объясняя исчезновение вещей проигрышем в карты, а другие, с более игривой фантазией, решили, что у меня есть на стороне «интрижка»...

Неуспех розыска угнетал меня.

VII

Прошло около двух недель.

На одном из обычных утренних докладов у обер-полицеймейстера графа Шувалова он передал мне телеграмму со словами:

— Съездите в Парголово, произведите дознание и сделайте что нужно для поимки преступников.

Телеграмма была такого содержания:

«В ночь на сегодняшнее число на Выборгском шоссе ограблена, с нанесением тяжких побоев, финляндская уроженка Мария Рубан».

Поручение это пришлось мне не по сердцу: и по Петербургу у меня была масса дела, а тут еще поезжай в пригород ради какой-то ограбленной чухонки.

Но граф не переносил возражений, а потому ничего не оставалось делать, как покориться.

Узнав о местожительстве потерпевшей, я на моем иноходце в два часа доехал до деревни Закабыловки. Стоявшие у ворот одного из одноэтажных домов нижний полицейский чин и человек пять праздных зевак без слов подсказали мне, куда завернуть лошадь.

В избе я увидел знакомую мне картину: в переднем углу, под образами, сидел, опершись локтями на деревянный крашеный стол, становой пристав, строчивший протокол. Поодаль, около русской печи, за ситцевой занавеской громко охала жертва. Тут же, около нее, суетился маленький юркий человек — видимо фельдшер, — и две какие-то бабы голосисто причитывали на разные тоны.

Подождав, пока больная пришла несколько в себя и несколько успокоилась, я приказал бабам прекратить их завывания и приступил к допросу.

— Ну, тетушка, как было дело?

— Нешиштая шила!.. Шерти, шерти! — заговорила, своеобразно шепелявя, избитая до полусмерти баба.

— А!.. Нечистая сила! Черти!

Внимание мое вмиг удвоилось, и я принялся за обстоятельные расспросы.

Вот что на своем своеобразном русском жаргоне изложила чухонка:

— Отъехала я верст пять от казарм — час-то был поздний, — я и задремала. Проснулась, вижу: лошадь стоит. Стала я доставать кнут, да так и замерла от страха. Вижу, по бокам телеги стоят три дьявола с черными, как вакса, рожами, языки огненные и хвосты лошадиные! Как лютые псы бросились они на меня и начали рвать на мне одежку... Кошель искали. А как нашли мой кошель, так вместе с карманом и вырвали, — а в кошельке-то всего, почитай, гривен восемь было... «Ну, — думаю, — теперь отпустят

душу на покаяние!» Да не тут-то было: осерчал, видишь ты, один, что денег в кошельке мало, затопал копытами, да как гаркнет: «Тяни со старой шкуры сапоги, ишь подошвы-то новые!» И стал это он, сатана, сапоги с ног тянуть, да не осилить ему — ругается, плюется, а все ни с места. Сапоги-то не разношены были, только за два дня куплены... Собрался он с духом, уперся коленищем мне в живот да как дернет изо всей-то силы, я уж думала, ногу с корнем оторвал, да только сапог подался! Тогда другой-то, который держал меня за горло, придавил коленом грудь и говорит: «Руби топором ногу, если не осилишь».

Захолодело мое сердце, как я услышала, что сейчас ногу мою будут рубить. Да, видно, Богу не угодно было допустить этого. Дернул еще раз, окаянный, сапог-то и соскочил. А потом бить меня стали. Избили до полусмерти и в телеге стали шарить... Молоко-то все и вылакали. А после, батюшка ты мой, подошел ко мне вплотную самый страшный из них, выпятил на меня свои звериные глаза да и говорит ласковым голосом: «Ну, Божья старушка, получи-ка от меня на чаек за молочко и сливочки...» Да как хватит кулачищем меня по шее... Что было со мною дальше — и не помню. Оглянулась, гляжу — Рыжка у ворот избы стоит, а сама я лежу на дне телеги и на бок повернуться не могу. Голова трещит, а ноги и руки так болят, точно их собаки грызут. Спасибо соседи увидели да на руках сволокли в избу.

Старуха, охая и крестясь, опять завопила на разные голоса.

— Не можешь ли, тетушка, припомнить, каковы с виду эти люди были?

— Не люди, а нечистая сила, батюшка! Разве люди-то бывают с огненными языками, лошадиными хвостами? Нет, тут сам дьявол со своими помощниками... Видно, Бог за грехи мои от меня отступился... — Старуха начала бредить.

Для меня все было ясно. Картина нападения, переданная потерпевшей, хотя и в сгущенных красках, подсказывала мне, что шайка парголовских грабителей, видимо, избегавшая проливать кровь, состояла не из профессиональных разбойников.

С другой стороны, случай повторения ограбления в той же местности рассеял мои сомнения в распадении шайки и вернул мне надежду изловить ее участников.

Сделав нужные распоряжения и оставив трех агентов для собирания на месте происшествия сведений о производстве негласного розыска, я поспешил в город, раздумывая всю дорогу о способе накрытия шайки. Таких способов рисовалось в моем разгоряченном воображении бесчисленное множество, но я решил прежде всего прибегнуть к простейшему из них.

VIII

Дня через три я распорядился, чтобы к ночи была готова обыкновенная запряженная в одну лошадь телега — такая, в которой чухны возят в город молоко. Телега должна была быть также с возможно сильно скрипучими колесами. В нее положили два пустых бочонка из-под молока, несколько рогож и связку веревок.

Для экспедиции я выбрал состоявшего при мне бравого унтер-офицера Смирнова и отличавшегося необычайной силой городского Курленко.

Переодевшись вечером дома в полушубок, я уже собирался выходить, когда случайно брошенный взгляд на Курленко заставил меня призадуматься...

«А что, если грабители не решатся напасть на мужчину, да притом на такого коренастого, каков этот мой хохол?» — подумал я.

— Курленко, ты женат?

— Так точно, ваше высокоблагородие!

— Иди живо домой, надень кофту и юбку жены, а голову повяжи теплым платком.

Полное недоумение выразилось на широком, румянном, с еле заметной растительностью лице полицейского. Но исполнять приказания он привык без размышлений и с изумительной быстротой.

Возвратясь обратно в кабинет, я присел за письменный стол и начал думать о предстоящей экспедиции. Вдруг слегка скрипнула дверь, и на пороге появилась толстая румяная баба.

— Что тебе тут надо? — спросил я.

— Изволили меня не признать, ваше высокоблагородие, — вытянув руки по швам, зычным голосом проговорила незнакомка.

Я не мог не улыбнуться: Курленко в бабьем одеянии со своей солдатской выправкой был бесподобен!..

— Ну, теперь в путь! Меня вы обождите у московских казарм.

Переждав полчаса, я вышел из дому.

В три четверти часа извозчик довез меня до московских казарм, а отсюда, отпустив возницу, я побрел вперед, по Сампсониевскому проспекту.

Темнота ночи не позволяла видеть даже ближайшие предметы, и я только тогда различил знакомую мне телегу, когда наткнулся на нее.

Я присоединился к сидящим в ней двум моим телохранителям, и мы молча тронулись в путь.

У Новосильцевской церкви я велел приостановить лошадь, так как пора было ознакомить мою команду с предстоящей ей деятельностью.

— Ты, Курленко, пойдешь рядом с телегой... Смотри внимательно по сторонам и будь настороже, на случай внезапного нападения. Если придется защищаться, пусти в дело кистень, но им не злоупотребляй: бей не на смерть, а лишь бы оглушить, — счел

я необходимым предупредить хохла, зная, какая у него тяжелая рука...

— Ты же, Смирнов, ляжешь рядом со мною в телеге, а там видно будет, что тебе делать. Закрой же нас рогожей, а ты, Смирнов, поубери ноги... Ну, теперь трогай, шагом!

Не скажу, чтобы положение наше было удобное; особенно плохо приходилось Смирнову, детине 12-вершкового роста: как он ни подтягивал свои ноги — они все-таки предательски торчали из телеги.

— Ваше благородие! — зашептал вдруг Смирнов, когда мы отъехали верст пять от Новосильцевской церкви. — Ваше благородие, у меня судороги в ногах начинаются!..

— Растирай сильнее руками, — посоветовал я, чувствуя, что и у меня по ногам забегали «мурашки».

«Скверно, если в этот момент мы подвергнемся нападению», — подумалось мне, и я принялся изо всех сил растирать свои скрюченные члены.

Глухая тишина и глухая ночь стояли вокруг. Только скрип колес нашей телеги нарушал это тяжелое и зловещее безмолвие.

Мы миновали второе Парголово и въехали в сосновую рощу. Пора было и поворачивать обратно. Я уже собрался было сделать распоряжение, как вдруг вблизи нас раздался легкий свист.

— Будьте готовы! — шепнул я.

Предупреждение оказалось своевременным.

Едва Курленко успел вынуть из кармана своей женской кофты кистень, как был схвачен злоумышленником за горло. Двое других окружили телегу, а четвертый держал под уздцы лошадь.

Курленко, выдавший на своем веку и не такие еще виды, ничуть не растерялся перед черной рожей грабителя и сплеча ударил его в ухо. Грабитель с глухим стоном, как сноп, свалился на землю.

Такая расправа «чухонки-бабы», видимо, привела в некоторое замешательство двух товарищей лежавшего без признаков жизни злодея, но после секундного колебания они, в свою очередь, бросились на Курленко.

Наступила пора действовать и нам. Первым выскочил из телеги Смирнов, а за ним я.

Я думал, что одно наше появление обратит в бегство нападающих; но разбойниками овладела ярость, и они, не видя у нас в руках оружия, видимо, решились на кровавую расправу, пустив в ход против нас ножи и знакомую мне толстую дубину.

Но и мои люди, не раз подвергавшиеся нападениям, прошли хорошую школу, и все приемы самообороны были ими на опыте изучены до тонкости.

Смирнов ловко уклонился в сторону от бросившегося на него с поднятым ножом бродяги, так что нож, направленный в горло, скользнул лишь по спине Смирнова, прорезав ему, благодаря толстому полушубку, только кожу у лопатки; а когда грабитель замахнулся ножом второй раз, то бравый унтер ударом ноги в живот сшиб противника с ног, и нападающий завертелся волчком от боли.

Пока Смирнов вязал веревками побежденных, я с Курленко старался обезоружить моего старого знакомого — Митрича, которого я сейчас же узнал.

Сделать это было нелегко: он отлично владел суковатой длинной дубиной и не подпускал нас на близкое расстояние. Дубина уже два раза задела Курленко, хотевшего ее вырвать. Митрич свирепел и неистово отмахивался.

Стрелять мне не хотелось. Я решил овладеть Митричем иначе. В руках у меня была веревка. Сделать петлю было делом одной минуты... Я изловчился и накинул петлю на Митрича. Еще один взмах дубиной, и затянутый петлей вокруг шеи Митрич зашатался и упал. Чтобы не задушить его, я снял тотчас же петлю и затем связал ему с помощью Курленко ноги и руки.

Четвертый злоумышленник, державший лошадь, благоразумно дал стрелка в самом начале схватки. Преследовать его в такую темную ночь было бесполезно.

Покончив эту баталию, мы привели в чувство одного из трех бродяг, наиболее пострадавшего от руки Курленко, и, сложив эту живую кладь на телегу, тронулись в обратный путь, вполне удовлетворенные результатами ночной экспедиции.

IX

Нужно сознаться, что наутро я с некоторым удовольствием даже приступил к допросу и начал, конечно, с Митрича...

Ведь, в сущности, он был у меня в руках, и мне доставляло, не скрою этого, некоторое злорадное удовольствие поиграть с ним, как кошке с мышью...

Быть может, кто-либо и осудит меня за такое чувство, и он будет прав. Но, повторяю опять, я был тогда еще слишком молод, а кроме того, воспоминание о том грабеже, который учили надо мной эти негодяи, и о том чисто животном страхе, который я пережил благодаря им, были еще слишком свежи в моей памяти.

Городовой ввел ко мне рослого и плечистого детину, который при входе скользнул по мне глазами, а затем отвел взгляд в угол. На угрюмо-вызывающем лице его еще сохранились следы сажи и красной краски. Я невольно улыбнулся.

Городовой вышел и оставил нас одних.

— Ну-с, как же тебя звать? — задал я обыкновенный вопрос.

— Не могу припомнить! — последовал ответ.

— Гм!.. Вот как! Забыл, значит?.. Как же это так?

— Да так! Имя больно хитрое поп, когда крестил, дал... Пока несли из церкви домой, я и забыл, а пока сюда попал, так и совсем позабыл... Просто никак припомнить не могу! — говорил задержанный, все еще глядя в сторону; но речь его принимала все более и более наглый оттенок.

— Тэ-э-эк-с, — протянул я. — Что же это ты, бедняга непомнящая, по ночам с дубиной на большой дороге делаешь?

— Ничего... Так... Хожу, значит, по своим надобностям...

— Какая же такая надобность у тебя была вчера, например, когда ты напал с шайкой на нашу телегу?

— И никакой шайки я не знаю, и никакого нападения-то не было... Так просто подошел попросить, чтоб подвезли. А на меня вдруг как накинута... Я думал — разбойники!

— Вот как! Притомился, значит, по дороженьке, подломились резвы ноженьки, захотелось подъехать... А на него, бедного, нападают, как на какого-либо разбойника... Ведь так? — сказал я...

Какая-то неуловимая не то улыбка, не то гримаса пробежала по лицу допрашиваемого. Он опять скользнул по мне взглядом, пожал плечами и произнес:

— Именно-с так.

Наступило молчание. Преступник стоял и глядел в угол, а я злорадно думал: «Постой же, вот я тебе покажу «забыл», мерзавец... Вот я тебя ошпарю».

Я вдруг встал и решительно выпрямился:

— А ну-ка, *Митрич*, погляди-ка на меня хорошенько! Не узнаешь ли?.. — внушительно проговорил я, отчеканивая каждое слово.

Допрашиваемый как-то вздернулся и взглянул на меня широко раскрытыми глазами.

— Не могу знать, ваше благородие, — быстро проговорил он...

— Но ведь ты — Митрич? — спросил я.

Глаза у него забежали. Он попробовал усмехнуться, но усмешка вышла какая-то кривая...

— Что ж! Пускай, по-вашему, буду и Митрич, ежели вам угодно, вам лучше знать... — начал говорить он...

— Да, да! Именно мне лучше знать. И я знаю, что ты — Митрич. Да и меня ты *должен* знать! Погляди-ка внимательно...

Митрич вскинул на меня уже смущенный и недоумевающий взгляд.

— Не могу припомнить! — проговорил он.

— Ну, так я тебе помогу припомнить. Где ты был ночью 15 августа, в самый праздник Успения Пресвятой Богородицы?

— В гостях у товарища!

— Не грехи и не ври, мерзавец! — проговорил я грозно. — Не в гостях, а с топором на большой дороге провел ты этот великий праздник... свой *престольный* праздник, — подчеркнул я.

Митрич изумленно смотрел на меня и начал бледнеть, а я, не давая ему опомниться, продолжал:

— Разбойником, кровопийцем засел ты на большой дороге, чтобы грабить и убивать. Как самый последний негодяй и самая жестокая бессмысленная скотина бросился ты на безоружного одинокого с топором! Только потому человека не убил, что «не

хотелось в такой праздник рук марать»... — сказал я, не спуская с него глаз и отчеканивая каждое последнее слово.

— Да неужто это были вы, ваше благородие? — почти со страхом произнес Митрич, отступая шаг назад.

— Ага! Узнал небось!..

Митрич бросился на колени.

— Мой... наш грех! Простите! — пробормотал он.

Вижу я, что надо ковать железо, пока горячо.

— Ну, а ограбленная и избитая чухонка, ведь тоже дело ваших рук? Да говори смело и прямо. Ведь я все знаю. Признаешься — тебе же лучше будет!

— Повинны и в этом! — хмуро проговорил все еще не пришедший в себя Митрич.

Шаг за шагом затем удалось мне выпытать у него о всех грабежах этой шайки. Грабили большей частью проезжающих чухон, которые, вообще говоря, не жаловались даже на эти грабежи.

— Почему так?

— Да видите, ваше благородие, они думали, что мы всамделишные черти! — пояснял Митрич.

Я вспомнил об этом маскараде и потребовал дальнейших пояснений.

— Да, правду говорить, ваше благородие, не хотелось нам напрасно кровь проливать... Нам бы только запугать насмерть, чтоб потом в полицию не доносили. Ведь на нечистую силу не пойдешь же квартальному заявлять! Ну вот для этого самого и комедь эту играли...

— И доигрались до арестантских рот! Эх вы... Бедные черти!

Меня заинтересовал еще один вопрос:

— Но ведь со мною-то вы не комедь играли? Ведь действительно убить собрались? А?..

Митрич почесал за ухом.

— Да оно, того... сумнительно нам стало... — проговорил он нерешительно.

— Какие такие сомнения?

— Да видите, перво-наперво, ваше благородие, у вас много денег было, не то что чухна, копеечная... А потом часы, значит, цепочка... Человек, видно, богатый и распознал, что не черти, а просто...

— Разбойники! — закончил за него я, видя его затруднение. — Эх вы! Бедные, бедные черти!.. Значит, если бы не праздник, то капут? — спросил я уже весело.

Митрич отвел глаза в сторону и замолчал.

Благодаря показанию Митрича дело разъяснилось быстро. Личности задержанных были установлены. Был в тот же день арестован и четвертый из «чертей».

Оказалось, что это были уволенные в запас. По окончании службы они, промотав бывшие у них на дорогу деньги, решили попытать счастья на большой дороге и вернуться на родину с «ка-

питалами». Не попадись они в последнем деле, их нелегко было бы разыскать, так как они уже решили не откладывать более отъезда. На пай каждого приходилось по 60 рублей, и этой суммой они решили удовольствоваться...

Из награбленного у меня мне удалось все же разыскать часы с цепочкой, перешедшие чуть ли не в шестые руки... Знакомые, видя эти часы, смеялись и говорили, что я достал их из ада, куда утащили их было «парголовские черти»...

Что ж! Каковы черти, таков и ад!

Но понятие, что такое физический, животный страх, после этого случая я имею. Как видите, этот страх я испытал не при исполнении обязанностей... В заключение же скажу одно: не дай Бог никому испытывать этот страх. Скверное это состояние!

УДАЧНЫЙ РОЗЫСК

I

Вспоминаю я это старое дело (относится к 1859 г.) исключительно потому, что я сделал первоначальный розыск и дознался до истинного преступника исключительно путем логического вывода и соображений и долгое время считал это дело самым блестящим в моей практике.

Но будущее чревато событиями — и последующие дела заслонили на время историю этого розыска, а теперь, найдя в своих бумагах пожелтевший лист с моим донесением графу Шувалову, я с удовольствием вспомнил про это дело.

13 июня 1859 года по Выборгскому шоссе в трех верстах от Петербурга был найден труп с признаками насильственной смерти, а следом за этим, в ночь с 13-го на 14-е на даче купца Х-ра, подле самой заставы, через открытое окно неизвестно кем была похищена разная одежда: два летних мужских пальто, брюки, полусапожки, шляпа, зонтик и дамское серое пальто.

Граф Шувалов по получении о том извещения изволил оба эти дела поручить мне для расследования и розыска преступников.

Я тотчас отправился на место преступлений.

Сначала к убитому.

По Выборгской дороге, совсем недалеко от Петербурга, сейчас же у канавки, лежал еще труп убитого.

Он лежал на боку, голова его была проломлена, и среди сгустков крови виднелся мозг и торчали черепные кости.

Он был без сапог, в красном гарусном шарфе и серой чуйке поверх жилета со стеклянными пуговицами.

По виду это был типичный чухонец.

Я стал производить внимательный осмотр.

Шагах в пяти у края дороги, на камне, я увидел несомненные следы крови. Черная полоса тянулась до самого места нахождения трупа.

А оглядевшись еще немного, я нашел на дне канавки топор, на обухе которого вместе с кровью приклеился пук волос, и — опять подле камня — дешевую корешковую трубку.

И после этих находок и осмотра мне ясно представилась картина убийства. Чухонец мирно сидел на камне и, может быть, курил трубку, когда к нему подкрался убийца и нанес ему смертельные удары... своим или его топором?

Вероятно, его, решил я, потому что иначе убийца бы унес топор с собою, дорожа все-таки вещью и побоясь улики.

II

После этого я отправился на дачу Х-ра. Это была богатая дача с огромным садом, совсем подле Выборгской заставы.

На дорогу выходил сад, окруженный невысоким забором; вдоль него тянулась дорожка к крыльцу дачи, которая была выстроена в глубине сада, выходя только одним боком на двор.

Я вошел в дачу и вызвал хозяев.

Хозяевами оказались толстый немец и молодая тоненькая немка.

— А, это вы! — заговорил тотчас немец, вынимая изо рта сигару. — Ошень рад! Находите наш вещи!..

— О да! — пропела и тоненькая немка. — Найдите наши вещи!

— Приложу все усилия, — отвечал я. — Будьте добры показать мне теперь, откуда была произведена кража.

— Просим, пожалста! — сказал немец. — Тут, сюда!

Я прошел следом за ними в большую комнату с верандой, выходящей в сад.

— Вот, — объяснил немец, — здесь лежал мой пальто, и ее пальто, и ее зонтик, короший с кружевом зонтик, а тут, — он открыл дверь в маленькую комнату, ведущую в спальную, и показал на диван, — лежал мой теплый пальто и были ее сапожки и мои... понимаете! — Он подмигнул мне и показал на брюки, а его немка стыдливо потупилась.

— И все украл! Сто рублей! Больше! Ее пальто стоил мне 60 рублей, и она носил его только три года.

— Вы не можете ни на кого указать?

— Нет! У нас честный служанка, честный дворник! Вор входил в окошко. Сюда.

Он снова вернулся в большую комнату и указал на окошко.

Я выглянул из окна. Оно было аршина на два от земли, но доступ к нему облегчался настилкою веранды, которая подходила под самое окошко.

Я перекинул ноги, очутился на веранде и спустился в сад, тщательно осматривая его, причем со мною оказались и хозяева, и дворник, и старая немка-служанка. И поиски мои сразу увенчались успехом.

У самого забора, под кустами, я нашел брошенную серую солдатскую шинель.

Я жадно схватил ее и тотчас стал обыскивать. За обшлагом рукава почти сразу я нашел бумагу.

Это оказался паспорт на имя финляндского уроженца Израеля Кейтонена. Больше я ничего не нашел, но этого для меня оказалось вполне достаточным. Я попросил подробно описать мне украденные вещи, потом распрощался с немцами, сказал, что тотчас извещу их, едва найду вещи, и отправился назад, к убитому, которого уже перевезли по моему указанию в Красное Село.

Приехав туда, я, никому ничего не объясняя, зашел по очереди во все кабаки и постоялые дворы, спрашивая, не видал ли кто Кейтонена.

— Третьего дня он у меня работал, — сказал мне наконец один из зажиточных крестьян, — дрова колочил. А тебе на что?

— А вот сейчас узнаешь, — ответил я ему и повел его к трупу. Крестьянин тотчас признался в убитом Кейтонена, работавшего у него. Я лично и не сомневался в этом.

Первый шаг был сделан: личность убитого выяснена.

Я поехал домой.

Солдатская шинель и в рукаве ее паспорт убитого. Несомненно, хозяин этой шинели овладел паспортом убитого, а следовательно, он и совершил это убийство. Эта шинель очутилась в саду ограбленной дачи.

Несомненно, тот же человек совершил и кражу. Кем же он может быть? Ясно как день, что солдат, и солдат беглый, которому форменная шинель только обуза.

III

И вот, исходя из этих соображений, я тотчас начал свои поиски со справок во всех войсковых частях, находящихся в этом районе, и в тюрьмах, и на другой же день получил сообщение, что в ночь на 12-е число из этапной тюрьмы бежал арестант, рядовой Вологодского пехотного полка Григорий Иванов.

Я немедленно отправился в Красносельскую тюрьму и взял сведения об этом Иванове.

Для меня уже не было сомнения, что это он и убийца и вор.

Оказалось, что он раньше этой тюрьмы содержался в Петербургском тюремном замке под именем временно отпускного рядового Несвижского полка Силы Федотова и был задержан как вор и дезертир.

В тот же день я был уже в тюремном замке, где меня отлично знали все служащие и многие из арестантов.

— С чем пришли? О ком спрашивать? — радушно спросил меня смотритель.

Я объяснил.

— А, этот гусь! Весьма возможно, что он. Разбойник чистый. Поймали его за кражу, он сказался Силой Федотовым; мы его уже

хотели в Варшаву гнать, да один арестант признал за Иванова. Решили гнать в Вологду, а он, оказывается, из тюрьмы бежал. Формальный арестант.

В наш разговор вмешался один из помощников смотрителя.

— Ен, ваше благородие, кажись, вчера сюда приходил. Показалось мне так.

Смотритель даже руками развел.

— Врешь ты. Не может быть такого наглеца.

— Я и сам так подумал, а то бы схватил. И был в статском весь.

— А с кем виделся? — спросил я.

— С Федькой Коноваловым. Ему через пять дней выпуск.

Я кивнул головой.

— Отлично. А не можешь ли ты, братец, припомнить, как он был одет?

— В статском, — отвечал помощник, — спинжак это коричневый и брюки словно голубые и в белых полосках.

— Он! — невольно воскликнул я, вспомнив описание брюк, украденных у немца с дачи; потом обратился к смотрителю: — Будьте добры теперь показать мне этого Коновалова, но так, чтобы он этого не видел.

— Ничего не может быть легче, — ответил смотритель и обратился к помощнику: — Петрусенко, приведи сюда Коновалова!

— Слушаю-с! — ответил помощник и вышел.

— А вы, Иван Дмитриевич, — обратился ко мне смотритель, — идите сюда и смотрите в окошечко.

Он открыл дверь с маленьким окошком и ввел меня в маленькую комнатку.

Находясь в ней, я через окошко свободно видел весь кабинет смотрителя.

— Отлично! — сказал я.

Смотритель закрыл дверь; я расположился у окошка, а через минуту вошел Петрусенко с арестантом.

Смотритель стал говорить с ним о работе в мастерской и о каком-то заказе, а я внимательно изучал лицо и фигуру Коновалова.

Невысокого роста, приземистый и плечистый, он производил впечатление простоватого парня, и только голова его, рыжая и огромных размеров, являлась как бы отличным его признаком.

Смотритель отпустил его, я вышел.

— Ну, что? довольны?

— Не совсем, — отвечал я. — Мне надо его будет посмотреть, когда вы его выпустите уже без арестантской куртки.

— Ничего не может быть легче, — любезно ответил смотритель, — приходите сюда в 9 часов утра 20-го числа и увидите.

Я поблагодарил его и ушел.

План мой был — неотступно следить за этим Коноваловым на свободе и через него найти и Иванова.

Если Иванов был у него в тюрьме, зная, что ему скоро срок, то, несомненно, с какими-нибудь планами, и несомненно, что Коновалов, выпущенный на свободу, в первый же день встретится с ним.

Приметы же Иванова, кроме этих синих брюк с белыми полосками, я узнал от смотрителей обеих тюрем, где он сидел.

По описаниям их это был человек среднего роста, худощавый, с маленькой головой, с черненькими усиками и большим носом.

Положим, с такими приметами можно встретить в течение часа полсотни людей, но знакомство с Коноваловым и брюки давали уже прямые указания.

Я был уверен, что Иванов от меня не уйдет, и позвал к себе на помощь только шустрого Ицку Погилевича, о котором я уже упоминал в деле о «душителях».

IV

Объяснив ему все, что он должен делать, я 20-го числа к 9 часам утра был уже в тюремном замке.

Погилевича я оставил на улице у дверей, а сам прошел к смотрителю и опять укрылся в камерке за окошком.

Коновалов вошел свободно и развязно. На нем были серые брюки и серая рабочая блуза с ременным кушаком.

В руках он держал темный картуз и узелок, вероятно с бельем.

Смотритель поговорил с ним с минуту, потом выдал ему несколько денег (его заработок), паспорт и отпустил его.

Тот небрежно кивнул смотрителю, надел картуз и вышел.

Я тотчас выскочил из камерки и хотел бежать за ним, но смотритель добродушно сказал мне:

— Можете не спешить. Я велел попридержать его, пока не выйдете вы. А теперь, к вашему сведению, могу сказать, что у них на Садовой, в доме де Роберти, нечто вроде притона. Вчера один арестант рассказывал.

Я поблагодарил его, поспешно вышел на улицу и подозвал Погилевича.

Мы с ним перешли на другую сторону, и я стал закуривать у него папиросу.

Через минуту вышел Коновалов.

Он внимательно поглядел по сторонам, встряхнулся и быстро пошел по направлению к Никольскому рынку.

— Не упускай его ни на минуту! — сказал я Ицке, указав ему на Коновалова, и спокойно пошел по своим делам.

На другой день Ицка явился ко мне сияющим.

— Ну что? — быстро спросил его я.

— Я все сделал. Они вместе вдвоем и в том доме!

— Де Роберти?

— Да, да!

— Сразу и встретились?

— Нет, много работы было. Уф, совсем заморил меня!

И он начал рассказывать.

— Как он пошел, я за ним, а он, с длинными ногами, идет так-то скоро, як конь. Я за ним. Он в самый двор Никольского рынка. Я за ним, ну, а по лестнице идти побоялся. Вдруг догадается! Я и остался ждать. Ждал, ждал, думал, уж он прочь убежал, а он идет. Идет с каким-то евреем. Потом я узнал: Соломон Пинкус, старыми вещами торгует... Вышли они, и Пинкус ему что-то говорил и рукой махал. Я совсем близко подошел и хотел слушать, а тут они на улицу вышли, и Пинкус только сказал: «Так смотри же!» — а тот сказал: «Знаю!» — и разошлись...

Я перебил словоохотливого Ицку и нетерпеливо крикнул:

— Ты мне про Иванова говори! Видел его?

— Ну и как же! — обиделся Ицка.

— Так про это и рассказывай!

Ицка сделал недовольную рожу и торопливо передал результаты своих наблюдений.

Коновалов прошел в портерную на Фонтанке у Подъяческой и там встретился с Ивановым, который его поджидал. По описаниям внешности и опять тех же брюк это был, несомненно, Иванов.

Ицка сел подле них, закрывшись газетою, и подслушал их беседу, которую они вели на воровском жаргоне.

Судя по тому, что он подслушал, они сговаривались произвести какой-то грабеж с какими-то еще Фомкой и Авдюхой.

После этого они вышли и заходили еще в кабаки и в пивные и прошли наконец в дом де Роберти, где находятся и сейчас.

— Ну, а если их уже нет? — спросил я

— Тогда они придут туда снова, — спокойно ответил Ицка.

Я молча согласился с ним и торопливо оделся.

— Ваше благородие! — сказал Ицка.

— Что?

— Если бы вы позволили выследить их грабеж, мы бы их на месте поймали.

Я отказался.

— И грабежа бы не было!

— Его и так не будет, если мы Иванова арестуем.

Ицка грустно вздохнул и поплелся за мною.

Я пришел в ближайшую часть и попросил у пристава мне на помощь двух молодцев.

Он мне тотчас отпустил двух здоровенных хожалых.

Я приказал им переодеться в статское платье и идти с Ицкою, чтобы по моему или его приказу арестовать преступника.

На Садовой, в нескольких шагах от Сенной, находился этот знаменитый в свое время дом де Роберти, кажется, не описанный в «Петербургских трущобах».

А между тем это был притон едва ли не почище Вяземского дома. Здесь было десятка с два тесных квартир с угловыми жильцами, в которых ютились исключительно убийцы, воры и беглые, здесь содержатели квартир занимались скупкою краденого, дворники укрывательством, и (стыдно сказать) местная полиция имела с жильцов этого дома доходные статьи.

К воротам этого-то дома я и отправился сторожить свою дичину.

Часа два я бродил без толку, пока наконец он не вышел на улицу.

Я узнал его сразу, не увидев даже Коновалова, который шел позади его.

Узнав его, я зашел ему за спину и окрикнул:

— Иванов!

Он быстро обернулся.

— Ну, тебя-то мне и надо, — сказал я, подавая знак своим молодцам, и спустя 15 минут он уже был доставлен в часть, где я с приставом сняли с него первый допрос.

VI

Поначалу он упорно называл себя Силой Федотовым и от всего запирался, но я сумел сбить его, запутать, и он сделал наконец чистосердечное признание.

Все мои предположения оказались совершенно правильными.

В ночь с 12-го на 13 июня он бежал из Красносельской этапной тюрьмы, разобравши забор; за ним погнались, но он успел спрятаться и на заре двинулся в путь.

Близ дороги он увидел чухонца, который сидел на камне и курил трубку.

Он подошел к чухонцу и попросил у него курнуть. Чухонец радушно отдал трубку. Он ее выкурил и возвратил. Чухонец стал ее набивать снова, и тогда беглому солдату явилась мысль убить его. Он поднял топор, лежащий подле чухонца, и хватил его обухом по голове два раза.

Удостоверившись, что чухонец убит, он снял с него сапоги, взял у него паспорт и 50 копеек, сволок его к сторонке и зашагал дальше.

Не доходя заставы, он увидел, что в нижнем этаже дачи открыто окно. Тогда он перелез через забор, снял с себя сапоги и шинель, взял в руку здоровый камень и влез в окошко.

Забрав все, что можно, он надел одно пальто на себя, другое взял в руку и ушел, оставив в саду свое — солдатское.

После этого он указал место, куда продал вещи Х-ра.

— И вещи-то дрянь, — окончил он признание, — всего 12 рублей выручил.

Я разыскал все вещи и представил их немцам, сказав, что прекрасные его брюки на самом воре.

— Нишего, — заявил немец, — я велю их вымыть! — И потребовал возвращения и брюк.

13 июня были совершены оба преступления, а 23-го я представил все вещи и самого преступника.

Шувалов высказал мне свое удивление моим способностям, но в то время я и сам был доволен и гордился этим делом, потому что все розыски были сделаны мною только на основании соображений, логически построенных.

СОБЛАЗНЕННЫЕ

I

Иногда я думаю, что священник и врач — два интимнейших наших поверенных — не выслушали столько тайн, не узнали столько сокрытого, сколько я в течение моей многолетней служебной деятельности.

Старики и старухи, ограбленные своими любовницами и любовниками; матери и отцы, жалующиеся на своих детей; развратники-сластолюбцы и их жертвы; исповедь преступной души; плач и раскаянье ревнивого сердца; подло оклеветанная невинность и под личиной невинности закоренелый злодей; ростовщики, дисконтеры, воры с титулованными фамилиями; муж, ворующий у жены; отец, развращающий дочь...

Всего и не перечечь, что прошло передо мною, обнажаясь до наготы.

И с течением времени какое глубокое получаешь знание жизни, как выучиваешься понимать и прощать!..

II

Сколько по тюрьмам и острогам сидит людей, сделавшихся преступниками *случайно*, и сколько ходит по улицам на свободе с гордо поднятой головой «честных» людей, честных только потому, что им не представился ни разу случай искушения!

Из ста этих честных поставьте в возможность взять взятку, огрбить кассу, совершить растрату, и — ручаюсь — 98 из них постараются не упустить этой возможности.

Скажу более, многие из 100 не воздержатся при благоприятных условиях даже... от убийства.

Это ужасно, но это так, и Богочеловеком с божественной прозорливостью даны слова в молитве к Нему: «И не введи нас во искушение...»

У русского человека сложилась грубая поговорка: «Не вводи *вора* в искушение», в которой он искушенного уже заранее клеймит презрением, а вернее было бы просто сказать: «Избегай

искушения», потому что это слишком рискованное испытание твоей твердости.

Передо мною сейчас лежит в синих обложках ряд уголовных дел, на которых я сделал когда-то пометки «соблазненные», и мне хочется для пояснения своей мысли привести как примеры два-три таких дела, взятых наудачу.

Первое попавшееся под руку дело — это дело Клушина, относящееся к 1860 году.

III

В дворницкой дома Маниушевича 27 марта 1863 г. были найдены утром два трупа: один оказался бывшим в этом доме дворником, Арефием Александровым, а другой — его земляком Ефимом Евстигнеевым.

Оба они оказались зарезанными, а имущество их разграбленным.

Я взялся за расследование.

Из расспросов я узнал, что этот дворник, Арефий Александров, отличался гостеприимством и что к нему постоянно ходили земляки и знакомые, нередко оставаясь у него и на ночь.

К числу таких принадлежал и зарезанный Евстигнеев.

Я тотчас стал по очереди, от одного к другому, перебирать его знакомцев-посетителей, производя у кого обыск, а у кого простое дознание.

Таким путем я добрался и до Николая Клушина, государственного крестьянина.

При вызове его я прежде всего обратил внимание на его распухшую левую руку.

Когда я вызвал врача и мы осмотрели его руку, оказалось, что на указательном, среднем и безымянном пальцах у него были ранки, похожие на укусы зубами.

Я стал его осматривать внимательнее и тут же на брюках нашел следы замытой крови.

На вопросы, откуда то и другое, он спутался, а через полчаса уже чистосердечно каялся в совершенном двойном убийстве и затем рассказал подробно это зверское, но незатейливое преступление.

IV

Неделю назад, то есть числа 20-го, он пришел к давно знакомому дворнику, Александрову, и, разговорившись, остался у него ночевать, после чего ночевал у него еще две ночи и, имея нужду в деньгах, вознамерился лишить жизни Александрова и товарища его Евстигнеева, так как увидел у них немало имущества. Для совершения этого преступления он купил себе нож, с которым в

четверг 24-го числа, накануне Благовещения, и отправился к дворнику Александрову. Изрядно выпив, он остался ночевать и улегся спать с крестьянином Ефимом на нарах, а дворник Александров лег на лежанке. Три раза в эту ночь Клушин собирался их зарезать, но у него не хватало решимости, и он отложил свое дело до следующей ночи. И вот на другой день вместе с Арефием и Ефимом под вечер он ходил пить чай, а по возвращении в дворницкую купил полштоф водки, которым и споил дворника Арефия и его товарища Ефима, имея в виду, что они будут крепче спать, да и сам при этом выпил изрядно для смелости.

После этого он опять лег с Евстигнеевым на нарах, а Александров в этот раз отправился на дежурство. Клушин дождался, когда Евстигнеев крепко заснул, и тогда, взяв топор, лежавший у печки в той же дворницкой, ударил обухом спящего Евстигнеева в правый висок, отчего тот застонал и вздрогнул, а Клушин в то же время перерезал ему купленным ножом горло. После этого он, придвинув убитого к стене, накрыл его его же армяком и стал ждать прихода Александрова с дежурства, лежа возле мертвого тела.

В два часа ночи ожидаемый дворник возвратился, зажег огонь и закурил трубку. Клушин спокойно спросил его: почему он так рано пришел с дежурства? А Александров ответил, что ему разрешил это старший городовой, после чего лег на лежанку и скоро уснул. Уже на рассвете, когда Клушин убедился, что Александров крепко спит, он тихо подошел к нему и тем же ножом нанес одним взмахом удар в шею, отчего Александров вскочил, замахал руками и закричал, но Клушин тотчас левой рукою зажал ему рот, при этом пальцы его попали Александрову в рот, и тот схватил их зубами, но Клушин вторично ударил его ножом в грудь и повалил на те же нары, где лежал зарезанный Евстигнеев. Александров уже не дышал...

Совершив оба убийства, он уложил оба трупа на нары и закрыл их досками, а нож бросил на печку, потом снял окровавленную рубашку и вместо нее надел одну из принадлежащих убитым. Затем, забрав найденные в сундуках две рубашки, двое шаровар, две старые шубы, две пары сапогов, жилет и деньгами шестьдесят копеек, со всем этим добром спокойно вышел из дворницкой, запер дверь висячим замком и положил ключ в карман. Под воротами дома он встретил водовоза и, чтоб отвлечь подозрение, спросил его, где дворник. На это водовоз сказал: вероятно, ушел пить чай. Затем Клушин с вещами пошел прямо к толкучему рынку и у Чернышева моста продал все вещи неизвестным лицам за 8 руб. 25 коп. серебром.

При обыске у Клушина оказалось денег два рубля две копейки серебром, два замшевых кошелька, медные крест и перстень.

V

Так совершилось зверское бессмысленное преступление за 8 руб. 25 коп.

А этот Клушин раньше служил в извозчиках, потом в дворниках и никогда ни в чем подозрительным не был замешан.

И тут он ходил к Александрову как к приятелю, не имея никаких планов, но вот однажды пьяный Александров расхвастался, а у Клушина в то время не было ни места, ни алтына — и участь его решилась.

Клушину вдруг открылся простой (!?) способ разжиться, и он уже больше не думал о последствиях и, как маньяк, довел свое дело до конца, а потом плакал, каялся и два раза покушался на свою жизнь.

Это одно дело. Беру другое — совершившееся ровно через 10 лет, — «дело об убийстве Мельниковой Екатериной Андреевой».

VI

Дело это, так сказать, поражает своей преступной простотою. Некая девица из чухонек Екатерина Андреева долгое время оставалась без места и, занимаясь поденной работою, даже не имела определенного местожительства, переходя от знакомых к знакомым. В числе таких оказалась и вдова унтер-офицера Агафья Мельникова, которая служила у господ Вейнребенов в кухарках и за их отъездом из города оставалась при квартире для надзора за ней.

Эта-то самая Агафья Мельникова 2 июня 1870 г. и была найдена мертвою с признаками удушения, с полотенцем на шее.

Поиски начались тем же путем, как и в предыдущем случае, и через день Екатерина Андреева была уже в наших руках и принесла полную повинность.

Дело оказалось до ужаса просто.

Из рассказа Андреевой видно, что она ночевала в квартире Вейнребена три ночи: с пятницы на субботу, с субботы на воскресенье и с воскресенья на понедельник. В последнюю ночь на 1 июня, в 5-м часу утра, *ею овладело желание убить Мельникову и воспользоваться ее имуществом.* Под влиянием этой мысли она подошла к спящей Агафье и схватила ее за горло; от такого движения Агафья упала со скамейки и табуретов, из которых она устроила себе постель, причем успела ухватиться за рубашку Андреевой и разорвать ее, но, несмотря на это, последняя не выпустила из рук шеи Агафьи. Когда же несчастная женщина перестала уже сопротивляться, Андреева встала ей ногами на грудь и начала бить ее каблуками. Убедившись наконец в безусловной смерти Агафьи, Андреева сбросила с себя разорванную рубашку и надела другую, лежавшую в кухне на комод; затем взломала комод в спальном комнате, вынула из него семь женских рубашек и три

джуины салфеток и с этими вещами, никем не замеченная, скрылась через парадную лестницу. В тот же день она продала награбленные вещи на Охте за 10 руб. одному поселенцу, живущему в собственном доме, а деньги отдала дворнику Егору, в доме Дмитриева, по Невскому просп., в 1-м участке Рождественской части, с которым находилась в любовной связи.

VII

А раньше она служила, находилась при хозяйском имуществе, не раз стирала дорогое господское белье и всюду, где она работала, о ней говорили как о «честной». Что же произошло с нею?

«Обголодалась» очень, а тут еще любовник. И вот, лежит она со старухой Агафьей, лежит и думает свою думу, а сегодня вечером эта Агафья высчитывала перед ней хозяйское добро.

И вдруг ужасная мысль как молния прорезала ее ум и сразу парализовала всякие другие мысли.

Убить и взять. Это так просто! Никого нет, никто не узнает. Тиснуть, и кончено.

И она идет и душит старуху, но это оказалось не так легко. В борьбе она пришла в ярость и переломала старухе ребра. А время шло. На дворе уже светло. Надо уже спастись. И вот она ломает комод, берет из него что попало и... спасается.

Неужели это не «соблазненная» с виду кажущийся разбойник (нет слов, что с преступною волею)? Она жила и раньше, жила бы и дольше, честно трудясь, если бы ей не подвернулся такой «случай».

Третье приводимое здесь мною убийство не менее страшно, чем предыдущее, и я все-таки также причисляю его к типу убийств, совершенных по соблазну, по внезапно пришедшей в голову идее.

VIII

20 мая 1883 года в 5 часов пополудни в доме № 20 по Караванной улице, в квартире купца Эрбштейна найден убитым человек, оказавшийся Николаем Богдановым, оставшимся при квартире Эрбштейна на время его отъезда.

И вот опять начались поиски.

Эти поиски были немного сложнее предыдущих, и когда-нибудь я расскажу о них особо, но сейчас я хочу обратить внимание читателя на характер и мотивы убийства.

Кратко сказать, нашли мы убийцу благодаря оставленному им старому пальто.

Убийцей оказался крестьянин Николай Кирсанов, который успел уже скрыться из Петербурга и уехать к себе на родину в село Пересветово Дмитровского уезда Московской губернии.

История поимки его также не лишена занимательности. За ним командировали туда двух чиновников, которые и взяли его, и привезли в Петербург, в сыскное отделение. И здесь он без всякого запираательства подробно рассказал, как было все дело.

Сознание его было записано буквально с его слов, и я привожу здесь его полностью, со всею его ужасающей простотою.

IX

«Надо полагать, черт меня в этом деле попутал, — начал он свое показание, — потому что допрежь этого никаких таких мыслей мне и в голову не приходило.

Правда, любил я выпить, и в непотребный дом зайти, и сбесобразничать, но чтобы убить или грабить — никогда.

А тут и случилось...

Перед минувшей Пасхою я потерял свое место, которое до того времени имел у басонщика Соснегова, в 8-й роте Измайловского полка, и с тех пор оставался без всяких занятий, так что дошел до крайности. Ввиду этого я решился как-либо возвратиться в деревню и просил о ссуде мне денег на дорогу у знакомых: лакея Василия Захарова, живущего в Троицком переулке, дом № 15, квартира 8, и у лакея Андрея Петрова, живущего у генерала Казнакова в главном Адмиралтействе, а также просил и у покойного Николая Богданова, но все они отказали мне в этой просьбе. Не имея денег даже на пропитание, я в последнее время стал ходить по этим самым знакомым: то к Андрею Петрову, то к Николаю Богданову, которые и кормили меня, а иногда и давали ночлег. В пятницу 20 мая, утром, часу в 8-м, я пришел к Николаю Богданову, живущему в Караванной улице в доме № 20, и пил у него чай; до 12 часов дня ходил два раза в погреб Перца на Большой Итальянской, между Караванной и Фонтанкою, и приносил по поручению Богданова каждый раз по бутылке водки, которую мы с ним всю и выпили. В первом же часу Богданов послал меня купить еще сороковку и три фунта пирога в мелочной лавке в Толмазовом переулке рядом с питейным домом, по правой руке от театра, что я и исполнил. Выйдя же из помянутой лавки, я встретил стоящего у кабака неизвестного мне точильщика, у которого за поясом было штук до десяти ножей. *Тут мне пришла мысль зарезать Николая Богданова, чтобы достать денег для уплаты оброка,* которого числится на мне более тридцати рублей, а также и на дорогу в деревню. С этой целью я купил у этого точильщика за 10 или 15 копеек, теперь точно цены не припомню, простой нож с деревянным простым черенком, величиною с черенком вершков в пять, и вернулся к Богданову. Вернувшись, я с ним выпил сороковку, и мы съели половину пирога, а другую оставили, и Богданов положил ее на полку под кухонным столом. Затем он пригласил меня лечь спать, и мы легли вместе в спальне на его кровать. Богданов был

раздет, но в сапогах, я тоже снял сюртук, но брюк и сапогов не снял, хотя Богданов и говорил мне, чтобы я снял брюки, но купленный мною нож был у меня в правом кармане брюк, и я отказался. Лег я на краю кровати, и в скором времени, когда Николай лежал вверх лицом, закрыв глаза, я повернулся к нему на левый бок и вынул из кармана нож; затем, вскочив с кровати, я быстро нанес Богданову удар ножом по шее. Он вскочил с кровати, а я в страхе выбежал на кухню, куда за мною прибежал из спальни и Богданов, таща с собою на ногах одеяло и путаясь в нем. Вбежав в кухню, он сейчас же упал всем телом на стол, что около окна; я его оттолкнул, и он упал тогда на пол в противоположную сторону от дверей, выходящих на черную лестницу. Тут я уже снова нанес ему еще другой удар ножом по шее, но спереди или сзади — не помню. После этого я вошел в его комнату, где со стенки снял три сюртука, жилетку, взял с комода серебряные закрытые часы на черном круглом шнурке, открыл затем один ящик в комоде, в котором лежали папиросы, и взял две штуки папирос и пять платков: три белых, один с желтою, а другой с розовою каймами. Все три сюртука я надел на себя в столовой, а часы и платки положил в карманы. Когда я захватил вышеупомянутые вещи и проходил из комнаты Богданова в столовую, то Богданов был уже не между столом у окна и плитою, а между плитою и раковиною, головою к последней, и при виде меня чуть-чуть как будто приподнялся, но сейчас же опять лег и перекрестился. Нож я положил в раковину сейчас же по нанесению Богданову второго удара. Потом я умылся, но чем утирался — не помню, кажется, тут же в кухне было полотенце. В комнате же Николая вместе с сюртуками я захватил и пальто его на вате, обшитое плюшем на рукавах и с плюшевым воротником. Свой сюртук я также взял вместе с упомянутыми вещами и пронес все это в столовую. Одевшись в столовой в сюртуки и упомянутое пальто, я зашел в кабинет и там, открыв шкаф, стоящий недалеко от письменного стола у стены, по правой стороне от входа в кабинет из коридора, взял из ящика серебряные открытые часы, маленькие, без цепочки, и несколько каких-то с костяными белыми ручками штучек и положил все это в карман пальто. Отсюда я прошел на кухню и хотел выйти по черной лестнице, но побоялся, чтобы кто-либо не встретился, а потому и вернулся в комнаты, чтобы выйти по парадной лестнице, через которую и вышел, захлопнув за собою двери. В квартире я оставил свой сюртук, черный суконный, и картуз темно-синего сукна с суконным козырьком. В столовой я оставил брюки, пару или две, которые захватил из комнаты Богданова, там же остался и сапог с Богданова, который я прихватил, должно быть, в то время, когда проходил из кухни в столовую. Вместо своей фуражки я надел на голову шляпу Богданова, фасона котелком. Из брюк Николая, висевших в спальне вместе с моим сюртуком, я вынул небольшой кожаный старый кошелек, в котором после оказалось 5 руб. 25 коп. денег; одна трехрублевая бумажка, две рублевых и мелкими —

двугривенный и пятачок. Когда я выходил из квартиры и закрывал двери, то снизу смотрел швейцар, и я думаю, что он видел, как я выходил из квартиры; затем внизу я прошел мимо швейцара, и он смотрел на меня, когда я выходил из подъезда на улицу; я еще оглянулся из боязни, не идет ли он за мною, но он остался у подъезда. Отойдя немного от подъезда, я нанял извозчика к Николаевскому вокзалу за 25 коп., но, переезжая чрез Аничкин мост, велел ему ехать по Графскому переулку, чтобы зайти в кабак. Там я выпил осьмушку, а извозчику дал бутылку пива. Потом я выехал на Лиговку к какому-то трактиру, заходя весьма часто по дороге в кабаки. На Лиговке в трактире также выпил, выйдя же из трактира, нанял другого извозчика в Ново-Александровский рынок, где в толкучке у торговли купил брюки, которые теперь на мне, отсюда пошел в бани у того же рынка, выходящие на Фонтанку, и там в номере за 75 коп. вымылся, замыл кровь на розовой рубашке с малороссийскою обшивкою, а подштанники одел не замывая, брюки же сырые, в которых я был, сложил вместе с рубашкою в узел, завернув в салфетку, которую тоже захватил из комода Николая Богданова вместе с носовыми платками. Из бани, тут же на Фонтанке, недалеко от бань, пошел в парихмахерскую и сбрил бороду. Отсюда нанял извозчика в Казачий переулок, вошел в трактир...» и т. д.

Бродил он по разным непотребным местам несколько дней и потом уехал на родину.

И здесь то же самое: был человек без места, «оголодался» и вдруг, увидев у точильщика ножи, соблазнился мыслию легкой наживы.

И таких ужасных примеров я мог бы привести добрую сотню. Час тому назад человек не знает, что он будет убийцею, и, соблазненный, режет или душит и, сбитый с толку, бродит потом, как бесприкаянный, не находя себе места и в распутстве ища забыться. Тут его и берут.

ДЕЗЕРТИР

I

Темная и грустная октябрьская ночь.

У подножия старой царскосельской этапной тюрьмы мерно шагает часовой. Тоскливо ему и скучно. Глухо завывает свою унылую песню холодный осенний ветер, свистит между постройками тюремного здания, перебрасывается на рядом почти стоящий с тюрьмой лес и гуляет по его шелестящим верхушкам...

Темень такая, что даже привыкший уже к темноте глаз часового еле-еле разбирает невысокий сравнительно деревянный забор, которым окружена тюрьма. Напрягает часовой зрение и слух, но вокруг только темень да унылое завывание ветра... Тоскливо, грустно, неудобно!..

Мерно, но все медленнее и медленнее шагает часовой. До смены еще добрых два часа, а тяжелая неодолимая дрема так и подкрадывается, так и смежает очи. Кажется, так бы выбрал уголок поукромнее, где не так продувает ветер, прилег бы и уснул... Или нет... Зачем даже ложиться? Прислонился бы к стенке и вздремнул бы хоть малость... Но нет, нет... Боже сохрани! Нельзя. Служба.

Часовой приостановился, опустил ружье «к ноге» и оперся на него. Голова его потихоньку склонялась на грудь и вдруг беспомощно повисла...

— У-гу-гу-у-у-у... — завыл ветер.

Часовой вздернул голову, встрепенулся и зорко огляделся вокруг.

Та же темень, то же завывание ветра, та же угрюмая холодная осенняя ночь...

Часовой крепче оперся на ружье, и... опять неумолимая, неодолимая дрема смежила его очи. Он поднял как-то руки к верху дула, где к нему примыкается штык. Опустил на руки голову и сладко задремал...

II

Ш-ш-шпок!..

Сквозь шум и завывание ветра послышался вдруг какой-то шум

и падение. Как будто из окна тюрьмы свалился на землю мешок с песком.

Часовой вздрогнул и напряженно оглянулся... Ничего. Но он слышал, несомненно, какой-то подозрительный шум... Он встряхнулся и быстро зашагал по направлению, откуда к нему донеслось это. Прошел пять шагов, десять — ничего. И вдруг совершенно отчетливо послышались шум и треск у ограды, окружающей двор. Кто-то, как кошка, взбирался на нее. Зрение возбужденного часового напряглось до чрезвычайности. Совершенно ясно он вдруг заметил, как над забором поднялась какая-то темная фигура, готовясь перепрыгнуть...

«Бегство!...» — мелькнуло молнией в его голове. Он мгновенно приложился и выстрелил.

Тотчас забегали, забили тревогу.

— Арестант бежал! — отчаянно прокричал часовой.

Дежурный офицер немедленно снарядил отряд из четырех человек для поимки бежавшего.

Но где было искать? Очевидно, что арестант бросился в лес, находящийся не более 200 саженей от тюрьмы. Туда и направилась команда.

Темнота ночи покровительствовала беглецу. В двух шагах едва можно было разглядеть человека, а в лесу и ровно ничего не было видно.

Полусонные солдаты, отойдя немного от опушки леса в глубину и побродив наудачу с час времени, более для очистки совести, как говорится, всячески ругая арестанта, из-за которого на их долю выпала эта ночная прогулка, вернулись обратно и доложили по начальству, что поиски их успехом не увенчались.

III

Я в то время был еще приставом, но уже, как говорится, «на замечании». Мои способности и любовь к сыску, не хвастаясь горю, были уже оценены, а потому я на завтра же узнал о происшествии, рассказанном выше...

Узнал, конечно, из официальной бумаги, где было сказано, что в ночь, мол, с такого-то на такое-то октября из такой-то тюрьмы бежал важный арестант Яков Григорьев, дезертир, зарекомендовавший себя как самый опасный преступник. По всем вероятностям, оный Яков Григорьев направился в Петербург, а потому мне предписывалось его разыскать и куда следует представить.

Надо было поближе познакомиться и с обстоятельствами бегства, и с «формулярным», так сказать, списком беглеца.

Обстоятельства бегства, о которых я уже рассказал несколько выше, показали, что дело приходится иметь с отчаянным, сильным и ловким человеком. История же жизни этого человека, с которой,

волей-неволей, мне пришлось познакомиться довольно коротко показала, что действительно приходилось иметь дело с типом мошенника и преступника не совсем заурядного сорта.

IV

Яков Григорьев — крестьянин по происхождению, но «хорошо» грамотный, что было редкостью в те времена. Насколько помнится, он чуть ли не был из кантонистов. Грамотный, рослый, представительный, он лет что-то двадцати двух был уже унтер-офицером лейб-гвардии Измайловского полка. Но этот чин ему пришлось носить недолго.

Женщины и пьянство привели к тому, что, попавшись в пустой краже в доме терпимости, он был разжалован в рядовые. Это его обидело.

Не желая в первые дни после разжалования нести службу рядового, он задумал лечь в госпиталь, но времена были строгие, и доктор, найдя его совершенно здоровым, отказал ему в этом. Яков Григорьев, не долго думая, схватил первую попавшуюся ему под руку доску и замахнулся ею на доктора. Если бы не подоспел дежурный по караулу, доктору пришлось бы плохо. За такой проступок Григорьев, и то «по снисхождению», был наказан 50 ударами розог. После этого он решил во что бы то ни стало бежать из полка. Это решение он и не замедлил привести в исполнение.

После бегства Григорьев начал заниматься воровством и мошенничеством, проживая в Петербурге с фальшивым паспортом на имя московского мещанина Ивана Иванова Соловьева. Жил он обыкновенно за Нарвской заставой у содержателя харчевни Федора Васильева, близ станции «Четырех Рук».

Несколько раз его забирали даже в полицию, но каждый раз его личность как мещанина Ив. Ив. Соловьева удостоверял упомянутый содержатель харчевни. Он же, как оказалось, принимал у него краденые вещи и сбывал их. Григорьева же, лже-Соловьева, за неимением существенных улик освобождали. Так тянулось несколько лет.

Надо было, следовательно, отдать справедливость Григорьеву, что он отлично умел прятать концы в воду и выходил из всякого мошеннического дела с незапятнанной репутацией.

Но «и на старуху бывает проруха».

V

Вздумалось Григорьеву-Соловьеву съездить в Новгород, где он начал свою службу, и там, «на родине», попробовать счастья. Тут-то с первого раза ему и не повезло.

Ночью через открытое окно забрался он в квартиру чиновника Лубова и начал шарить на письменном столе. На беду вора, чиновнику в эту ночь почему-то не спалось. Заметив в соседней комнате незнакомца, отворяющего его письменный стол, чиновник неслышно прокрался на черный ход, запер за собою двери и, разбудив двух дворников, поймал вора, когда последний, с внушительным по виду и плотно набитым узлом, занес уже ногу с подоконника.

Это похождение привело Григорьева и к установлению подлинной его личности, и в тюрьму.

Здесь тоже ему не повезло. Из всех арестантов он считался самым беспокойным и постоянно подвергался за разные проступки дисциплинарным наказаниям.

Два раза он пытался бежать, но безуспешно. Наконец увенчалась успехом третья попытка, по дороге в Петербург. Ему удалось раздобыться пилкой. Он подпилит оконные перекладины, быстро спустился по трубе, рискуя разбиться, но, как мы видели уже, благополучно бежал.

Ясно было, что приходилось ловить уже искусившегося мошенника. Очень вероятно также было, что он бежал именно в Петербург, который был ему, очевидно, хорошо знаком. Явился вопрос о его приметах.

Приметы? Получился обыкновенный «паспортный» ответ: блондин высокого роста...

Но мало ли есть блондинов высокого роста... Усилили наблюдение за местами, где он проживал раньше, приглядывались ко всякого рода блондинам высокого роста, но Григорьев, он же и лже-Соловьев, как в воду канул...

VI

Прошло месяца три, а то и все четыре.

Уже светало, когда по одному из глухих переулков Выборгской стороны мирно шествовал домой ночной «страж» и мирно потрескивал трещоткой, которая в то время составляла необходимую принадлежность ночных хранителей окраин Петербурга. Вдруг показалась маленькая фигурка, со всех ног бежавшая по направлению к сторожу. Это был мальчуган лет 12, с перепуганным лицом, еле дышавший от волнения и бега.

— Дяденька, дяденька! — кричал он запыхавшись. — На заборе удавленник висит!..

Явилась полиция. Оказалось, что на одном из бесконечных заборов, которых так много в этой части города, висело тело человека в очень странном положении: корпус находился за забором, а со стороны улицы виднелась только голова, запрокинутая лбом книзу, туго притянутая у шеи небольшим ремнем, привязанным к громадному гвоздю, вбитому в середине забора.

Картина была более чем неприятная...

Началось дознание, которое было поручено мне.

Личность удушенника удалось установить. Он оказался чухонцем из 2-го Парголова, крестьянином по фамилии Лехтонен. В вечер накануне своей смерти он ушел из дому с утра. Где он был в течение целого дня, что делал, установить не удалось.

Освидетельствование тела ясно указывало, однако, что здесь имело место убийство, которое убийца, очевидно, хотел симулировать самоубийством. Лехтонен жил за 2-м Парголовом с женою и приемышем. Мужчина был здоровый.

Первое время я не мог обнаружить ничего. И только после долгих розысков удалось обнаружить следующее.

VII

У Лехтонена была сестра, некая Ахлестова, приезжавшая из Финляндии на несколько дней в Петербург и бывшая с ним, как удалось узнать, в день убийства, в послеобеденное время, в одном из трактиров в Измайловском полку.

Сестра эта показала следующее. Когда они вышли, уже сильно навеселе, из трактира, брат ее Лехтонен держал в руках две двадцатипятирублевки, которые он получил за проданную лошадь. В эту минуту к ним подошел какой-то человек высокого роста, широкоплечий, с маленькими темными усиками и родимым пятном на левой щеке. Человек этот спросил у Лехтонена, который час, затем разговорился с ним и, узнав, что они идут на Выборгскую сторону, сказал, что и ему надо идти туда.

Когда они дошли до Выборгской, уже стемнело. Незнакомец предложил им зайти в известную ему сторожку на огороде и выпить водки. Получив согласие, он сбегал за водкой. В сторожке они пили, по словам Ахлестовой, так много, что она допилась до бесчувствия и очнулась только ночью на огороде, но как она впоследствии сообщила, совсем на другом конце. Думая, что в пьяном виде она сама сюда забрела, она не пошла искать брата, а вернулась на постоялый двор, где и ночевала, а на следующее утро уехала к себе домой в Финляндию.

Как ни странно было поведение сестры убитого, уехавшей, не стараясь увидеть брата, пьянствовавшей с ним в компании незнакомого мужчины и т. д., но самые тщательные расследования привели к полному убеждению в том, что она говорит правду.

Явилась у меня мысль о тщетно разыскиваемом Григорьеве-Соловьеве. С одной стороны, приметы подходили: высокий, плечистый, светлые глаза... Но с другой — темные усики, родимое пятно на левой щеке... Ничего этого в приметах не было.

Все-таки я начал усиленный розыск в местах, где мог быть этот преступник. К прежним приметам добавились еще усики и родимое пятно, но... опять все было безуспешно. Неудачи начали

меня обескураживать, а тут явилась еще новая весьма-таки ловкая «штука»...

VIII

Из квартиры купца Юнгмейстера, близ Выборгской заставы, были похищены ценное верхнее платье и золотые часы.

Как была совершена эта кража, мы долго не могли себе уяснить.

Похищенные вещи находились в комнате, где хранились также в денежном железном шкафу процентные бумаги и деньги хозяйина квартиры. Комната запиралась особым французским замком, сделанным по заказу Юнгмейстера. Окон в этой комнате не было: она освещалась с потолка через стеклянную раму и длинную трубу, заканчивавшуюся на крыше конусообразной стеклянной же рамой.

В промежуток времени, когда могла быть совершена кража (с 6 до 10 часов вечера), комната была заперта, и ключ от нее находился у хозяина. Стекла и рамы потолка и крыши были глухие, не открывавшиеся, и при осмотре оказались целыми и не поврежденными. Словом, вор мог проникнуть в комнату только каким-либо «чудесным» образом...

Несмотря на то что мне случалось уже на своем веку видеть много ловких краж, в данном случае я был в недоумении.

Я решил было уже отказаться от надежды напасть на какой-нибудь след, но в последнюю минуту, после многих и тщетных осмотров, я решил еще раз произвести исследование. «Ведь не духи же, в самом деле, украли», — думал я.

И вот, еще раз, один, отправился я произвести осмотр комнаты.

Что-то подсказывало мне, что секрет заключается именно в самой комнате.

После долгих бесплодных осмотров и размышлений я остановил свое внимание на каком-то квадрате, еле-еле вырисовывавшемся на обоях почти под потолком.

Взобрался я на шкаф и, исследуя подозрительный квадрат, заметил, что он представляет очертания как бы четырехугольной дверцы в стене. При помощи ножа я действительно открыл эту дверцу. Оказалось, то это был род очень большой вентиляционной трубы, но без вентиляторного колеса. Соединялась эта труба с действовавшего уже давно дымовую трубой.

Может быть, эта дверца и ведущая к ней труба раньше имела и другое назначение (дом недавно был перестроен), но о существовании этой трубы никто в квартире не знал.

Осмотрев стенки трубы, я заметил отчетливые отпечатки недавнего трения о них какого-то массивного предмета и свежие царапины. Ясно было, что вор проник в комнату с крыши именно этим путем и тем же путем вышел обратно. Очевидно, это был человек, хорошо знакомый с устройством дома и в особенности с

его трубами и печами. Само собой разумеется, что я тотчас вспомнил о трубочистах, — и здесь мои розыски привели к следующему.

Подручный трубочист дома, где жил Юнгмейстер, действительно знал об этих трубах, но клялся и божился, что туда он не лазил и ничего не крал. Это, положим, и подтвердилось, но подтвердилось и то, что наивный трубочист как-то шутя говорил своему знакомому и даже «приятелю» Кондратьеву, что Юнгмейстера легко этим путем обокрасть. Кондратьев был, как его описывал трубочист, человек высокого роста, с усиками, довольно темными, и с родимым пятном на левой щеке...

Ясно было, что я опять встречаюсь со своим «знакомым незнакомцем». Но где он жил, этот Кондратьев, где его можно было найти, об этом трубочист решительно ничего не знал, тем более что со времени кражи, и даже за несколько дней до нее, он так и потерял своего «приятеля» из виду.

Трубочист, однако, сообщил новую подробность: у Кондратьева была подруга. Но где была и чем занималась эта подруга, было неизвестно. В самое последнее время она, кажется, была без места и занималась поденной работой... Вот и все.

А «Кондратьев» тоже как в воду канул.

IX

Той порой подоспело новое преступление.

На Невском проспекте, недалеко от лавры, нашли задушенного, с поясным ремнем на шее, довольно тщедушного парня. Оказалось, что это был ученик часовых дел мастера Иван Глазунов.

Из дознания же обнаружилось, что вечером накануне убийства несчастный ученик часовых дел мастера пьянствовал в трактире «Старушка». У него были серебряные часы с цепочкой. С ним сидел и поддерживал ему компанию рослый, плечистый человек лет 35, с усиками и родимым пятном на левой щеке. Трактирщик хорошо почему-то запомнил его лицо.

Опять тот же Кондратьев и, как я был почему-то уверен, Соловьев, а по-настоящему — Яков Григорьев.

Дерзость и наглость этого злодея превосходили все пределы, и, однако, хоть он вертелся тут же, как говорится, под носом, — мне не удавалось его изловить.

Самолюбие мое сильно страдало. Я бранил своих агентов и наконец пустил в ход знаменитое «Cherchez la femme»... Надо было найти женщину. Надо было найти эту подругу Кондратьева-Соловьева-Григорьева!

Я мобилизовал своих агентов женского пола.

По словам трубочиста, подруга преступника была без места. Я ухватился за эту мысль.

«Если она без места, — думал я, — то ютится, скорее всего, где-либо на квартире, занимает, может быть, «угол».

Всем женщинам-агентам была объяснена мною важность и сложность дела. Была обещана хорошая награда, и был дан приказ превратиться в не имеющих место работниц и слоняться в таком обличье по углам...

Результаты получились довольно быстрые.

Х

В подвальном помещении дома де Роберти близ Сенной площади держал квартиру, состоящую из одной комнаты и кухни, отставной фельдфебель Горупенко.

Сам Горупенко с женой и четырьмя детьми ютился в комнате, а кухню отдавал под углы квартирантам.

Таких квартирантов в кухне, на пространстве пяти квадратных сажень, проживало до восьми человек. Теперь же, по случаю уже летнего времени (столько времени меня мучил этот негодяй!), их было лишь четверо: официант из трактира «Бавария», безместный повар-пьяница, хромой нищий и крестьянская девушка, занимавшаяся поденной стиркой белья до приискания себе постоянного места.

К этой-то компании квартирантов присоединилась одна из моих «агентш», и агентш опытных, некая Федосова, выдавая себя за работницу на папиросной фабрике Жукова, где она действительно работала раньше, до своего выхода замуж.

Вечером, когда все квартиранты были в сборе, новая жилища, по требованию сожителей, должна была, как водится, справить новоселье, то есть выставить водку и закуску.

Когда мужчины перепились и разошлись по углам, обе женщины разговорились.

— Охота тебе, милая, по стиркам-то ходить, — начала разговор Федосова.

— Да я и на хороших местах живала, — ответила несколько тоже подвыпившая подруга, — да нигде из-за «моего» не держат, больно буен. Придет проведать, да и наскандалит, ну, а господа этого не любят...

— А он солдат али пожарный, твой-то?

— Из солдат, милая! Уж три года с ним путаюсь, ребенка прижила; каждый месяц по 4 целковых чухонке даю за него.

— А отец-то помогает?

— Как же, как придет, бумажку, а то и две сунет. «Пошли, — говорит, — нашему-то...» Вот за это он мне больше и люб, что ребенка жалеет. А вот теперь месяца три как пропадал, да вдруг... вот приходил недавно, только какой-то невеселый, да и не в своем виде.

— Под хмельком, должно быть. Видно, приятели употчевали?

— Нет, милая, совсем не в этих смыслах. А это я про одежду говорю.

— Что такое про одежду?..

— То-то и дело: франтом вдруг разрядился... Несет, значит, еще полусапожки женские да два бурнуса. Как пришел, послал меня на Сенную купить ему фуражку. Полусапожки мне подарил, а другие вещи велел продать, я их знакомому татарину за восемь рублей и отдала. «На, — говорю, — получай капиталы». А он мне в ответ: «Дура ты!.. Эти вещи пять красненьких стоят, а ты за восемь рублей продала!» Осерчал он очень, а потом и говорит: пойдем, говорит, в трактир. Ну, пошли в трактир, а потом все по-милому да по-хорошему кончилось. Ведь сколько не видались... «Где ты, — спрашиваю, — столько пропадал?» — «А там, — говорит, — был, где меня теперь нет...»

Марья Патрикеева, так звали девушку, сладко зевнула.

— Двенадцатый час, — проговорила она, и обе женщины разошлись, несмотря на то что Федосову рассказ, понятно, заинтересовал.

На следующее утро Патрикеева пошла на поденную работу, а Федосова ко мне.

Вечером, в девять часов, обе женщины опять сошлись, но разговор у них не клеился.

— Что ты, Маша, сегодня скучная такая? О солдате своем, что ли, взгрустнула? — начала разговор Федосова.

— Пожалуй, что ты и угадала. Яша-то мой опять за старые дела принялся...

— Ну, об этом кручиниться нечего. Было бы дело-то прибыльное, а он видишь какие тебе полусапожки в презент поднес.

— Так-то оно так, а все опасно. Я ему и сказала, как он мне недавно часы с цепочкой принес. Яша, говорю ему, опять ты за темные дела взялся, смотри, не миновать тебе Сибири!

— Ну, а он-то что на это сказал?

— Молчи, говорит, дура. И в Сибири люди живут.

— Молодец!.. Храбрый, значит!.. А знаешь что, Маша, ты часы бы продала. У меня есть один знакомый на рынке, который тебе хорошую цену за них даст, — сказала Федосова, желая узнать, где находятся эти часы.

— Ах ты, Господи! Жаль, что я не знала этого раньше. Побоялась я, видишь, идти с ними на толкучий, да и заложила их тут поблизости, у жида.

— А, это на Горсткиной улице. Закладывала и я там. Жид этот, прости Господи, что антихрист — за рубль гривенник дает, — добавила агентша.

— Верно, верно, на Горсткиной, туда и снесла! — со вздохом проговорила Маша.

— Хоть бы одним глазком взглянуть мне на дружка-то твоего; страсть это как я обожаю военных людей. У меня самой — военный, — с одушевлением произнесла новая «подруга».

— На этой неделе обещался побывать. Жди, говорит, около ночи.

Все эти сведения были переданы мне, и я, не сомневаясь, что напал на настоящий след, велел строго следить за домом де Роберти, а сам каждый вечер поджидал прихода Григорьева.

Но время шло, а тот все не являлся. Маша сильно тревожилась и несколько раз высказывала Федосовой свои подозрения, не попал ли ее Яша в полицию.

XI

Прошла неделя. На восьмой день я, взяв с собой городского, отправился на свой пост. По дороге, около дома де Роберти, мы нагнали человека в пиджаке. При взгляде на него вполуборот я вздрогнул... Рост, белое лицо с маленькими темными усиками, большие наглые глаза и родимое пятно на щеке... Положительно, подумал я, это он!

Нельзя было терять ни минуты.

— Это ты, Соловьев? — окликнул я его.

— Да, я, — слышался ответ, и мужчина, повернувшись, очутился со мной лицом к лицу.

Я бросился на него, схватил его за руку, которую он уже опустил за пазуху, где оказался хорошо отточенный нож.

Городовой ударом в бок сбил Григорьева с ног. Подбежали дворники, и общими усилиями удалось крепко скрутить его руки веревкой.

На следующий день после этого ареста был разыскан татарин, которому Патрикеева продала вещи, а затем были найдены и вещи, похищенные у купца Юнгмейстера. На Горсткиной улице были найдены заложенными серебряные часы с цепочкой, которые принадлежали задушенному ученику часовых дел мастера Ивану Глазунову.

Преступника оставалось только уличить и привести к сознанию.

XII

— Яков Григорьев! — начал я свой допрос, оставшись с ним в кабинете с глазу на глаз. — Ты обвиняешься в побеге из этапной Красносельской тюрьмы, в убийстве чухонца Лехтонена на Выборгском шоссе и ученика часовых дел мастера Ивана Глазунова, с ограблением вещей, а также в краже платья и часов близ Выборгской заставы у купца Юнгмейстера.

— Что из тюрьмы бежал — это верно, а в другом я не виноват, — ответил он.

— Ну, а откуда же ты взял часы, которые были найдены при обыске?

— В магазине купил... А где, в каком месте — не припомню.

— Ну а вещи, которые ты передал Марье Патрикеевой для продажи? Тоже купил?

— Никаких я ей вещей не передавал. Все врёт баба.

И затем на все вопросы, где он находился во все время с момента побега, Яков отвечал «не припомню» или «был сильно выпивши и потому ничего не видел и не слышал».

— Вот, ваше благородие! — вдруг неожиданно и нагло проговорил он. — Вините вы меня в разных злодействах да разбоях, а кто что видел? Против меня никаких улик нет! Хотите, видно, невинного человека запутать! Если бы я был уж такой душегуб, так мне бы ничего не стоило вот эту чернильницу взять, пустить в вашу голову, да и бежать отсюда... Семь бед — один ответ!

— Бросить в меня чернильницей ты, пожалуй, мог бы, да бежать-то тебе не удалось бы. У дверей тебя городской бы встретил, — проговорил я, в упор смотря на Якова. — А что свидетелей нет — это ты ошибаешься, сейчас ты их увидишь.

Я позвонил. На зов явился городской.

— Сколько у нас арестованных?

— Шестеро, — ответил городской.

— Введи их сюда.

Когда все шестеро были введены, я поставил их рядом с Яковым, который с изумлением глядел на все происходящее.

— Введи сюда Ахлестову, — сказал я.

Когда вошла Ахлестова, я обратился к ней:

— Ахлестова, взгляните в лица всех этих семерых людей. Не признаете ли вы среди них того человека, который пил с вами водку в сторожке на огороде, на Выборгской стороне в день убийства вашего брата?

Ахлестова внимательно стала всматриваться в лица стоявших перед ней, и затем прямо, без колебания подошла к Якову Григорьеву и проговорила:

— Этот самый человек! Я бы его из тысячи признала...

— Ври больше! — со злобой в голосе, стараясь, однако, скрыть свое смущение, сказал Яков Григорьев.

— Введи теперь сидельца из трактира «Старушка»!

Ввели сидельца.

— Вы показывали, что 20-го числа в вашем заведении пьянствовал Иван Глазунов, убитый в ту же ночь, в обществе с неизвестным вам человеком, приметы которого вы, однако, хорошо запомнили. Вглянитесь внимательно в лица стоящих перед вами, не узнаете ли вы в ком-нибудь из них того незнакомца, который пьянствовал с Глазуновым?

— Это они-с будут! — решительным тоном сказал сиделец, подходя к Якову.

Шестерых арестантов увели, и я опять остался с глазу на глаз с Григорьевым.

— Ну, что скажешь теперь? — обратился я к Якову.

— Это все пустое! — проговорил он, тряхнув головой. — Все это вы нарочно придумали, чтобы меня с толку сбить, да не на такого напали!

— Как знаешь, Григорьев! Против тебя очень серьезные улики, есть даже такие свидетели, о которых ты и не подозреваешь. Я от души советую тебе сознаться во всем. Легче тебе на душе будет, да и наказание смягчат за твое чистосердечное признание.

Долго говорил я с Яковом о Боге, о душе, спрашивал его о его прошлом, о детстве, о его родителях. Он несколько присмирел, не был так нагл и циничен, как вначале, но сознания от него я так-таки не добился и велел его увести.

XIII

На следующее утро я приступил к допросу Марии Патрикеевой. Она чистосердечно рассказала все, что знала.

— А давно ты знакома с Яковом?

— Да больше трех лет.

— И ребенок есть у тебя?

— Да, мальчик, только не у меня он, отдала я его чухонцу на воспитание, в деревню, за 2-м Парголовом.

— А как зовут этого чухонца?

— Лехтонен.

— Как? как? — переспросил я, удивленный. — Ты верно запомнила его имя?

— Да как же не помнить. Ведь я там раз пять побывала, с год назад, положим... Все не успевала теперь...

— Хорошо ли там твоему ребенку? Пожалуй, впроголодь держат?

— Что вы, ваше благородие, они его любят. Своих-то детей у них нет, так моего заместо родного любят... Только вот вчера, — продолжала Марья, — я встретила в мелочной лавке чухонку знакомую из той же деревни, так она говорила, что Лехтонена убили, да толком-то не рассказала... Поди все враки, за что его убивать-то. Человек он простой да бедный, что с него взять-то?

Я решил воспользоваться этим странным и неожиданным совпадением, чтобы через Марью повлиять на Григорьева:

— Ну, а я тебе скажу, что его действительно убили, когда он возвращался домой... А убил его... Убил его отец твоего ребенка и твой любовник — Яков Григорьев!

Эффект этих слов превзошел мои ожидания. Марья зашаталась и с криком «Яша убил!» грохнулась на пол.

На этом допрос был прекращен.

XIV

Вечером того же дня я вновь вызвал Григорьева. Он вошел бледный, понуря голову, но упорно стоял на том, что ни в чем не виновен.

Я велел ввести Марью Патрикееву.

— Вот, уговори ты его сознаться во всем, — сказал я. — Он убил чухонца Лехтонена, второго отца твоего ребенка, любившего твоего ребенка, как своего собственного.

— Яша, неужели это ты убил его? Ведь как он любил нашего Митю, как своего родного, — захлебываясь от слез, проговорила Марья.

— Что ты, дура, зря-то болтаешь? Разве Митюха у него был? — проговорил тихо Яков.

— У него, у него... Как свят Бог, у него! Скажи мне по душе, заклинаю тебя нашим малюткой, скажи мне, ведь ты не убийца! Не мог ты руку поднять на него, Яша!

— Моя вина! — глухо проговорил Яков, весь дрожа от охватившего его волнения. — А только видит Бог, не знал я, что мальченок-то наш у него воспитывался. А то бы не дерзнул я на него руку поднять. Упаси Бог, не такой я разбойник... Видно, Бог покарал... Во всем я теперь покаюсь. Слушайте, видит Бог, всю правду скажу!

И он начал свою исповедь. Первую часть исповеди, в которой он рассказал об убийстве Лехтонена и краже у купца Юнгмейстера, я опускаю, так как они достаточно обрисованы предыдущим. Характерен рассказ об убийстве Глазунова. Убил он его, как оказывается, ни за что ни про что...

— В шестом, должно быть, часу утра я зашел на постоянный двор, что на Сампсониевском переулке, выпил водки, пошел к Марье и передал ей вещи купца для продажи. На вырученные 16 рублей 50 копеек я больше пьянствовал по разным трактирам, а ночевал в Петровском парке. На той неделе в одном трактире я свел знакомство с этим самым Иваном Глазуновым. Мы вместе пили пиво и водку, и я тут же решил, что убью его и возьму часы и цепочку, да и деньги, если найду. А у меня оставалось всего 65 копеек. Когда трактир стали запирать, я вышел вместе с ним и стал его звать пойти вместе к знакомым девицам. Он согласился, и мы пошли. По дороге он все спрашивал меня, скоро ли мы дойдем. Я ему говорю: «Сейчас» — и все иду дальше, чтобы не встретить никого на пути. Как прошли лавру, я тут и решился. Дал ему подножку, сел на него и ремнем от штанов стал душить его. Сначала малый-то боролся, да силенки было мало, он и стал просить: не убивай, говорит, дай еще пожить, возьми все... Да потом как крикнет: «Пусть тебе за мою душу Бог оплатит, ока-янный». Тут я ремень еще подтянул, и он замолчал. Снял я с него часы и кошелек достал, а там всего-навсего сорок копеек денег. Посмотрел я на него, и такая, ваше благородие, меня жалость взяла! Лежит он такой жалкий, и глаза широко раскрыл, и на меня смотрит. Эх, думаю, загубил Божьего младенца за здорово живешь! И пошел назад к Невскому, зашел в чайную, потом в трактир, а из трактира к Марье. Отдал ей часы и велел заложить их, а сам пошел опять шататься да пьянствовать. Как перед Богом

говоря, ничего не знала Марья о моих злодействах, не погубите ее, ни в чем она не причастна.

Этой просьбой Яков закончил свою исповедь.

Спустя пять месяцев Яков Григорьев был судим и приговорен к 20-летней каторге.

Мария Патрикеева по суду была оправдана, но заявила, что она с ребенком пойдет за Яковым. Так велика была ее любовь к этому человеку-зверю.

РАЗБОЙНИКИ

I

Настоящие разбойники... и другого слова для определения их я не могу подобрать. По своей тупой жестокости, по своему равнодушию они напомнили мне «душителей» извозчиков.

С того далекого времени прошло 30 с лишком лет, и за это время я встретил едва ли не единственных таких злодеев, как эти два убийцы.

Мой кабинет помещался во втором этаже здания Казанской части.

Личные показания я всегда снимал по ночам, глаз на глаз с преступником, и никогда не испытывал ничего подобного страху, — а тут, слушая циничный, простой рассказ убийц, я чувствовал себя как-то не по себе и, когда через два часа отпустил их, почувствовал невольное облегчение.

II

Один из них был совсем молодой парень, лет 20, красивый брюнет.

Он служил стрелочником на Балтийской железной дороге подле Красного Села.

Стройная фигура его в хорошо сшитом казакине, красивое лицо, мечтательные черные глаза — все располагало в его пользу, и как-то не верилось, что он мог быть соучастником в убийстве.

Звали его Феоктистом Михайловичем Потатуевым, и действительно в страшной лиговской драме он был только свидетелем и отчасти помощником.

Главным действующим лицом был его двоюродный брат, динабургский мещанин Иван Ефимов Сумароков. Но и Сумарокова по лицу и манерам никто бы не признал за разбойника.

Рыжеватый блондин, невысокого роста, с ясными серыми глазами, узким лбом, он только для привычного глаза обличал преступную натуру коротким уродливым подбородком.

Потатуев уже признался во всем на первом допросе при аресте, и я хотел теперь проверить его показанием Сумарокова.

Он тоже уже сознался в убийствах.

— Был грех, — сказал он, усмехнувшись.

— Ну, теперь расскажи по порядку, как было дело! — сказал я.

Он одернул пиджак, отставил ногу и, откашлявшись, начал спокойно рассказывать.

III

— Приехал я это к Феокисту, к брату то есть, и пошли мы с ним в Красное Село в заведение... Он свободным был. Ну, мы это сидим, пиво пьем, а тут, глядь, земляк. Горностаев этот самый. Николай Игнатьев. Ну, значит, сел с нами. Тары-бары, и опять пиво пили...

— Что же он, случайно подошел к вам?

— Как будто и случаем, хотя я ему сказывал, что 15-го числа в Красном буду.

— Богатый человек?

— Так, со средствами... торговлей занимался. Я почитал, что при ем рублей сто будет, а потом — всего семь рублей и сорок копеек. Промашку дал!

— Ну, пили...

— Пили, пили. Скоро десять часов. Я и говорю: едем в Питер! Ну, взяли мы из буфета пару пива и поехали. Приехали в Лигово, а тут пересадка. Поезда пока што ждать надо. Я и говорю: пойдем, ребята, пиво в лесу выпьем. Погода такая чудесная. Теплынь. Ночь светлая, ясная, в воздухе такой дух приятный... Ну и пошли.

— У вас в уме ничего не было?..

— Мерекалось малость, — ответил он, усмехаясь, и продолжал: — На опушке сели и пиво выпили. Я бутылки тут же разбил и говорю: пойдем в лес, и пошли... Идем и идем. Я это впереди, Горностаев за мною, а сзади Феокист. Тропка-то узенькая. Кругом лес. В лесу-то темно. Тут мне и пришло на мысль... дело-то это самое. Я остановился и ногу вперед выставил. Горностаев через нее да на землю, а я на него. Он кричит: что ты? А я его носом в землю, а Феокисту кричу: держи ноги. Феокист говорит: боюсь; ну а я: держи, а то и с тобой то же будет. Тот-то трепыхается, а я снял со штанов ремешок, да ему на шею, и стал тянуть. Все это в минуту, собственно. Ну, он похрипел, рукой махнул и кончился. Задохся то есть. Тут я встал, начал деньги искать. Всего 7 рублей да эти копейки. Феокист-то дрожит, а я ему говорю: ну, раздевай его! И раздели. Пальто я велел Феокисту на себя надеть, пинжак евойный под свой одел, а остальную мелочь в евойную рубашку узелком завязал. Сделали мы все это и пошли прочь. Я говорю: ехате теперь нам никак нельзя. Идем в Паново... И пошли... Кабак-то отперт. Всего 11 часов было. Тамошние парни гуляли, и мы с ними. Выпили, закусили и пошли. Только отошли,

а у кабака шум. Прошли еще... к лесу шли... слышим, бежит кто-то за нами и нам кричит. Мы стали. Тут к нам молодой господин подбежал. Одежда такая хорошая, шляпа серая и на носу пенсне. Где, спрашивает, тут урядник живет? Меня, говорит, у кабака мужики обидели. Я жаловаться хочу. Где урядник? А меня злость все сосала, что я у Горностаева денег не нашел. Увидел его, и сейчас в голове мысль явилась. Мы, говорю, знаем, где урядник! Мы вам покажем; пожалте с нами! Он и пошел. Пошел сзади и все жалуется, как его у кабака обидели. Феоктист шепчет мне: куда ведешь его? Я ему: к уряднику! Он так и побледнел. Известно, молодой. Только подошли мы к самому лесу, господин вдруг и примолк. Я обернулся к нему: пожалте, говорю, к уряднику! А он как вдруг откачнется, да вскрикнет — и побежал... Почувствовал, значит. Только со страху — не на дорогу, а по самой опушке метнулся. Да так-то скоро... Я его нагнал и в спину. Он и упал... Позвольте закурить, ваше превосходительство, во рту перегорело.

Я позволил. Он вынул из кармана коробку, достал папиросу, спички, закурил и принял опять непринужденную позу, а Потатув стоял, опустив голову, с видом полнейшего безучастия.

— Ну, упал, — сказал я, возвращая Сумарокова к прерванному рассказу.

— Упал... — начал снова Сумароков. — Я, как и в тот раз, ему на спину и ремень на шею. Минут пять лежал на нем, а он, надо думать, чувств решился. Лежит, и хоть бы что. Только впоследствии весь задрожал и ногами вскинул. Феоктист дрожит. Я, говорит, убегу. Тут я ему погрозился. Сняли мы с господина всю одежду, сорочкой ему лицо прикрыли и пошли. Сперва леском, потом на шоссе, потом опять в лес. Там легли спать и до 6 часов спали. Встали и пошли в Петербург. А тут ломовой порожнем едет. Довези! Он за сороковку и довез... Вот как дело было.

— Ну, а потом что?

— Потом-то? Известно. Прошли это мы на Александровский рынок, и я там все за 14 рублей продал. Оставил только очки да шляпу. Деньги получили. Его я от себя прогнал, а сам путаться стал.

Он замолчал и потом с огорчением прибавил:

— Никакой в этих делах и корысти не было. Так, глупость!.. Их увели.

IV

Это двойное убийство было совершено в ночь с 15-го на 16 июня 1886 г.

В Лиговском лесу утром 16-го числа был найден голый труп задушенного человека, а через какой-нибудь час в лесу за Пановым найден еще труп также задушенного и также совершенно раздетый.

Первый принадлежал Горностаеву, а второй молодому человеку, студенту Духовной академии, сыну псаломщика Василию Ивановичу Соколову.

Розыск был произведен по свежему следу. Потатуева, как стрелочника, знал в лицо жандарм на Лиговском вокзале, который видел его 15-го вечером вышедшим из вагона с каким-то мужчиною и убитым Горностаевым.

Потатуева арестовали, и он повинился.

Сумарокова же взяли прямо на квартире, где он был прописан.

НЕДОРАЗУМЕНИЕ

I

Это было в апреле 1885 года. На одном из утренних моих докладов в роли начальника сыскной полиции г-ну градоначальнику я вдруг услышал следующее:

— Однако хороша таки ваша полиция... На улице, на самом людном и видном месте, две дамы нападают на двух почтенных и уважаемых дам, выходит целый скандал, и я ничего об этом не знаю... Да, вероятно, и вы ничего не знаете?

— Нет, ровно ничего не знаю! — ответил я, несколько озадаченный.

— Вот то-то и есть. А ведь история случилась уже два дня тому назад... Вчера знакомый мне и почтенный профессор Ф. с возмущением и негодованием жаловался, что его жену и ее знакомую, молодую девушку из очень порядочного семейства, у Гостиного Двора задержали две купчихи, обвиняя их чуть ли не в воровстве и мошенничестве... Вышла целая неприятная история. Вы ничего об этом не знаете от ваших агентов?

— Первый раз слышу. Но сообщены ли фамилии лиц, нанесших неприятности г-же Ф.?

— Да, да... Фамилии записаны... Это жена купца-фабриканта А.Н.Б. и ее дочь, жена почетного гражданина К.Ф.Я.

— Лица эти мне известны. Немедленно расследую все дело и о результатах дознания буду иметь честь доложить вашему превосходительству.

— Да, да!.. Непременно. И необходимо раз навсегда научить этих дам, что нельзя творить неприличия на улице.

— Слушаю-с!..

Результаты моего расследования дали довольно характерную жанровую картинку.

II

8 апреля часов около двенадцати дня в доме по Николаевской улице, где жил фабрикант А.Н.Б., вошли две дамы. Одна высокого

роста, средних лет брюнетка, а другая очень красивая, молодая, лет 18—19, блондинка. Обе дамы были весьма прилично и даже шикарно одеты.

— Г-н Б. дома? — спросили они швейцара.

— Никак нет. Они-с уехавши, — ответил тот.

— Ну, все равно... зайдём к его жене, — сказали дамы и поднялись на лестницу.

Позвонив у двери г-на Б., они велели доложить о себе хозяйке. Та их приняла, и здесь разыгралась следующая сцена.

— Что вам угодно? — спросила хозяйка.

Обе дамы изумленно переглянулись между собой.

— Но мы желали бы видеть А.Н.Б., — сказали они.

— Его нет дома, — сказала хозяйка.

— Ах, какая досада, право! У нас к нему есть очень важное дело...

— Может быть, передадите мне...

— Нет-нет... Это будет бесполезно. Дело личное и требует разговора именно с А.Н. Но ведь мы можем заехать и попозже. Когда он будет дома?

— Между тремя и четырьмя он будет сегодня дома.

— Ну, вот тогда мы и зайдём, а теперь извините, ради Бога... Мы вас обеспокоили совершенно напрасно.

— Ничего, какое там беспокойство, — сказала добродушная г-жа Б.

— Нет, нет, как же... Все же... — говорили незнакомки, направляясь в переднюю.

Г-жа Б. вышла их провожать.

— Ах, Боже мой! — проговорила вдруг старшая, солидная дама. — Катя, есть у тебя мелочь? — спросила она свою молоденькую спутницу.

— Нет! — ответила та.

— Извините, мне так совестно, но, право... вы так любезны и добры, что я решаюсь вас просить... — сказала солидная дама, обращаясь к хозяйке.

Та недоумевающе смотрела на нее.

— Будьте добры, разменяйте мне на мелочь рубль... — сказала солидная дама.

— С удовольствием!

Г-жа Б. принесла рубль серебряной мелочью.

— Благодарю, благодарю вас! — сказала дама, взяв деньги, и обе посетительницы живо юркнули за дверь.

Г-жа Б. стояла в недоумении.

— Ах, какая я рассеянная, — вдруг послышался голос дамы уже с лестницы. — Ведь я не отдала вам рубль бумажкой! Сейчас пришлю со швейцаром...

Горничная осталась в передней ждать рубля со швейцаром. Хлопнула внизу выходная дверь. Прошла минута, другая, третья... А швейцар так и не нес рубля.

Барыня начала несколько недоумевать: пришли какие-то незнакомые дамы, взяли рубль, ушли... Она послала прислугу вниз справиться у швейцара.

- Степан, что же ты не несешь рубля?
- Какого такого рубля?
- Да того, что тебе передали две приходившие барыни.
- Никакого рубля они мне не передавали.
- Вот те и на!

Изумлению и негодованию почтеннейшей г-жи Б. не было предела...

III

Полчаса спустя к дому на углу Кабинетской и Ивановской улиц подошли также две дамы.

В этом доме жил зять упомянутого выше Б., почетный гражданин К.Ф.Я.

— Дома К.Ф.? — спросили они у швейцара, молодого высочайшего роста парня с широким добродушным лицом.

- Никак нет.
- А когда он будет дома?
- Не могу знать.

Обе дамы огорченно взглянули друг на друга.

— Что же, спросим об этом у его жены... — сказала младшая.
— Ну да, ну да, — сказала старшая и обратилась к швейцару: — А его жена дома?

— Дома! — ответил тот.

— Ну и прекрасно! Подыдемся, узнаем, — сказала более солидная дама средних лет. — Мы старинные знакомые и даже родственницы К.Ф., — пояснила благосклонно швейцару почтенная дама. — Вот приехали и зашли его поведать. Жаль, что нет его. Ну, все равно зайдем, когда будет, сегодня же.

Швейцар почтительно слушал пояснение.

Дамы поднялись наверх. Но здесь навели справки только в передней квартиры К.Ф. Не преминув, однако, попросить у вышедшей молодой г-жи Я. разменять им два рубля.

Та сказала, что у нее нет мелочи, и дамы спустились вниз.

— Послушай, голубчик, — сказала старшая швейцару, — разменяй-ка мне два рубля.

Тот с величайшей готовностью отсчитал ей два рубля мелочью, которую она опустила в карман.

— Катя, — обратилась она к молоденькой, — дай ему два рубля бумажками.

— Ах, тетя, — ответила та, — ведь у меня, вы знаете, все десятирублевки.

— Вот досада! И у меня тоже... Швейцар, голубчик, через полчаса будет К.Ф., и мы приедем тоже... Да, впрочем, еще лучше...

Скажите ему, что были те две родственницы, которых он ждет, что мы будем у него сегодня же, и возьмите, кстати, у него два рубля, которые мы взяли мелочью. Получите еще на чай...

И пока швейцар успел что-либо сообразить, обе «родственницы» живо шмыгнули за дверь.

IV

Часам к трем приехал домой г-н Б. и выслушал от жены повесть, как две каких-то «шарлатанки» надули ее на рубль.

— Не рубля жалко, а досадно на свою глупость, что они так меня обошли, — говорила она. А потом прибавила: — Не верится что-то... Такие элегантные, нарядные... Может, придут.

Но пробило 4 часа, и дамы не пришли.

Тоже часам к трем возвратился домой г-н Я.

— Барин! К вам родственницы заезжали! — объявил ему швейцар.

— Какие родственницы? Что ты путаешь? Теща, что ли?

— Никак нет! Приезжие... Взяли у меня два рубля... Позвольте получить с вас.

— Что, что такое? Каких два рубля?

Началось выяснение дела, и Я., рассерженный и смеющийся вместе, вошел в свою квартиру.

— Вот так родственницы! — хохотали они с женой. — Ну и родственники же в Питере...

— Но какие они из себя? — интересовался Я.

— Очень элегантно и со вкусом одеты, — говорила г-жа Я. — Впрочем, я не рассматрела хорошо. В нашей передней ведь темно... Непременно расскажу это маме, — прибавила она, — вот-то будет ахать и возмущаться по поводу мошенничества в Петербурге...

Но мама сама горела нетерпением рассказать дочери об истории с рублем и была уже у них на пороге.

Толкам, негодованию, удивлению и предположениям обеих женщин не было конца. Жертвой мошенничества, хотя и на ничтожную сумму, сделались две родственные семьи. Очевидно, кто-то их знал, кто-то за ними следил...

Что бы это значило?

Поехали, поехали мать с дочерью и решили проехать, потолкаться у Гостиного Двора, где, кстати, был и магазин Я., зятя г-жи Б.

Поехали...

Только что подъехали они к Гостиному Двору и проехали несколько возле него, как г-жа Б., мать, взволновалась:

— Стой! — крикнула она кучеру, а затем, обратившись к дочери, возбужденно проговорила: — Они!

— Кто такие? — спросила та с удивлением.

— Они, негодяйки, воровки, которые два-три часа тому назад проделали всю эту историю с тремя рублями. Вот я их!..

И почтенная дама указала дочери на двух элегантно одетых женщин. Одна из них была высокая средних лет брюнетка, а другая молоденькая, красивая, 18—19 лет блондинка. Обе женщины не торопясь шли у Гостиного Двора, останавливаясь иногда у витрин магазинов...

— Они! — энергично еще раз сказала г-жа Б. — Пойдем-ка догоним и арестуем их...

— Не ошибаетесь ли вы, мама?

— Ну, нет! Уж я не ошибусь...

И обе женщины пустились догонять воровок.

«Воровки» между тем, по-видимому, чувствовали себя в полной безопасности, нисколько не тревожились и оживленно о чем-то беседовали, опять остановившись возле витрины большого ювелирного магазина.

— Не потрудитесь ли, сударыни, — вдруг грозно и громко обратилась к ним г-жа Б., — не потрудитесь ли немедленно отдать те три рубля, которые вы сегодня обманным образом и мошеннически получили?.. Вот рубль с меня, а два рубля от моей дочери или у швейцара этого дома, но это все равно...

Обе настигнутые дамы остолбенели.

— Вы с ума сошли! Сумасшедшая... — сказала, отступив назад, высокая средних лет дама...

Молоденькая же молчала и бледнела. Это окончательно укрепило г-жу Б. в том, что она «поймала»-таки преступниц.

— Нет, я с ума не сошла и не сумасшедшая я, — еще громче заговорила г-жа Б. — А вот если вы сейчас же не отдадите трех рублей, то я крикну городского иведу вас в полицию... Это верно! Отдайте по чести, говорю вам. Вас таких учить надо!

Возле этих двух пар женщин начала собираться, конечно, толпа, и г-жа Б. почувствовала себя еще храбрее.

— Но Боже мой! Чего же вы хотите? — спрашивала беспомощно озиравшаяся вокруг высокая дама.

— Чего? Вы отлично знаете чего. Прежде всего трех рублей, которые вы обманом взяли...

— Боже мой! Что это? — проговорила молоденькая «воровка», едва не падая и со слезами на глазах. — Ради Бога, дайте им три рубля...

— Вот то-то и есть! — торжествующе произнесла г-жа Б., жестом приглашая народ полюбоваться на двух уличаемых ею преступниц.

— Но какие три рубля? За что три рубля? В чем, наконец, дело? — проговорила энергично уже пришедшая в себя высокая дама. — Или вы с ума сошли, или здесь недоразумение, которое надо выяснить.

— Что здесь выяснять! — убежденно, но уже не так бойко сказала Б. — Ведь вы прекрасно понимаете, в чем дело.

— Ничего я не понимаю! — вдруг рассердилась высокая дама. — Сударыня! Вы шутите плохие шутки... Собираете народ, делаете скандал... Это, наконец, превосходит всякую меру терпения!

Она взяла под руку свою молодую подругу.

— Здесь, во всяком случае, нам неприлично объясняться, — проговорила она г-же Б., — и если уж вы так настаиваете на чем-то непонятном, то необходимо для объяснений избрать другое место.

Решительный тон высокой дамы несколько повлиял на Б., тем не менее она не желала выпустить из рук таких «отчаянных мошенниц».

— Если вам так неудобно объясняться здесь, при народе, то, пожалуйста, в двух шагах отсюда магазин моей дочери, не угодно ли... — язвительно пригласила она.

И обе пары дам, сопровождаемые толпой смеющихся зевак, торжественно двинулись к магазину Я. на Большой Суровской линии.

VI

В магазине дело приняло несколько другой поворот.

Младшая из «пойманных» дам опустилась беспомощно на стул, а старшая тотчас попросила у г-жи Б. объяснений.

Госпожа Я. подошла к находившемуся уже в магазине мужу и начала объяснять, в чем дело.

— Вот так штука! — проговорил он. — Только не похоже оно что-то...

Между тем разговор между г-жой Б. и высокой дамой начинал приобретать весьма острый и «возвышенный» характер.

— Это, наконец, ни на что не похоже, — кричала высокая дама. — Предупреждаю, вы ответите за свои слова и поступки... Я этого так не оставляю... Мой муж имеет знакомства. Я — жена профессора Ф., мы живем здесь же, недалеко, около Пажеского корпуса...

Г-жа Б. несколько опешила, как говорят, однако пробовала было упомянуть о полиции.

— Вот именно, прошу послать за полицией, — вскипела дама, — что делать! Скандал так скандал, но нужно же покончить такую отвратительную историю.

— Хозяин! — шепнул между тем один из приказчиков г-ну Я. — А ведь это верно. Я признаю, это действительно г-жа Ф. — наша даже покупательница и живет здесь недалеко... Важная дама...

Почетный гражданин Я. увидел, что его дамы попались впросак.
— Какая там полиция!.. Зачем же — с полицией, — произнес он, подходя. — Можно и без полиции... Просто ведь вышло недоразумение. Извините-с...

— Это не недоразумение, а оскорбление средь бела дня на улице... Это скандал! — со слезами в голосе взвизгнула высокая дама.

С молоденькой начала делаться истерика, и приказчик побежал за водой.

Г-жа Б. и ее дочь в недоумении отступили.

— Ну уж и оскорбление! — заговорил г-н Я. — Просто ошиблись дамы. У нас такой случай неприятный вышел, ну и... приняли вас за других...

— Она меня сумасшедшей при всех назвала! — сказала г-жа Б.

— Молчите уж, маменька! — шепнул ей зять.

— Сударыня, — убедительно обратился он к г-же Ф., — вас никто не задерживает. Можете уйти. Тысячу раз извиняюсь. Все глупость женская... Недоразумение... Не стоит делать скандал.

Старшая дама расплакалась.

— Фу! что это такое! — вдруг проговорила она, опускаясь на стул. — Такое безобразие... Просто на улицу нельзя показаться.

— Ах, Боже мой, какое недоразумение! — лепетал г-н Я. — Ах, Боже мой! Сударыня, успокойтесь... Все вы! — шипел он на жену и тещу. — И все из-за трех рублей. Вот так историю затеяли... Тысячи извинений, сударыни! — извивался он перед плачущими женщинами. Да затвори же дверь, болван!.. — отнесся он к мальчику из магазина. — Сударыни...

Старшая «задержанная» дама вдруг отерла глаза, решительно встала и взяла под руку свою спутницу.

— Пойдем, Annette... — сказала она.

Обе дамы вышли.

— Еще хорошо, что так отделались! — широко вздохнул почетный гражданин Я. — Эх, вы! — начал он укорять своих дам.

— Но ведь точь-в-точь те... мошенницы! — пробовала было оправдываться г-жа Б. — И платья, и шляпки, и рост, и походка, и все... Просто ума не приложу.

— Те да не те, видно. Еще хорошо, что так отделались...

VII

Однако отделались они не так-то легко.

Разузнав всю эту историю, я господам Б. и Я. послал повестки с приглашением явиться к 9 часам утра в сыскное отделение. Неприятное впечатление от получения подобных «приглашений» я знал очень хорошо и рассчитывал на это.

В назначенный день и час оба «приглашенные» с беспокойными и встревоженными лицами уже сидели в моей приемной и тихо перешептывались между собой. Мне доложили о них.

— Скажите, что я занят. Пусть подождут! — приказал я. Прошел час, другой, третий... Так продержал я их чуть ли не до двух часов. Потом приказал просить.

Я с зятем вошли.

— Дело скверное! — сказал я. — Ваших жен придется выслать из Петербурга.

Лица обоих вытянулись.

— За что же-с, помилуйте!

— Как за что! Захватывать на улице почтенных и уважаемых женщин... Скандалить! Обвинять в воровстве. Разве этого мало? Градоначальник негодует и хочет распорядиться о высылке.

— Ваше превосходительство... — умоляюще начали они. — Недоразумение...

Здесь оба наперебой пустились рассказывать уже мне известную историю. Я едва мог не улыбаться. Тем не менее строго сказал:

— Однако за такие «недоразумения», вы понимаете, наказывают...

— Господи! Да войдите же в наше положение, ваше-ство, — воскликнули оба. — Сжальтесь...

— Не знаю. Я доложу градоначальнику, — ответил я сурово. — Сомневаюсь, чтобы он смягчился... Впрочем, все зависит от него и от г-жи Ф. и ее знакомой, которых вы оскорбили. О результатах... я вас вызову и сообщу.

Оба ушли как в воду опущенные.

VIII

Г-н градоначальник даже рассмеялся, когда я подробно рассказал ему всю историю.

— Да! — сказал он. — Пугнуть их, конечно, следует... Но на этом и покончить.

Дня три я не подавал вести г-дам Б. и Я. Воображаю, как они там пробирали своих жен.

Наконец вызвал. Продержал часа три в приемной и не принял. Просил явиться завтра.

Назавтра, опять достаточно выдержавши их в ожидании, пригласил.

— Благодарите г-жу Ф. и г-на градоначальника, — сказал я. — Они согласны прекратить это дело. Но другой раз таких «недоразумений» не должно быть... Понимаете?

У Б. и Я. просияли лица.

— Покорнейше благодарим, ваше превосходительство!

Открыть настоящих виновниц этой проделки мне так-таки и не удалось, хотя и очень хотелось...

НА СТРУНКЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

I

Редко в Петербурге бывают хорошие майские дни. Однако они все-таки бывают. И в такие дни благодущнее обыкновенного настроен даже угрюмый петербуржец.

В один из таких хороших майских дней, в праздник, сидел дома отец Иоанн П. и благодушествовал. Это был в свое время известный в Петербурге проповедник, славившийся оригинальностью и редкостью своих проповедей, что собирало к нему в церковь всегда массу народа.

Отец Иоанн часа два только назад вернулся из церкви. Он уже пообедал, затем перешел в свой кабинет, почитывал газеты, смотрел в раскрытое окно на ярко блестящую под лучами солнца красавицу Неву. В передней звякнул звонок.

«Кто бы это мог быть? — думал про себя о. Иоанн, пока прислуга отправлялась отворить дверь. — Знакомые... так не время. Какая-либо треба... Эх! и отдохнуть не дадут».

В кабинете появилась прислуга.

— Батюшка, там человек какой-то вас спрашивает.

— Кто такой? Что ему нужно?

— Да так... не разберешь. Не то господин, не то простой... В черном сюртуке, в пальто летнем сером. Говорит, что личное дело есть. Поговорить, говорит, желаю. Очень важное дело, мол... Нарочно для этого в Петербург приехал.

— Гм... — в раздумье произнес батюшка. — Ну, проси.

Прислуга ушла, и через минуту перед отцом Иоанном стоял среднего роста сухощавый человек с черными, бегающими во все стороны глазами, с черными усами и жиденькой черненькой же бороденкой.

— Благословите, отец! — устремился он, сгибаясь и сложив корзиночкой обе руки, увидя священника.

— Бог благословит... Во имя Отца и Сына, — проговорил батюшка, осеняя пришедшего широким крестом. — Чем могу служить вам?

Новоприбывший поймал руку батюшки и подобострастно ее поцеловал.

— Я по важному делу, батюшка. По очень важному и секретному к вам делу. Дело такое есть, которое хочу вам, как на исповеди, рассказать... как на исповеди, батюшка! Только вам, лично, с глазу на глаз.

— Что ж, если такое важное дело, то рассказывайте. Но почему вы именно ко мне обратились, а не...

— И об этом сейчас расскажу, ваше благословение, только, пожалуйста, глаз на глаз, — проговорил, озираясь, сухошавый человек.

— Да говорите! Мы одни, — сказал батюшка.

— Нет уж, дверцу, дверцу-то позвольте припереть! — как-то тревожно проговорил незнакомец.

Дверь в кабинет была заперта. Батюшка и неожиданный посетитель уединились. Что говорили они, о чем... Неизвестно. Но беседа их продолжалась добрый час или даже два.

Когда матушка, зная, что муж любит, чтобы ему спустя час-другой после обеда подавали стакан чая с лимоном, подошла было к кабинету, то натолкнулась на запертую дверь.

Она постучала. Дверь отворил сам батюшка. Он был, видимо, взволнованным и даже вспотел.

— Прислать тебе чаю? — спросила матушка.

Батюшка замотал рукой.

— После, после! Не мешай... Важное дело!

Он снова захлопнул дверь и заперся на замок.

Наконец дверь отворилась, и таинственный посетитель на цыпочках проследовал из кабинета. Отец Иоанн сам проводил его до передней, и здесь между ними произошел прощальный, вполголоса, разговор.

— Так, значит, до 29-го? — спросил уходивший.

— Да, да... до 29-го! — подтвердил батюшка и захлопнул за гостем дверь.

II

29 мая того же 188... года пристав 1-го участка К-ой части явился ко мне вечером и сказал:

— Какое-то загадочное и интересное дело...

— В чем дело?

— Да вот отец Иоанн П. подал заявление в часть. Кто-то с ним ловкую шутку сыграл... Мы уже составили протокол, словом, все оформили. Теперь уж, видно, вам приняться за розыски.

— А ну, покажите-ка заявление отца Иоганна.

Пристав подал мне бумагу, где я прочел следующее:

«Мая 20-го сего года зашел ко мне какой-то дотоле неизвестный мне человек, лет около 30—40, назвавший себя бывшим из города Острова (Псковской губ.) тамошним мещанином, торгующим льном, Васильем Николаевым Ельбино-

вичем, который рассказал мне о различных постигших его несчастных обстоятельствах, прося меня усерднейше спасти его от угрожающей ему опасности одолжением ему на одну неделю 2000 руб. Убеденный его мольбами и клятвами о возвращении долга через одну неделю, я дал ему просимое: 1300 руб. процентными бумагами и 700 руб. кредитными билетами и сериями, без всякой расписки, единственно по христианскому состраданию к его несчастному положению. Но прошло более недели, и мой должник ко мне не является. Предполагая, что в этом случае я обманут в чувствах моего сострадания к такому человеку, которого, может, и не существует в г. Острове под названием В. Н. Ельбиновича, я, вместе с сим, прошу заявить о том и сыскной полиции».

Далее подпись и все как следует по форме. После же всего такой характерный Post-Scriptum. «До времени покорнейше прошу мое звание, имя и фамилию не печатать в «Дневнике приключений».

III

Прочел я это заявление, посмотрел составленные по этому поводу околоточным протоколы с опросом отца И. П. и покрутил головой...

— Знаете ли, ведь это все не то, — сказал я приставу.

— Как так не то? — спросил он.

— А так. Есть здесь что-то недоговоренное. Ну, посудите сами: станет ли кто давать две тысячи рублей человеку, пришедшему с улицы? Доброе сердце — дело, конечно, хорошее. Но если в таком деле руководиться только добрым сердцем, то что же и претендовать на воспользовавшегося излишней доверчивостью? Если отец Иоганн дал человеку с бухты-барахты 2000 рублей без всяких расписок, без удостоверения о личности, о кредитоспособности, единственно руководясь состраданием, то чего же он удивился, что ему не отдадут деньги. Никакого такого Ельбиновича в Острове, я вперед уверен, нет, и занимайтесь дальше этим делом сами, а я откладываюсь... Так и передайте отцу И. П.

— Мне, признаться, и самому многое странно в этом деле, — сказал пристав. — Действительно, что-то странное...

Он ушел.

IV

Пристав-то ушел, но через день или два у меня на квартире уже сидел отец Иоанн. Это был очень симпатичный и представительный, весьма уже пожилой человек. Прежде чем заехать, он писал ко мне, убедительно прося назначить ему, в уважение к его

положению, такое свидание и в такой час, чтобы это не было при людях и не бросалось в глаза.

Отец Иоанн был заметно взволнован и несколько бледен.

— На старости лет каяться приходится, просить совета и доброй услуги, — начал он. — Я расскажу вам сейчас со всей откровенностью случай, где я сделался жертвой самого наглого мошенничества...

— Да, пожалуйста, батюшка: именно с совершеннейшей и полнейшей откровенностью! — подтвердил я.

— Как на духу! Ну, вот, слушайте.

И отец И. П. поведал мне действительно довольно любопытную историю. Вот она. Передаю ее по возможности собственными словами рассказчика.

V

20 мая, около часу или двух пополудни, является ко мне на квартиру какой-то неизвестный мне человек, на вид лет 30—40, судя по одежде мещанин, лакей или мастеровой, и просит переговорить с ним «по секрету, как на исповеди» (это его подлинные слова) о каком-то весьма важном деле. Дело это он может открыть только мне потому, что, живя в г. Острове, он много слышал обо мне хорошего от разных лиц, духовных и светских.

А потому, никогда не бывавши, по его словам, в Петербурге, он, по совету какого-то живущего в г. Острове старца 93 лет, священника о. Александра, а также и по указанию тамошнего монаха-сборщика, бывавшего в Питере, по имени о. Рафаил, решился сесть на машину, приехать в Петербург, чтобы переговорить со мной и передать мне тайну, которая давно лежит у него на душе, а затем, через 4 часа, в тот же день возвратиться в г. Остров.

Приняв его у себя в кабинете и затворив дверь, я спросил его:

— Кто же вы такой и в чем ваша тайна?

— Я, — отвечал он, — уже говорил вам, батюшка, что живу в Острове и занимаюсь теперь закупкою и продажей льна, который отправляю в Ригу. А прежде я служил в качестве управляющего в имении графа Ш. Зовут меня Василий Николаевич Ельбинович. Тайна, которую я хочу доверить вам, состоит в следующем.

Когда я жил у графа, то наложницей у него была полька по имени Антонина. Граф как-то уехал за границу и оставил все свое имущество в распоряжение Антонины. Между прочим, он передал ей шкатулку с золотыми империялами, тысяч на шестьдесят. Антонина, по отъезде графа за границу, сошлась со мной и во время пожара, который случился в доме графа в его отсутствие, она принесла эту шкатулку с золотом ко мне и сказала: «Спрячь ее подале, после мы воспользуемся ею».

Я взял шкатулку и зарыл ее в саду, в таком месте, где отыскать ее посторонним было трудно. Графу телеграфировали о пожаре, он отвечал, что золото в огне не сгорает, а обращается в слиток, который он и велел отыскать и переслать ему. Но его люди все изыскали, а слитка не нашли.

Подозрение пало на Антонину, стали ее допрашивать, но она никому тайны не открыла. Вскоре, однако, она заболела и, видя приближение смерти, открылась ксендзу, что шкатулку с золотом передала мне.

Антонина умерла. Когда граф приехал, ксендз, желая ему угодить, передал ему тайну исповеди Антонины. Началось следствие. Меня долго судили, но при помощи адвоката, которому я заплатил до 10 тысяч, дело решилось так: меня, Ельбиновича, оставить в подозрении и следить, не окажется ли у меня больших денег, о чем дать знать суду, а ксендза за то, что он открыл тайну исповеди, лишить сана и сослать в Сибирь.

Вот теперь, батюшка, — продолжал мнимый Ельбинович, — я не знаю, что и делать с зарытыми в саду червонцами! Совесть меня замучила... Открыть правду на суде — боюсь Сибири. И подумал я: зачем попутал меня лукавый затаить столько денег, когда я, слава Богу, и своими проживу. Я человек вдовый, у меня только один маленький сын. Если буду тратить золото в своем городе, сейчас меня заподозрят. Как человек православный, я советовался на исповеди с нашими островскими духовниками, предлагая им пожертвовать это золото на бедных и на церкви, но они тоже побоялись принять столько золота. Вот тогда старец о. Александр и посоветовал мне ехать в Петербург и там через какого-нибудь священника передать эти деньги на благотворительные заведения золотом же или разменять его на процентные бумаги.

А отец-то Рафаил, когда я собирался ехать в Питер, попался мне на станции и спрашивает: «Ты куда, Василий Николаевич?» — «В Петербург, — отвечаю, — по делам. Надо мне посоветоваться с каким-нибудь умным священником, только никогда я там не бывал и никого не знаю». — «А ты вот как приедешь на Варшавскую станцию, — говорит он мне, — спроси любого извозчика: где тут Общество, в котором живет о. И. П.? Тебе всякий укажет его».

Я так и сделал, прямо с машины да к вам. Я слышал, батюшка, что вы во многих благотворительных делах принимаете участие, так не угодно ли, я 29-го мая в 10 часов утра привезу вам шкатулку с сорока или больше тысячами золотом. Вы можете его разменять или так передать его на богоугодные дела, иначе деньги мои даром пропадут. А мне достаньте к понедельнику только 2000 рублей бумагами.

Встретьте меня на вокзале, мы с вами вместе повезем шкатулку к вам на дом, тут вы мне передадите 2000 рублей, и я сейчас же отправлюсь обратно...

Здесь отец Иоанн несколько времени помолчал. Затем вздохнул и продолжал:

— Да!.. Вот что рассказал мне этот плут. И если кого Бог захочет наказать, то разум отымет... Представьте: я ему поверил! Мысль, что такие большие деньги, зря пропадающие, можно употребить на дела богоугодные и благотворительные, смутила меня.

Я подумал, обсудил обстоятельства дела, подверг мнимого Ельбиновича некоторому допросу и еще более уверился в истине его слов. Да! Я согласился...

Старик покачал головой и опять помолчал.

— Итак, 29 мая к 10 часам утра, — продолжал он, — приехал я на Варшавский вокзал. Смотрю, действительно идет ко мне навстречу Ельбинович со шкатулкою и тихо говорит: «Вот здесь ровно 30 тысяч, а вы привезли мне 2 тысячи?» — «Поедемте, — говорю, — со мной, я посмотрю, что вы привезли, и тогда дам вам две тысячи». — «Ах, батюшка, ужели вы такой, что, получая 30 тысяч, мне не доверяете и двух? Мне сейчас же нужно ехать обратно, боюсь, за мной, кажется, следят. Я приеду к вам 10 июня непременно и тогда узнаю, как вы распорядились с моими деньгами».

По своему простодушию, — закончил отец Иоанн, — я доверился мнимому благодетелю бедных, вручил ему пакет с двумя тысячами, простился с ним и приехал домой.

Раскрываю шкатулку, крепко окованную жестью, и что же в ней нахожу? Какую-то гарь вроде коксовой пыли, а внутри кирпич, на котором надпись: «Соболев» — очевидно, фамилия кирпичного заводчика... И затем в сердце упрек за доверие к мошеннику.

Скажите, ради Бога: есть ли какая-нибудь возможность отыскать мошенника при помощи тех билетов, какие я ему передал и номера которых перечислены в протоколе? Что вообще мне делать?

VI

Выслушал я повествование почтенного батюшки, развел руками и невольно спросил:

— Неужели же вам, отец протоиерей, не пришлось ни разу в голову, что человек вам врет в глаза, и врет притом так, что все его вранье, как говорится, белыми нитками шито?

Отец Иоанн сокрушенно вздохнул.

— Что поделаете!.. Сам теперь вижу. Но уже верно, как я говорил, если Бог захочет кого наказать, то прежде разум отымет... Представьте себе: я как-то сразу всему поверил! Мысль за 2000 рублей иметь чуть ли не 50 тысяч на дела благотворительности меня ослепила...

— Уж не знаю, что удастся с этим делом, — сказал я. — Прежде всего, конечно, вы подадите мне об этом всем форменное

заявление и приложите опись процентных бумаг, врученных вами мошеннику.

Отец Иоанн беспокойно заерзал на месте.

— Все будет держаться в надлежащем секрете, — сказал я.

Батюшка просветлел.

— У меня, признаться, есть и то и другое, — сказал он, вытаскивая бумаги. — Только, пожалуйста, секретно. Вы сами понимаете...

— Понимаю, понимаю. Будьте покойны. Тем не менее, — продолжал я, — скажу вам откровенно: трудное это дело! Разве что мошенник будет настолько неопытен, что теперь начнет разменивать процентные бумаги, если только он не разменял их в день получения же... Особых, разительных примет у мошенника вы не заметили?

— Нет! Лицо самое обыкновенное, незначительное. Жиденькая бородка, усики... Носит фуражку с козырьком... с виду похож и на лакея, и на мещанина, и на мастерового... среднего роста...

— Ну, вот видите... Да таких тысячи ежедневно вы встретите на улице!

Отец протоиерей сокрушенно вздохнул.

— Да, правда! — произнес он уныло. — Но... Ельбинович? В Острове? — полувопросительно сказал он.

— А я уверяю вас, что никакого Ельбиновича в Острове нет. Впрочем, наведем справки... Постараемся. Приложим все усилия, чтобы найти этого благотворителя.

— Да! Благотворитель! — произнес батюшка.

На этом мы расстались.

VII

Послал я на всякий случай в полицию города Острова запрос, нет ли у них такого мещанина Ельбиновича, сообщил банкам и конторам номера попавших в руки мошенника серий и билетов... Но дело на этом пока остановилось.

Из Острова, как я и думал, получилось известие, что никакого Ельбиновича у них нет, и я ломал себе голову, как напасть на следы этого искусного мошенника. Не прошло и нескольких дней, как новая проделка этого мошенника убедила меня, что он здесь, живет и здравствует в Петербурге или около него.

Оказалось, что приблизительно в те же дни, когда он оборудовал «дельце» с отцом Иоанном П., точь-в-точь такую же мошенническую штуку он проделал с архимандритом Чер-го монастыря Мелетием. Дело было так.

Монах Чер-го монастыря встретил на Сенной площади неизвестного ему человека, который вступил с ним в разговор и сказал между прочим, что он желает сделать большое пожертвование на

монастырь, но предварительно хотел бы переговорить с настоятелем монастыря архимандритом Мелетием. Монах сообщил незнакомцу, что архимандрита можно видеть в такой-то день и час в часовне Иоанна Богослова, на углу Моховой и Пантелеймонской улиц. Неизвестный явился в назначенное время к архимандриту и рассказал ему следующую историю.

Свояченица его жила на содержании у графа Ш. Соблазнившись его состоянием, она украла у него шкатулку, в которой находилось золота на шестьдесят тысяч рублей. Золото это она передала ему. Вскоре в доме графа случился пожар. Когда выбрасывали вещи из окон, свояченицу его ударили нечаянно утюгом и убили на месте. Утайка шкатулки была обнаружена, и его судили, но «оставили в подозрении» и уже много лет следят за ним, не окажется ли у него большой суммы денег, почему он желает пожертвовать их на монастырь. Ему же просит дать только три тысячи рублей наличными кредитными билетами...

В назначенный день и час он и доставил свою шкатулку с кирпичом, получил 3000 рублей. Словом, разыграл ту же историю, что и с отцом Иоанном П.

Подумал, подумал отец архимандрит... и дело очутилось у меня.

Но мошенника и след простыл. Видно, это был уже тертый калач. А главное — это не была какая-либо шайка. Действовал он сам, единолично и на струнке благотворительности недурно разыгрывал свои дела.

Дал я соответственные указания агентам, но ясное дело, что рассчитывать на скорый успех было трудно. Оставалось ждать, что мошенник не удовольствуется только этими проделками и примется за них опять, или же ожидать «случая» — этого могущественного пособника сыска.

На всякий случай я, однако, решил через своих агентов пустить среди петербургского духовенства слух, что вот, мол, есть такие люди, которые являются к духовным лицам с целью такого-то и такого обмана. Необходимо поэтому задерживать таких и представлять куда следует. Но время шло, и мнимый Ельбинович как в воду канул...

Отец П. и архимандрит М. не раз уже справлялись: не слышно ли чего?

Но ничего не было «слышно», как ни хотелось мне помочь духовным отцам.

VIII

В это самое время я имел некоторые неприятности — небольшие, положим, но все-таки неприятности.

Прокурорский надзор жаловался градоначальнику на то, что петербургское управление сыскной полиции тормозит дело с крестьянином Себежского уезда Витебской губернии, деревни Ново-

Козлова, Иваном Москаленко. Несмотря на многократные напоминания, Петербургская сыскная полиция, мол, не дает о Москаленко справок, не принимает меры к его задержанию, хотя есть данные предполагать, что он скрылся именно в Петербург.

В бумаге прокурора сообщалось, что чинам Себежской уездной полиции еще в марте 1884 года показалось подозрительным поведение крестьянина Москаленко, который внезапно разбогател после кратковременного пребывания в Петербурге в январе 1884 года, откуда он на имя жены прислал 500 рублей, а по приезде проявлял большую расточительность.

У него был сделан обыск, причем были найдены деньги и разные ценные вещи, что еще более утвердило полицию в убеждении, что Москаленко разбогател путем преступления. Москаленко, однако, дав сбивчивые показания, скрылся. И вот теперь Петербургская сыскная полиция запрашивалась, не было ли в январе таких преступлений, в которых были бы похищены найденные у Москаленко вещи, и не находится ли Москаленко в Петербурге.

Неудивительно, правду говоря, что на многие запросы Себежской полиции у нас не отвечали. Запросы были составлены так неопределенно, показания Москаленко так изложены, что ничего никто не мог понять. Мало ли преступлений и воровства было в Петербурге в январе 1884 года!

Тем не менее, когда на медленность и проволочки по этому делу начал жаловаться прокурорский надзор и господин градоначальник с неудовольствием передал мне эту жалобу, я взял дело под свое личное наблюдение.

Пробежал бумаги и велел составить Себежской полиции, а также и представителям суда ясные, толковые бумаги с вопросами, ответы на которые нам нужно было знать, потребованы были копии всех полицейских протоколов и подробные сведения о личности Москаленко.

IX

Случай, все случай! — приходится воскликнуть.

Пришли ответы на запросы о Москаленко, и, просматривая их, я убеждался, что он, несомненно, в период 1884 года занимался в Петербурге кражами. Впрочем, это легко было проверить, так как были данные в показаниях Москаленко, позволяющие установить, где он жил, служил и т. д. Но вдруг глаза мои упали еще на протокол, где было занесено показание одного из священников Себежского уезда. Узнав об обыске у Москаленко и бегстве последнего, он явился и заявил полиции следующее.

К нему явился неизвестный человек и рассказал, что служил управляющим в имении графа К., у которого нажил большой капитал, что граф судился с ним из-за этих денег, просудил все свое состояние, но спорный капитал остался у него и хранится в По-

лоцке. Средств ехать в Полоцк у него нет, почему он просит небольшую сумму на поездку, обещая за эту услугу вознаградить с лихвой. Священник поверил, дал пятьдесят рублей и, конечно, после того с должником своим не встречался.

— Те-те-те! — невольно вырвалось у меня. — Вот он где, Ельбинович-то наш! Значит, практиковаться-то он начал с 50 рублей в провинции, а потом дошел до «благотворительности»... Постой же, голубчик, уж теперь-то ты у меня в руках.

Я более не сомневался, что Москаленко, как опытный уже вор, находится под чужим именем, конечно, в Петербурге и тотчас направил сыск для проверки, где он жил в 1884 году, какие у кого были тогда совершены кражи, с кем он вообще знался и был знаком.

Х

Все пошло как по маслу. Выяснилось, между прочим, что у Москаленко была любовница, вдова Антипова, с которой он жил. Естественно было предположить, что и теперь они продолжают знакомство. И я распорядился об отыскании этой Антиповой.

Оказалось, что живет она по Старо-Петербургскому проспекту в доме № 59 и что проживает с ней мещанин Васильев, который и оказался, конечно, при задержании Москаленко... он же и Ельбинович.

Особо больших денег в квартире у них не нашли, не нашли и ничего подозрительного...

В обнаружении своей личности Москаленко, как человек не глупый, не записался, а историям с отцом И. П. и архимандритом М. придал совсем-таки для них нежелательный характер.

Дело, по его словам, заключалось в том, что он действительно «поддел» батюшек, но и они его, мол, надули! Один сунул в газетной бумаге вместо 2000 рублей всего 50, и то старыми бумажками, а другой вместо 3000 рублей всего 40 рублей...

— Какие там 5000 рублей! Я и в глаза таких денег не видал! — уверял мошенник и начинал рассказывать с явной целью осрамить и выставить в смешном виде П. и М.

Не поздоровилось бы этим последним на суде от таких показаний. На это мошенник, очевидно, и бил.

Я решил во что бы то ни стало отыскать деньги.

— Врать ты можешь сколько угодно, — сказал я. — Но деньги ты передал Антиповой! Она созналась.

— Ну, если созналась, так пусть их покажет и отдаст вам, — сказал он.

Очевидно, с этой стороны ничего нельзя было поделать.

Но ведь и он, и Антипова знали же, где деньги!

Эта последняя была видная, рослая и дебелая баба, тоже видавшая виды.

— Послушай, матушка! Деньги ведь Москаленко передал тебе. Он сознался. Где они? Сознайся и ты, лучше будет.

— Пусть врет больше! Если передал, то куда бы я их дела? Не в банк же понесу! — бойко ответила Антипова. Оба уперлись, и все тут.

Три дня держал я Антипову в камере участка... Авось одумается... Наконец опять вызвал.

— Ну, что, надумалась сказать, где деньги?

— Ни о каких таких деньгах я не знаю...

Я вздумал пригрозить.

— Ой, баба! Не шути... Год будешь в остроге сидеть, пока не сознаешься. Гляди!

— Воля ваша!

Оставалось устроить одно: побег Антиповой из участка и проследить, что она будет делать на свободе.

Я приказал ослабить по внешности надзор за камерой. Выбрав надежных городских, я объяснил им, в чем дело, и приказал притворяться пьяными, засыпать будто бы у дверей, не запирая их, и т. д. А сам, помимо того, пустил в дело одну из своих опытных агентш, жену городского Федосова.

XI

И вот в один прекрасный день камера Антиповой отворилась и представляющийся пьяным городской с бранью и проклятиями толкнул туда упирающуюся и кричащую новую «арестантку». Это была моя агентша Федосова.

Оставшись наедине с Антиповой, после того как городской, как настоящую арестантку, водворил ее в камеру, Федосова начала громко плакать и проклинать полицию, чем, естественно, возбудила сочувствие Антиповой.

Слово за слово, и к вечеру между двумя женщинами установились самые дружеские отношения.

Так прошел весь день и ночь.

На следующий день на смену для караула арестантов вошел городской Федосов (муж агентши), сильно пошатываясь и бормоча что-то невнятное.

При виде этого стража Федосова на ухо сообщила своей соседке, что как только этот проклятый городской уляжется на деревянную скамейку и захрапит, она, Федосова, намерена бежать.

— Я знаю здесь все входы и выходы, а этот пьяница будет лежать как колода, — добавила Федосова.

— И я с тобой, — проговорила Антипова, соблазняясь намереньем Федосовой.

— Как хочешь! — безразличным тоном сказала последняя.

Городской начал похрапывать, а Федосова и не думала приводить в исполнение свое намерение.

Она о чем-то задумалась.

— Ну что же ты?

— Да вот думаю, что убежать-то мы убежим, а куда я затем денусь? Полиция начнет разыскивать, надо на первых порах уехать из Питера, а потом, когда горячка пройдет, можно и воротиться. Беда только в том, что уехать из города и прожить на стороне — на все это надо деньги, а у меня медный пятак за душой. С ним далеке не уйдешь!

— Ну, об этом не сомневайся! — с самодовольствием проговорила Антипова. — Деньги у нас будут. Правда, у меня с собой в чулке всего двугривенный, но нам только дойти до Смоленского кладбища, и у нас тысячи будут. На все хватит...

— Ну, тогда медлить нечего, иди тихонько к двери, а я за тобой. Надо наблюдать за солдатом. Ишь как, собака, храпит!

Антипова начала медленно, на цыпочках, приближаться к заветной двери, за ней следовала в трех шагах Федосова, не спуская глаз с городского.

Когда Антипова приотворила дверь из камеры, Федосова, проходя мимо мужа, успела шепнуть: «На Смоленское кладбище» — и тотчас догнала Антипову, которая ничего этого не заметила.

Нечего и говорить, что беглянки без всяких препятствий выбрались на свободу из полицейской части и после двухчасовой ходьбы достигли Смоленского кладбища.

У ворот кладбища уже стояли сторож и какой-то молодой малый, одетый в большие сапоги и пиджак.

Проходя ворота, Федосова мигнула этому незнакомцу, зорко смотрящему на Антипову.

Тот же в свою очередь сделал знак рукой, как бы говоря: «Будь покойна, все наготове».

Антипова скорым шагом шла вперед по мосткам кладбища.

Вот пятый, шестой и седьмой разряды пройдены, а Антипова все идет вперед, ища глазами на заборе какого-то известного ей одной знака. Федосовой начало овладевать беспокойство.

Пройдя мимо седьмого разряда, Антипова на мгновение остановилась, подошла близко к забору и, увидев на последнем мелкую надпись красным карандашом: «лево», свернула с мостков в левую сторону и сказала следующей за ней по пятам Федосовой: «Теперь и конец близок».

Уже вечерело. Кладбище погружалось во мрак, когда обе женщины подошли к могиле с покосившимся крестом.

— Муженек мой покойный здесь лежит, — сказала Антипова, — денежки-то стережет!..

Она нагнулась и начала разрывать могилу в известном ей месте.

— Мы эту работу мигом за вас окончить могим-с... — сказал вдруг как из-под земли выросший парень, которого они встретили у ворот кладбища. С ним было еще два человека.

— Сыщики!.. Бежим! — с деланным испугом проговорила Федосова.

— Ну, зачем же бежать, — усмехнулся парень.

Женщин задержали, а из могилы вырыли пакет, завернутый в газетную бумагу, с четырьмя тысячами рублей с лишком... Процентные бумаги отца П. здесь были все до единой.

— Ну, что, матушка? — сказал я Антиповой, когда ее привели. — Не уберег муж-покойничек денег-то? А?

Антипова угрюмо промолчала...

Москаленко пошел в арестантские роты.

ВЕЩЬИЙ СОН ПОД РОЖДЕСТВО

События, о которых я хочу рассказать, происходили давно и как раз под Рождество. На льду речушки у Средней Рогатки полиция нашла убитого и ограбленного, в одном белье, мужчину. Голова у него была проломлена, на шее затянута веревка, к концу ее привязан черенок от деревянной ложки.

Я подъехал в одно время с властями. Осмотрев труп, я подумал, что убивали в другом месте, а сюда его приволокли, для того и черенок пристроили — легче тащить. А следов нет, снегом запошло.

Вначале никто из местных не мог опознать убитого, только вдруг бежит женщина, красивая, лет сорока пяти, беременная. Подбежала, увидела труп, всплеснула руками и заголосила:

— Сын мой, сыночек! Колюшка мой родной!

Я к ней.

— Позвольте узнать, кто вы будете?

— Я Анна Степанова, а это сын мой Николай.

Говорит так бойко, ясно, а сама трясется.

— А кто вы такая?

Она объяснила, что живет в получасе ходьбы от этого места и имеет маленькую сапожную мастерскую.

— Пойдем, — говорю, — к вам, пока его уберут да доктор осмотрит.

Пошли. Она плачет, убивается, а я ее утешаю.

Приходим. Домик такой чистенький, две комнатки и большая мастерская, а при ней кухня. Вошли мы в комнату, я снял шубу, сел и повел с ней беседу.

— Как звать вас? — спрашиваю.

— Анна Тимофеевна.

— Что же, Анна Тимофеевна, любили вы сына вашего?

Она опять залилась слезами.

— Господи, — говорит, — как же не любить-то! Один он у меня. Покойник умирал, только о нем думал...

— Так вы вдова? — спрашиваю и на ее фигуру смотрю.

Она смутилась.

— Вдова. Восьмой год.

Я сделал вид, что ничего не заметил, и дальше про сына спрашиваю, любил ли он ее, путался ли с кем, пил ли.

— Смирный был, непьющий, почтительный. На Путиловском заводе работал и жил там, комнатку имел. По субботам прямо ко мне, и все воскресенье у меня. А в понедельник поднимется в пять часов — и на завод. И теперь шел, голубчик, да не дошел!.. — И снова плачет.

— А получал много?

— Какое! Восемь гривен в день.

— Как же так? Сына любите, достаток у вас, видимо, есть, а он за восемьдесят копеек работал?

— А вот подите! Такой почтительный. Покойник мне заведение оставил и деньгами двадцать тысяч. Я говорю ему: «Куплю тебе домик, землю, женись и мать утешай». Нет! «Не хочу вам в тягость быть». Так и уперся.

Рассказала, во что сын был одет. Пальто с воротником, шапка, сапоги, брюки, жилет, часы и пиджак теплый, нанковый. Сама ему шила. В этом пиджаке она по его указанию внутренний карман с левой стороны на правую перешила да за неделю до его смерти новую пуговицу пришила. Таких-то уже не было, так она большую приспособила.

Все расспросил я, а под конец говорю ей прямо:

— А теперь назовите и покажите мне вашего любовника!

Она так и зарделась. Молчит.

— Вы, — говорю, — мне уж все по совести, как на духу.

— Василий Калистратов, у меня в подмастерьях.

— А повидать его можно?

— Можно. Он дома, надо полагать. Вася! Василий! — позвала она в дверь.

— Сейчас, Анна Тимофеевна, — голос такой приятный, откровенный.

Через минуту вошел. Рослый, красивый, лицо открытое. Я поглядел на него, и он мне сразу понравился. Заметил только, что он очень бледен. Поговорили по пустякам, и я уехал.

Дело мне показалось неважным, и я поручил его своему помощнику.

— Знаете, — говорит он, — Иван Дмитриевич, убийца — Калистратов! Все укладывается так. Он любовник, у нее деньги и прочее, сын — наследник, да еще она его любит. Убрать сына, и этот Васька — хозяин. Надо разузнать, где он был в эти часы.

Я и сам думал так же, только сердце не соглашалось. Так-то так, а не похож он на убийцу.

Я велел собрать сведения об убитом.

Ушел Николай Степанов с завода двадцать четвертого декабря в шесть часов. Ходу ему до дому не больше часа, а до этой речонки — с полчаса. Значит, убийство совершилось между шестью и семью часами.

Стал узнавать, где этот Василий был.

Ходил в Шереметьевку, и именно в эти часы. Путь его лежал именно через это место. Когда он вернулся, хозяйка очень беспокоилась о сыне, а он спокойно так сказал:

— Ничего ему не сделается, придет!

Все складывалось против Калистратова, но я велел Теплому виду не подавать и только следить за подозреваемым.

* * *

Надо вам сказать, что было у меня обыкновение: возле того места, где преступление совершилось, в народе толкаться да прислушиваться. Иногда пустое слово на след наводит. Так и тут. Хожу я, брожу, со всеми говорю, иных допрашиваю. И наткнулся тут на железнодорожную сторожку, что у Средней Рогатки.

Сторожей было два. Один черный, а другой рыжий. Черный — человек как человек, а рыжий мне сразу не понравился.

Я его на допрос. Начинаю расспрашивать, где он был в эти часы, не слышал ли криков, не видал ли чего подозрительного, когда именно поезда проходят, много ли работы у него, знал ли он этого Степанова, в чем одет был?

Отвечает он мне и все время сбивается. То говорит, что на пути был и ничего не видел, то утверждает, что в сторожке сидел. Потом уверяет, что путь осматривал, а то вдруг вспоминает, что с приятелем, другим сторожем, сидел. Путается, а как ему скажешь, он запрется.

— Я этого не говорил...

— Как не говорил? Ведь записано.

— Не могу знать. Я — человек темный, грамоте не учен, а говорить того не говорил.

Сделал у него обыск — ничего подозрительного, но чувствую я, всем естеством чувствую, что связан он с этим делом. То ли пособлял, то ли сам сработал.

Позвал Теплова и говорю: так и так, рыжий этот — преступник, и его надо арестовать. А Теплов умоляет, чтобы я Василия арестовал.

— Никуда от нас не уйдет Василий, — говорю я, — надо за рыжего взяться.

— Нет, Иван Дмитриевич, — отвечает он, — рыжего вы тоже можете арестовать, а Василия — уж для меня, пожалуйста.

Ну, мне что же — арестовал.

Василий побледнел как полотно.

— Если, — говорит, — насчет убийства, то Богом клянусь, не повинен!

Анна Тимофеевна плачет, рекой разливается. Жалко мне их, а забрал, но забрал и рыжего.

* * *

Прошел, наверное, день, как я арестовал их обоих, и вдруг приходит ко мне сама мать убитого, Анна Степанова.

— Здравствуйте, я к вам!

— Здравствуйте, — отвечаю. — С чем пришли? Новости есть?

— Не знаю, как и сказать вам, — начала она, садясь возле стола. — Теперь вот, как я одна осталась да все думаю про горе свое, так мне многое припомнилось, о чем раньше и невдомек было. Соседка моя, Агафоновна, говорит: «Иди да иди», — я и пошла. А теперь думаю, может, глупости все это.

— Никаких, — говорю я ей, — глупостей быть не может, потому что иногда самый пустяк вдруг все дело проясняет. Пожалуйста, рассказывайте.

Она начала рассказывать. Поначалу тихо, спокойно, а потом очень разволновалась.

— Был у сына моего сон, — сказала она, — тогда-то был пустой, а теперь выходит, что был он от Господа ангелом-хранителем ему внушен. Говорила я вам раньше, что он завсегда в праздники у меня ночевал, а утром в пять часов вставал и на завод шел?

Я кивнул, а сам, пока она говорила, приказал, чтобы рыжего привели. Хотел его еще порасспросить кое о чем.

А она продолжает:

— Ну вот, был он у меня, голубчик, в последнее воскресенье. Он спал завсегда подле меня, в чуланчике. Сплю я это и вдруг слышу страшный крик. Я вскочила, зажгла огонь и пошла к сыну. А он, голубчик, сидит на постели, бледный, как наволочка у подушки, весь в поту и трясется. «Колюшка, — говорю, — что с тобой?!» — «Страшное, — говорит, — маменька, привиделось. Будто пошел я от вас на завод, и на меня подле самого железно-дорожного полотна пять человек напали и бить стали. Вот до сих пор дрожу». Перекрестила я его и говорю: «Сон сном, а только ты, сыночек, не ходи сегодня по своей дороге, а пойдешь по другой». Он так больше и не заснул, а в пять часов ушел.

— И все? — спрашиваю я.

— Нет, дальше еще страшнее и изумительнее, батюшка. Весь день мне было страшно за Колюшку. Я даже Василию об этом говорила. Потом легла спать и вдруг тоже сон вижу. Будто темная ночь, и снег крутит. Пусто кругом так. Сторожка стоит, а вокруг ни души. Гляжу, идет мой Коля и так-то торопится, и вдруг как выбегут пять человек, таких страшных, и с ними один рыжий, высокий. Замерла я от страха, хочу крикнуть, а они уже на него напали и душат его... Я побежала к нему, кричу, зову на помощь... Тут меня Василий разбудил. Проснулась я сама не своя, дрожу вся. На следующий же день к сыну пошла. Он здоровый, веселый. «К празднику, — говорит, — ждите...» Я и ушла.

Она перевела дух, вытерла вспотевшее лицо и опять начала рассказывать.

— Жду я его в тот-то день, двадцать четвертого, кофей сварила, а он не идет. Василий ушедши, ребята тоже, и так-то жутко, и все о Николаше беспокойство. Ждала, ждала и все думала, что это он запоздал... Вдруг...

Тут она побледнела и почти шепотом заговорила:

— Как что-то загремит, загукает мимо окон. Словно бы пожарные пронесли. Дом так весь и затрясся. Я обмерла. С нами крестная сила! Сижу ни жива ни мертва и не знаю, как Василия дождалась. Он пришел, я ему говорю, а он усмехается. Был мне праздник не в праздник, и тоскую я, и боюсь, и сама не своя спать легла. Сплю, и опять сон. Пришел ко мне будто тот рыжий, что с другими четверьмя тогда привиделся, две капли он. Пришел и со смехом говорит: «Ну, покончили мы твоего сына, приказал тебе долго жить!» Я закричала и проснулась.

В то время как она рассказывала, привели ко мне рыжего. Она к двери боком сидела, а он у порога стоял. Кончила она говорить, повернула голову, да вдруг как закричит! У меня даже волосы дыбом.

— Он! Тот самый рыжий, что я во сне видела!

Я тотчас велел его увести и стал ее успокаивать. Она все трясется и все твердит — он да он!

* * *

Позвал я опять Теплова и рассказываю все, а тот только улыбнулся.

— Эх, — говорит, — самое обыкновенное дело. Не видите вы, что баба пришла просто следы замести? Сына уже нет, его не вернуть, а любовник жив и в беде. Вот она его по-своему и вырывает.

Повозился я еще месяц с рыжим сторожем и Василием и за недостатком улик отпустил их, а дело следствием прекратил.

После этого прошло так месяца два, а то и три.

И вдруг... Из пересыльной тюрьмы, подпилив решетку, через окно сбежали четверо арестантов.

На другой день получаем из Петергофа телеграмму, что задержаны четыре молодца, называются бродягами, но головы бриты, и, надо думать, они и есть те беглые арестанты.

Написали мы, чтобы их доставили к нам, и вдруг меня мысль осенила: нет ли кого из них в нанковом пиджаке на вате, а если есть, то какой пиджак, какая подкладка и пуговицы? Сел, написал это и велел тотчас ответить подробно.

Через день пришел ответ, и в нем как по заказу:

«На одном был пиджак из нанки, на вате. Подкладка шерстяная, черная, в белых полосках, на левой стороне будто след от споротого кармана. Пуговиц по пять с каждого борта, роговые, темные, а одна, справа, верхняя, в сравнении с другими гораздо больше».

Вот они! Вот и убийцы!

И сейчас же мне припомнился сон. Во сне Степанова видела пятерых, а тут четыре разбойника. Кто же пятый? А пятый — сторож рыжий!

Пригласил я Теплова.

— Убийцы Степанова открыты!
— Кто?
— А вот кто! Извольте рыжего снова арестовать и потом, как тех привезут, очную ставку сделать.
Теплов тотчас арестовал рыжего и привел его ко мне.
Едва я увидел его, говорю:
— Теперь сознавайся, братец, потому как сюда везут твоих четверых приятелей!
— Каких приятелей?
— А беглых из тюрьмы, которые у тебя гостили!
Это я уже от себя сказал.
Дрогнул он и говорит:
— Точно, есть и моя вина! Только я не убивал...
— А что делал?
Тут он все и рассказал.

* * *

Дело так вышло.
Сидел он у себя в сторожке, сапоги чинил. Вдруг дверь распахнулась, ввалились четыре арестанта в серых куртках и прямо на него. Давай им есть, пить, деньги и одежду на всех.
Он перепугался до смерти и отдал им все, что мог.
Съели они весь хлеб, кашу, квас выпили. Взяли всю его одежду, старую и новую, а на четверых всего этого мало. Наряжаются они, а один выглянул в окно и говорит:
— Вон добрый человек идет, он нам поможет.
А это несчастный Степанов.
Тут дело темное. Рыжий говорит, что он не помогал им, а надо думать, помогал.
Взял из сторожки молоток, которым рельсы пробуют, и вышли на дорогу. Степанов увидел их и побежал. Они нагнали его, повалили...
Все, как во сне! Убили ударом молотка, а потом бросили и хотели идти.
Рыжий перепугался. Разбойники уйдут, труп оставят, а его затаскают, а то и засудят. «Помогите уволочь его!» Они согласились. Нашел рыжий веревку, затянул ее на шее убитого, привязал черенок от ложки, чтобы ловчее тащить было, и они потащили труп к речке. Трое волокли, а двое следы заметали.
Труп бросили. Беглые пошли дальше, а рыжий вернулся в сторожку и на полу всю кровь выскоблил, а снег, что пошел вскорости, все следы запорошил.
Так и погиб Николай Степанов, увидевший вместе с матерью свою смерть во сне накануне Рождества.

СТРАШНОЕ ДЕЛО КРОВАВОЙ КРАСАВИЦЫ

Коротенький Гусев переулок, соединяющий Лиговку со Знаменской улицей, в то время не был еще застроен пятиэтажными домами и казался огороженным с двух сторон заборами. За заборами раскинулись широкие дворы с садами, а в середине дворов стояли обыкновенно одноэтажные деревянные домики, недалеко от которых размещались конюшни, сараи, ледник, прачечная и дворницкая избушка.

Дом, в котором произошло это странное убийство, был двухэтажным. В нижнем этаже жил майор Ашморенков с женой, сыном-кадетом и прислугой. На втором этаже в мезонине проживал домохозяин, коллежский советник Степанов.

В июне месяце 1867 года рано утром в Духов день майор, его жена, сын и девушка-прислуга были найдены убитыми.

* * *

Было десять часов утра. Я только что приехал с дачи в своей одноколке, когда запыхавшийся квартальный ввалился ко мне и кричал:

— Страшное убийство! Двое, трое, четверо!

— Где?

— В Гусевом переулке.

— Едем.

Захватив с собой одного из агентов, ловкого Юдзелевича, я прыгнул в одноколку и поехал, приказав оповестить судебные власти.

У ворот и во дворе уже толпились зеваки. Будочники отгоняли их, переругиваясь и крича до хрипоты. У крыльца меня встретили бледные пристав и помощник.

Я прошел за ними в квартиру майора. Картина, представшая перед глазами, произвела на меня страшное, незабываемое впечатление. Я вошел не с крыльца, а через кухню, дверь в которую приказал отворить пристав. Ставни уже были распахнуты, и ясный летний день весело сверкал в чистеньких комнатах, оскверненных ужасным преступлением.

В просторной, чистой и светлой кухне ничто не указывало на преступление, но едва я дошел до порога внутренней двери,

как наткнулся на первую жертву преступления. Молодая девушка в одной сорочке лежала навзничь, раскинув руки, на самом пороге. Вокруг ее головы стояла огромная лужа почерневшей крови, в которой комом сваялись белокурые волосы. Застывшее лицо выражало ужас. Мне объяснили, что это Прасковья Хмырова, служившая у Ашморенковых в горничных второй год.

Я прошел дальше. В спальне майора на постели, залитой кровью, лежал огромный, полный мужчина. Смерть застала его врасплох. Брызнувшая из проломленного черепа кровь, перемешанная с мозгами, запятнала всю стену.

— Экий ударище! — проговорил пристав. — Какая сила!

Мы вернулись назад и через сени вошли в гостиную. Солнце ярко ударяло в окна, глупая канарейка заливалась во весь голос, и от этого картина показалась мне еще ужасней. Посреди пола в одной рубашке, раскинув руки, лежал мальчик лет тринадцати, тоже с проломленной головой. На диване ему была постлана постель, преддиванный стол был отодвинут, на кресле лежала его одежда с форменным кадетским мундирчиком. Удар застал его спящим, потому что подушка и белье были смочены кровью, но потом, вероятно, он соскочил с постели, а второй и третий удары настигли его, когда он был на середине гостиной. Он упал и в предсмертной агонии вертелся волчком на полу, отчего вокруг него на далеком расстоянии были разбрызганы кровь и мозги... Но лицо мальчика было спокойно.

Наконец, мы вошли в спальню жены майора и в ней нашли мирно лежащую, как и майор, маленькую полную женщину. Вся кровать, весь пол были залиты кровью. Голова ее также была проломлена.

Мой Юдзелевич тут же, в гостиной, на стуле нашел и орудие преступления. Это был обыкновенный гладильный утюг весом фунта в четыре. Острый конец его был покрыт толстым слоем запекшейся крови и целым пучком налипших волос.

Убийство, несомненно, было произведено с целью грабежа. Ящики стола в кабинете майора были выдвинуты и перевернуты, ящики комода жены тоже, буфет в столовой, горка в гостиной и, наконец, сундук и гардероб — все было раскрыто настежь и носило следы расхищения.

Картина убийства выяснилась. Сперва был убит майор, затем его жена, потом сын-кадет и наконец горничная. Одно обстоятельство приводило меня в недоумение. Судя по утюгу, убийца должен был быть один, но как он мог решиться один на убийство четырех? Мне казалось это невозможным, и я решил, что действовали непременно два-три человека.

Как вошли и скрылись преступники? Двери в кухню оказались закрытыми на крючок, парадная дверь — на ключ, но когда я стал искать этот ключ, его не оказалось. И мне опять представилось, что убийцы, как свои, вошли в квартиру, а когда совершили убий-

ство, то ушли через парадную дверь, заперев ее на ключ, который унесли с собой.

Осматривая кухню вторично, в углу за плитой я нашел доказательство того, что убийцы пытались смыть кровь. Грязная кровавая вода была слита в ведро. Тут же валялась скатерть, которой убийцы вытирались. В тазу была мыльная вода, но уже без крови.

* * *

Тем временем приехали судебные власти. Мы повторили осмотр, доктор занялся трупами, а мы начали опрос. Юдзелевич втерся в толпу и толкался то во дворе, то на улице, прислушиваясь к разговорам и пересудам.

На основании показаний домохозяина, прачки, приходившей в то утро за работой и поднявшей тревогу, а также отчасти дворника жизнь майора была воспроизведена в подробностях. Он был в отставке уже шестой год. Их сын третий год учился в кадетском корпусе и приходил домой накануне праздников, а уходил или вечером в праздник, или на другой день рано утром. Дочь их вышла замуж и пять лет, как жила в Ковно.

Майор с женой вели жизнь замкнутую и совершенно спокойную. Они вставали в семь-восемь часов и пили чай. Потом она хлопотала по хозяйству, а он читал газету и шел гулять. В два часа они обедали, после обеда спали, потом пили чай. Она занималась вязанием, штопаньем, он же курил трубку и раскладывал пасьянс. В девять часов они ужинали и расходились спать. В гости к ним почти никто не ходил, они тоже, и домохозяин доставлял майору большое удовольствие, когда спускался к нему поиграть в шашки и послушать его рассказы о Севастополе.

Жили они бережливо, но не скуп, имели всего вдоволь, и домохозяин, указав на опустошенную горку, сказал, что в ней стояли чарки и стопки, лежало столовое серебро, много золотых иностранных монет, ордена и три пары золотых часов. Держали они двух слуг, но в последние дни рассчитали кухарку Анфису за ее грубость. А кухарка Анфиса была женой ранее служившего в этом доме в дворниках крестьянина Петрова.

Многу были опрошены водовоз, поставлявший в дом воду, булочник, молочник, прачка и дворник.

Дворник почему-то сразу произвел на меня неприятное впечатление. Рябой, скуластый, с острыми, прищуренными глазами, он показался мне продувной бестией. Служил он у Степанова второй год. Я стал спрашивать его о порядках в доме.

— Порядки обыкновенные, — отвечал он. — Зимой в восемь часов, а летом в десять я запираю ворота, калитку и все. Когда назначают, дежурю.

— В эту ночь ты был дежурным?

Он замялся, потом нехотя ответил:

— Был.

- И калитку запер в десять часов?
- Так точно.
- И никто тебя не беспокоил, и никого ты не видал?
- Никого.
- Днем уходил куда-нибудь?
- Никуда.
- И у майора никого не было?
- Никого.
- Другого выхода со двора, кроме ворот, нет?
- Нет, кругом забор.

На этом и окончился первый допрос. К этому времени доктор составил акт осмотра. Все жертвы, несомненно, были убиты одним и тем же орудием, вернее всего — найденным утюгом. Майору нанесли два удара, жене его — тоже два, мальчику — три, а горничной девушке — пять, из которых каждый был смертелен.

* * *

Впечатление в городе от этого преступления было ужасное. Куда ни обернешься, к каким речам ни прислушаешься, везде только и слышишь об убийстве в Гусевом переулке. Гусев переулок опустел. Все, жившие в нем, в паническом страхе поспешили оставить свои дома и квартиры. Сам Степанов тотчас же съехал в меблированные комнаты, повесив у себя на воротах доску с надписью: «Сие место продается». И потом многие петербуржцы избегали Гусева переулка, как проклятого места, и только после того, как он застроился каменными громадами, память об этом преступлении начала мало-помалу сглаживаться.

Я вернулся домой весь погруженный в размышления о преступлении. Картина убийства, как мне казалось, представлялась ясной. В убийстве участвовало несколько человек. Убивал, может быть, один, а может, и двое, и трое, но грабил, несомненно, не один. Ушли они через дверь из сеней, но куда девались потом, как скрылись с узлами — было неизвестно, так как калитка была на запоре и другого выхода не было. Очевидно, их выпустил кто-то... Но кто? И тут я подумал о дворнике. Плутоватая рожа, какая-то деланная ленивость, неохотные, уклончивые ответы...

Часа через два мне доложили, что вернулся Юдзелевич. Я тотчас же велел позвать его к себе. С острым, красненьким носом, рыжей бородкой клинышком, с плутоватыми глазами и рябым лицом, маленький, юркий, проницательный, наглый, он, вероятно, был бы первостепенным мошенником, если бы судьба не толкнула его на сыскное дело, в котором он нашел свое призвание.

— Ну, что? — спросил я его, едва он притворил двери. — Нашел что-нибудь?

— «Что-нибудь» есть, — ответил он, — и, может быть, даже и «кое-что».

— Ну, что же? Говори!

— Собственно, немного, — пожал он плечами. — Узнал, что у майора побывала Анфиса, а потом она была у дворника, а потом они ходили в портерную, и там был ее сын, и они пили.

— Анфиса? Это та, что была у них в кухарках?

— Она самая.

— Разве у нее есть сын?

— Есть, зовут Агафоном. Ему семнадцать лет, и он совсем разбойник. Учится на слесаря и пьет вместе с матерью.

— Так... Откуда же ты узнал все это?

— Я узнал и то, что сам дворник Семен рано утром входил в ворота... И был как пьяный.

Я чуть не захлопал в ладоши. Да теперь ведь все преступники налицо.

— Откуда ты это узнал?

— Откуда? Ходил по улице и слушал. Одна баба говорит: «Это Анфиска из злости, что ее прогнали. Она грозилась их убить». А тут ввязалась другая баба и говорит, что ее вчера видела ввечеру пьяной. Тут мужчина какой-то: «Я ее с дворником видел в портерной». А портерных две только поблизости. Одна насупротив, а другая на Лиговке. Я туда, прямо на Лиговку. А там только и разговора, что об убийстве. Я спросил себе пиво, стою, слушаю... Тут все и узнал.

Не прошло и четырех часов, как мы напали на след.

* * *

— Ну, вот что, — сказал я Юдзелевичу. — Если делать дело, так уж сразу. Прежде всего разыщи эту Анфису с Агафоном и узнай о них в квартале, а потом бери их — и сюда. Затем надо забрать и дворника. Как их сюда доставишь, опять назад, по их квартирам, обыск у них произведи! Пока я их допрошу, ты отыщи, что надо. Главное, по горячему следу!

Он поклонился и моментально скрылся.

Я был спокоен за исход дела. Завтра, самое позднее — послезавтра я передам преступников следователю. Я ни одной минуты не сомневался, что убийцы и грабители в моих руках.

Юдзелевич быстро и ловко взялся за дело.

Прежде всего, заехав в квартал и захватив с собой полицейских, он арестовал дворника Семена Остапова и опечатал его помещение. Дворника препроводил ко мне, а сам пустился на поимки Анфисы с сыном. Муж Анфисы служил раньше дворником в злополучном доме Степанова, потом уехал один в деревню и там остался, а Анфиса работала сначала поденно, потом поступила кухаркой к убитым, потом снова пошла на поденную работу.

Юдзелевич зашел сперва в мелочную лавку, эту лучшую справочную контору, а затем в портерную и узнал адрес Анфисы и ее

сына. Они жили на Песках, на Болотной улице. Юдзелевич отправился в квартал. Узнав об этом деле, в участке обо всем сообщили приставу.

— Убили?! — воскликнул пристав, когда Юдзелевич обратился к нему с просьбой о помощи. — Вполне возможно! Такие каналы!..

И он тотчас дал ему в помощь двух квартальных.

Анфису Юдзелевич арестовал в прачечной на Шестилавочной улице, за стиркой, а Агафашку — в слесарной мастерской Спиридонова. Через пять часов они все были у меня. Я велел рассадить их по разным помещениям и стал ждать Юдзелевича.

Часов в одиннадцать вечера Юдзелевич вернулся с узелком и подробным отчетом. Что же он нашел при обыске? Прежде всего у дворника Семена Остапова, обыскав все помещение, он нашел на печке окровавленную рубаху... Больше ничего, но это было немало. Кровавые пятна, видимо, были свежие. У Анфисы же и ее сына он нашел тонкие платки, две дорогие наволочки и связку отмычек.

Я внимательно рассмотрел платки и наволочки. На них были совсем другие метки. Белье Ашморенных было перемечено очень красивыми, крупными метками, которые я приказал снять, и временно для образца взял платок из раскрытого комода. На найденных же Юдзелевичем вещах, видимо украденных из белья разных господ, были метки А., З. и В. Но и из этих вещей при умении можно было извлечь некоторую пользу.

— Но где же все вещи?

Юдзелевич пожал плечами.

— Они имели время примерно от двух часов ночи. Может, все продали? Я буду искать.

— Тогда где деньги?

— Деньги можно зарыть в землю. Разве их найдешь так скоро?

Действительно, так бывало, и притом довольно часто.

— Ну, будем допрашивать, — сказал я. — Веди ко мне первым этого Агафашку.

Юдзелевич вышел, а я подготовился к допросу.

* * *

В кабинет ввели Агафашку. Я остался с глазу на глаз с одним из предполагаемых убийц, обагрившим свои руки кровью четырех жертв.

Передо мной стоял высокий худощавый юноша в засаленной куртке-блузе мастерового. Хотя он был еще очень молод, лицо его уже носило отпечаток бурно проводимого времени.

— Скажи, Агафон, ты уже судился за кражу?

— Судился, а только я невиновен был в той покраже. Зря, облыжно на меня взвели. Меня оправдали.

— Так. Ну а зачем ты вмешался в дело убийства в Гусевом переулке? — быстро спросил я его, желая поймать врасплох, оголошать неожиданным вопросом.

— Напрасно это говорить изволите, — спокойно ответил он. — В убийстве этом я ни сном ни духом не повинен.

— Но если ты не убивал, то, наверное, должен знать, кто именно убил?

— А откуда я это знать могу? — с дерзкой улыбкой ответил он.

— Разве ты живешь отдельно от матери? Ведь вы вместе пьянствуете.

— А она тут при чем? — спросил Агафон, глядя мне прямо в глаза.

— Как при чем? Да ведь она уже созналась в том, что убийство в Гусевом переулке произошло при ее участии, — быстро выпалил я.

Агафон побледнел. Я подметил, как в его глазах вспыхнул злобный огонек.

— Вы... Вы вот что, ваше превосходительство... — начал он прерывистым голосом. — Вы... того... пытаться пытайте, а только сказочки да басни напрасно сочиняете. Этим вы меня не подденете, потому правого человека в убийцу не обратите. Как же это она могла вам сказать, что она убивала, когда она не убивала? Она хошь и пьяница, а только не душегубка.

Он закашлялся. Я, признаюсь, чувствовал себя не совсем ловко. Этот взрыв сыновнего негодования за честь матери, которую он в то же время называл чуть ли не позорным именем, меня поразил.

— Твоя защита матери очень похвальна, Агафон, — начал я после паузы, — но вот что скажи. Где ты находился в ночь убийства в Гусевом переулке? Ведь ты не станешь отрицать, что тебя той ночью дома не было?

— Действительно, я не ночевал дома.

— Где же ты был?

— У Маньки, моей любовницы. Всю ночь у нее провел.

Я нажал на звонок.

— Позовите Юдзелевича! — приказал я надзирателю.

Через секунду явился Юдзелевич.

— Где же живет твоя Манька? — спросил я Агафошку.

Он дал подробный адрес.

— Немедленно поезжайте к ней, — тихо обратился я к агенту, — и узнайте, правда ли, что Агафон в ночь убийства ночевал у нее. Словом, все выясните.

Я отпустил Агафошку, приказав строго следить за ним, чтобы он не мог ни на секунду увидеться с другими задержанными.

— Приведите Анфису Петрову.

Это была юркая, бойкая баба с отталкивающей наружностью. Резкие движения, грубый, визгливый голос — типичная предста-

вительница пьяниц-поденщиц. Войдя, она истово перекрестилась и устоялась на меня круглыми воспаленными глазами.

— Ну, Анфиса, ты свое обещание, стало быть, исполнила? — мягко обратился я к ней.

— Какое такое обещание? — визгливо спросила она, даже заколыхавшись вся.

— Будто не знаешь? А вот барыню, майоршу, убила за то, что она тебе шестьдесят копеек недодала. Только вы заодно, должно быть, и еще трех человек уложили да вещей награбили...

Анфиса задрожала, затряслась и быстро-быстро заговорила, вернее, заголосила чисто по-бабьи, точно деревенская плакальщица.

— Вот тебе Бог, господин енерал, невиновна я. Не убивала. Зря я ведь, только в сердцах тогда говорила. Обсчитывала она меня, горемычную.

Тонко, со всевозможными уловками я стал «пытать» ее о страшном убийстве в Гусевом переулке. Я задавал ей массу вопросов, которыми, как я был убежден, должен был припереть ее к стенке. Шел второй час ночи. Долгий, упорный допрос утомил Анфису. Был утомлен и я. Но, увы! Как я ни бился, мне не удалось сбить эту бабу. Она упорно, с полнейшим спокойствием отвечала на все мои вопросы.

— Я сейчас покажу тебе одну игрушку, — сказал я ей.

Быстро встав и взяв утюг, которым были убиты жертвы, я пошел к ней вплотную и протянул к ее лицу утюг.

— Смотри... Видишь — запекшаяся кровь. Он весь в крови. Видишь эти волосы, прилипшие к утюгу?

Однако и это не произвело желаемого эффекта. Анфиса при виде страшного утюга только всплеснула руками и сказала:

— Ах, изверги, чем кровь христианскую пролили!

Я велел увести Анфису. Вернувшийся Юдзелевич сообщил, что указанную Агафой «Маньку» он разыскал, что она полушвейка-полупроститутка и что она показала, что Агафашка у нее действительно ночевал. Он ушел от нее около девяти часов утра.

Последним я допросил дворника Семена Остапова. Он и на допросе, стоя передо мной в этот ночной час, не изменил своих ленивых движений, своего пассивно-равнодушного вида. Подобно Анфисе и Агафону, он упорно отрицал какое-либо участие в этой кровавой трагедии. Он говорил то же, что и на предварительном допросе. В ночь убийства он был дежурным, никакого подозрительного шума, криков или чего подобного не слышал, никого из подозрительных субъектов в ворота дома не впускал и не выпускал.

— А куда ты сам выходил поутру? — спросил я его.

— По дворничьим обязанностям. Осмотрел, все ли в порядке перед домом.

— А больше нигде не был?

— Был-с... В портерную заходил. Только я скоро вернулся обратно.

Как я ни сбивал его, ничего не выходило.

— А что это? — быстро спросил я, протягивая ему найденную Юдзелевичем рубаху, на подоле которой были заметны следы крови.

— Это-с? Рубаха моя, — невозмутимо ответил он.

— Твоя? Отлично! Ну а кровь-то почему у нее на подоле?

— Я палец днем порезал. Топором дверь в дворницкой поправлял, им и хватил по пальцу. Кровь с пальца об рубаху вытер, а потом рубаху скинул, чистую одел.

— Покажи руку.

Он протянул мне свою заскорузлую, мозолистую руку. На указательном пальце левой руки действительно виднелся глубокий порез. Я впился в него глазами. Не даст ли хоть он ключ к разгадке? Увы, нет. Если бы орудием убийства был топор, нож, даже острая стамеска, порез этот был бы подозрителен. Но семья майора и горничная убиты утюгом, о который нельзя обрезать. Это и не следы укуса, возможного со стороны какой-либо из жертв. К таким ничкеным результатам привел меня допрос трех арестованных лиц.

* * *

Прошел день, два, три. Прошла неделя. За все это время следствие не продвинулось ни на шаг. Я терял голову. Подозреваемые в убийстве Анфиса, ее сын и дворник Остапов содержались в одиночных камерах дома предварительного заключения. Я допрашивал их поодиночке и вместе чуть ли не ежедневно, я устраивал им очные ставки — все напрасно! Ни малейших расхождений в их показаниях не было.

Прошло около года. Шутка сказать: целый год со дня кровавой трагедии в Гусевом переулке! Дом Степанова так и не был продан, на нем по-прежнему красовалась вывеска «Сие место продается», но он стоял необитаемый, тоскливый и мрачный. Квартира несчастного майора, в которой разыгралась леденящая душу трагедия, глядела своими потемневшими, запыленными окнами на пустынный двор. Кровь, пролитая в этом доме, казалось, наложила на него неизгладимо-страшную печать. Ночью обитатели этого района избегали проходить по Гусеву переулку. Суеверный страх гнал их оттуда.

Анфиса, Агафоса и дворник Остапов были преданы суду. Суд, однако, в силу слишком шатких улик признал их невиновными, и все они были освобождены. Убийца или убийцы, таким образом, гуляли на свободе.

Это дело не давало мне покоя. Я поклялся, что разыщу их во что бы то ни стало. Прошел, как я уже сказал, год. И вот вскоре произошло одно весьма важное событие, наведшее меня на след таинственного злодея.

Однажды юркий Юдзелевич вбежал ко мне, сильно взволнованный, и прерывистым голосом прокричал:

— Нашел! Почти нашел!

— Кого? О чем, о ком ты? — спросил я раздраженно.

— Убийцу... В Гусевом переулке!

— Ты рехнулся или всерьез говоришь?

— Как нельзя серьезнее.

Торопливо, давясь словами, он рассказал мне следующее. Утром он находился в одном из грязных трактиров, выслеживая кого-то. Неподалеку от его стола уселась компания парней, один из которых начал рассказывать о необыкновенном счастье, которое привалило его односельчанке, солдатке крестьянке — Новгородской губернии Дарье Соколовой:

«Слышь, братцы, год тому назад вернулась из Питера к нам в деревню эта самая Дарья. Спервоначала служила она горничной у какого-то майора, а потом, родив от своего мужа-солдата ребенка, пошла в мамки к полковнику. Отошедши, значит, от него, когда ребеночка евойного выкормила, и припожаловала к нам в деревню. Дарья привезла много добра. Только сначала все хоронила его, не показывала. А тут с месяц назад смотрим, у мужа ее часы золотые появились. Слышь, братец, золотые! Стали мы его проздравлять, а он смеется и говорит: «Полковник ее за выкормку сына важно наградил!»

— Ну-ну, что дальше? — быстро спросил я Юдзелевича.

— А дальше я подсел к сей компании, спросил полдюжины пива, стал угощать их и выпросил у парня все об этой Дарье, кто она, где живет теперь и так далее... Тот все мне как на ладошке выложил. Вот-с, не угодно ли, я все записал.

— Ну, на этот раз ты и впрямь молодец, — радостно сказал я ему. — Теперь вот что. Ты и Козлов отправляйтесь немедленно туда, в деревню Халыню Новгородской губернии. Арестуйте эту красавицу Дашеньку и еще кого, если нужно, и доставьте сюда!

* * *

Приехав поздно ночью в деревню, они переночевали на местном постоялом дворе, а утром, чуть свет, бросились к становому приставу, представились ему, рассказали, в чем дело, и попросили его, чтобы урядник, сотский и десятский были на всякий случай наготове. Затем они вернулись обратно в Халыню и направились к дому, где жила Дарья Соколова.

И урядник, и сотский сказали, что мужа ее нет, он в Новгороде, в казармах.

Агентов встретила сама Дарья, красивая молодая женщина с холодным бесстрастным лицом, полная, рослая, сильная. Юдзелевич любезно поклонился деревенской красавице. Та улыбнулась, показав белые, ровные зубы.

— Позвольте, красавица, в гости зайти? — начал он.

— А чего вам надобно от меня? — не без кокетства спросила она.

— Поклон мы вам из Питера привезли.

— Поклон? Скажи пожалуйста, от кого это?

Юдзелевич свистнул. Из-за соседних изб появились сотский, десятский и урядник.

— От кого? От майора Ашморенкова с женой и сыном... И от горничной их, Паши! — быстро сказал агент.

Дарья Соколова вскрикнула, смертельно побледнела и схватилась обеими руками за сердце. Непередаваемый ужас засветился в ее широко раскрытых глазах. На минуту на нее как бы нашел столбняк, потом вдруг она опрометью бросилась в избу. Все присутствующие тоже бегом устремились за ней.

Она стояла у печи, прерывисто дыша и отирая руками крупные капли холодного пота. Губы ее шевелились, точно она читала молитву или хотела что-то сказать страшным «гостям».

— Арестуйте ее! — приказал сельским властям Юдзелевич.

Она взвизгнула и, когда те пошли к ней с полотенцами в руках, чтобы связать ее, стала отчаянно бороться, схватив с окна большой нож. Проявив необычайную, совсем неженскую силу, она швырнула от себя сотского, высокого рыжего детину, точно ребенка.

— Эх, здоровая баба! — воскликнул тот, сконфуженный.

Наконец она была связана, и как раз в эту минуту в избу вошел становой пристав. Начались допрос и обыск. Допрос не привел ни к чему, лихая «кормилица» упорно запиралась. Зато обыск дал блестящие результаты: в сундуке были найдены деньги, несколько процентных билетов, двое золотых часов, много серебряных вещей. В тот же вечер она в сопровождении полицейского офицера местной жандармерии была отправлена в Петербург.

* * *

Когда Дарья предстала передо мной, она была понура, бледна.

— Ну, Дарья, теперь уже нечего отпираться... У тебя найдены почти все вещи убитых в Гусевом переулке. Предупреждаю тебя: если ты будешь откровенна, это смягчит твою участь. Ты убила? — сразу огорошил я ее.

— Я.

— Кто же тебе еще помогал в этом страшном деле?

— Никто. Убила их я одна.

— Одна? Ты лжешь. Неужто ты одна решилась на убийство четырех человек?

— Так ведь они спали... — пробормотала Дарья.

И когда она сказала это — «они спали», — передо мной с поразительной ясностью встала ужасная картина убийства. Эти разбитые утюгом головы, это море крови, куски мозга, этот страшный

круг из крови и мозга, образовавшийся от верчения бедного мальчика по полу в мучительной агонии. И вспомнились мне слова пристава при виде разбитой головы майора: «Экий ударище! Экая сила!» А этот действительно ударище... нанесла женщина.

— Расскажи же, как ты убила, как все это произошло.

Несколько минут она молчала, точно собираясь с духом, потом решительно тряхнула головой и начала:

— Отошедши от полковника, потому ребеночка его уже выкормила, порешила я ехать на родину, в Новгородскую губернию. Тут и зашла я к господам Ашморенковым, у которых прежде служила горничной. Это было с Троицына на Духов день. Они позволили мне переночевать.

— Скажи, — перебил я ее, — зачем ты просилась у них переночевать? Ты уже в это время решила их убить и ограбить?

— Нет, спервоначала я этого не думала. Ночевать просилась потому, что от них до вокзала недалеко, а я решила ехать поездом рано утром. Часов в одиннадцать вечера улеглись все спать. Легла и я, только не спится мне... И вдруг словно что-то меня толкнуло... А что, думаю, если взять их да и ограбить? Добра у них, как я знала, немало было. В одном шкапчике сколько серебра и золота! Стала меня мозжить мысль: ограбь да ограбь, все тогда твое будет. А как ограбить? Сейчас догадаются, кто это сделал, схватятся, погоню устроят. Куда я схоронюсь? Везде разыщут, схватят меня. И поняла я, что без того, чтобы их всех убить, дело мое не выйдет. Коли убью всех, кто докажет на меня? Никто, кроме их, не видел, что я у них нахожусь... А я заберу добро, утром незаметно выйду из ворот и прямо на вокзал. Как только я это решила, встала сейчас тихонько, босая пошла в комнаты посмотреть, спят ли они. Заглянула к майору... Прислушиваюсь... Сладко храпит! Крепко! Шмыгнула в спальню барыни... Спит и она. И барчонок спит, а во сне чему-то улыбается...

Убедившись, что все они крепко спят, вернулась я в кухню и стала думать, чем бы мне их порешить. Топора-то в кухне не оказалось, ножом боялась, потому что такого большого ножа, чтоб сразу зарезать, не находилось. Вдруг заприметила я на полке утюг чугунный... Хороший такой, тяжелый. Взяла я его, перекрестилась и пошла в комнаты. Прежде всего прокралась в спальню майора. Подошла к его изголовью, взмахнула высоко утюгом да как тресну его по голове! Охнул он только, а кровь ручьем как хлынет из головы! Батюшки! Аж лицо все кровью залило! Дрыгнул несколько раз руками и ногами и, захрипев, вытянулся. Готов, значит. После того вошла я в спальню майорши. Та тихо поживает, покойно. Хватила я и ее утюгом по голове, проломила голову. Кончилась и она. Тогда подошла я к барчонку. Жалко мне его убивать было, а только без этого нельзя обойтись, пропаду тогда я. Рука моя, что ли, затряслась или что иное, а только ударила я его по голове не так, должно, сильно. Вскочил он, вскрикнул, кровь из головы хлещет, а он вокруг одного места так и вьется, так и вьется. Паша

не проснулась. Подбежала я к барчонку и давай его по голове утюгом колотить. Ну, тут уж он угомонился. Преставился. Последней убила я Пашу. Та так же после первого удара вскочила и бросилась бежать в комнаты. Настигла я ее у порога кухни и вторым ударом уложила на месте. После того и принялась за грабеж...

* * *

Суд приговорил убийцу-красавицу к пятнадцати годам каторжных работ.

РОКОВАЯ ПОЕЗДКА

Это было в 1868 году, 22 июля. В управление сыскной полиции поступило сообщение, что в парке, принадлежащем графине Кулешовой, близ станции Лигово найден труп зарезанного человека. Тотчас по получении уведомления о страшной находке на место происшествия отбыли следственные власти.

Труп был почти наполовину завален хворостом, мелкими древесными сучьями и лесным мусором. Очевидно, убийца или убийцы желали наскоро спрятать несчастную жертву от взоров людей. Когда весь мусор сбросили с покойного, глазам властей предстала страшная картина. На спине, лицом кверху, лежал человек высокого роста, средних лет, с курчавой бородкой. Одет он был чисто, прилично, по-мещански. Хорошие высокие сапоги, брюки, суконный пиджак, жилет. Голова его была судорожно запрокинута, лицо искажено страданием, рот широко открыт. Глаза тоже были открыты. В них застыло выражение ужаса. Шея представляла из себя как бы широкую красную ленту. Большая широкая рана зияла на горле. Грудь, руки, даже ноги — все было залито запекшейся кровью. Все невольно попятнулись от трупа — впечатление, которое он производил, было более чем тяжелое. Особенно жутко и неприятно было от выражения глаз. Они, казалось, хотели передать весь ужас и всю муку, которые пришлось испытать бедному страдальцу.

Даже привыкший к тягостным зрелищам доктор и тот не выдержал. Его передернуло, и он отрывисто пробормотал:

— Экие звери, что с человеком сделали! Без сомнения, — заключил тут доктор, — этого человека убили без борьбы, без сопротивления с его стороны. Если бы он боролся, защищался, дело не обошлось бы без ссадин, синяков и иных наружных повреждений. На него, по-видимому, напали врасплох и одним сильным и резким ударом ножа перерезали горло. Смерть должна была последовать почти моментально.

— Вы думаете, убийц было несколько? — спросил следователь.

Но прежде чем на этот вопрос ответил доктор, агент сыскной полиции, внимательно осматривавший место убийства, заметил:

— Да, без сомнения, их было несколько. Смотрите, как смята здесь трава.

— Кроме того, — добавил доктор, — судя по наружности, убитый должен был обладать большой физической силой. Вряд ли на него рискнул напасть один человек...

Осмотр одежды убитого дал важную и ценную улику. Оказалось, что с внутренней стороны его брюк было что-то срезано и, очевидно, тем же ножом, которым был зарезан убитый, так как на месте среза ясно виднелись кровавые пятна. Что именно было пришито к брюкам убитого, определить, конечно, не представлялось возможным, но это могли быть или внутренний потайной мешочек, или сумка, словом, какое-нибудь хранилище денег, ценных бумаг, документов. Становилось очевидным, что несчастный был убит с целью ограбления.

Дальнейшее расследование, которое повелось энергично, увы, пролило немного света на это кровавое дело. Прежде всего, конечно, приняли меры к выяснению личности убитого. С этой целью были произведены опросы по домам всего Петербурга, и вскоре обнаружилось, что по Забалканскому проспекту, из квартиры зажиточной немки, сдававшей комнаты внаем, неизвестно куда скрылся жилец, отставной унтер-офицер Шахворостов. Бросились туда, привели квартирную хозяйку к убитому. В нем она признала своего жильца.

Стали наводить справки о зарезанном Шахворостове. Розыски дали только следующие сведения: отставной унтер-офицер Шахворостов был холостым, жил один. На постоянном месте он не служил, занимался разными делами. Среди этих дел были частью подряды, частью комиссионерство. Слыл за человека с хорошими деньгами, жизнь вел трезвую, степенную.

— Кто чаще всего бывал у покойного? — допытывались у квартирной хозяйки.

— А мало ли кто к нему ходил, — отвечала она. — Человек он был замкнутый, скрытный. Ни о чем лишнем разговаривать не любил.

Как мы ни бились, следствие не подвигалось ни на шаг. Прошло около полутора лет, а убийцы так и не были обнаружены и гуляли на свободе.

* * *

Наступил январь 1871 года. В первых числах этого месяца я вспомнил о злосчастном деле Шахворостова и отдал приказ одному из агентов возобновить розыски. На этот раз эти розыски дали блестящие результаты.

В одном из темных притонов, посещаемых особенно охотно столичным подозрительным людом, случайно находился и один из наших агентов. За несколько дней до этого произошло ограбление купца, и агенты выслеживали преступников по всем значным местам. Вдруг до слуха агента, сидевшего переодетым за одним из столиков, донесся разговор двух субъектов, пивших пиво.

— Да, братец, такова-то оказалась его благодарность... Вчера я опять пристал к нему. Дай, говорю, Иван Васильевич, рубликов

хоть двадцать, потому я без места. А он швырнул мне тридцать пять копеек, как собаке, и отвечает: «Доколе сосать вы, ироды, из меня соки будете?» Это его-то я сосу? Ты примерно-то рассуди: тридцать тысяч на этом деле он заработал. Ведь мне Спиридонов говорил, что в сумке больше тридцати одной тысячи оказалось!

Агент насторожился. Слово «сумка» его особенно поразило. Он впился глазами в говорившего. Это был парень средних лет, прилично одетый, с типичным кучерским лицом. Волосы курчавые, пушистые, остриженные «под скобку», густые пушистые усы.

— А ты бы ему пригрозил, коли, мол, как следует не поделишься, все открою, донесу.

— И то, братец, говорил я ему, а он только смеется: «Что же, — говорит, — донеси, вместе по Владимирке пойдем, веселей будет».

Через несколько минут собеседник субъекта с кучерской внешностью куда-то исчез, остался только один, обиженный и обойденный в дележке. Агент быстро вышел, привел наружную полицию и немедленно арестовал неизвестного.

В три часа ночи неизвестный был доставлен в управление сыскальной полиции. На другой день, десятого января, он был допрошен. Сначала он отпирался, плел нечто несуразное, потом наотмашь перекрестился и начал свою исповедь-покаяние. На вопрос: «О каком тайном преступлении беседовал с приятелем в притоне?» — он ответил:

— Грех это — убийство Шахворостова. Только я-то сам не убивал его...

В ходе допроса выяснилось, что его зовут Тимофеем Шаровым, он кронштадтский мещанин, в Петербурге живет почти двадцать лет. Сначала служил кучером у Мятлевых, потом поступил к генералу Лерхе и, наконец, к Татищеву. У Татищева вторым кучером служил Спиридонов. В один грустный для них день и Шаров, и Спиридонов были уволены от должности кучеров вследствие пропажи кучерской одежды.

* * *

— Отойдя от места, — продолжал свой рассказ Шаров, — поселились мы в том же доме Раудзе, на квартире у Прасковьи Тимофеевой. В этом доме находилось питейное заведение, которое содержал Бояринов, а работал в заведении его зять, крестьянин Иван Васильевич Калин. Подручным у него был Егор Денисов. Мы со Спиридоновым частенько заходили в заведение. Только раз Спиридонов мне и говорит: «Сделай милость, достань дурману, необходимо нам...» — «Зачем?» — спрашиваю его. «А затем, — говорит Спиридонов, — что Иван Васильевич хочет напоить им одного недруга своего, а потом, когда тот очумеет, дать ему основательную трепку». Он мне все объяснил, оказывается, что какой-то богатый делега-парень, Шахворостов, взял у Ивана Васильевича сто рублей за то, что при-

ищет ему подходящее помещение под питейное заведение, а сам никакого помещения не нашел, да и деньги назад не возвратил. Вскипел, значит, дай, дескать, проучу Шахворостова.

— Ну и что же, достал ты дурман? — спросил я Шарова.

— Как же, достал. Отправился к коновалу Кавалергардского полка. Дал он мне сонного зелья, а я доставил его Ивану Васильевичу. Тот стал, значит, пробу делать. Настоял водки и дал Спиридонову выпить рюмочку. Выпил Спиридонов и ушел домой. Наутро, глядь, приходит к нам и говорит: «Ну братцы, ни черта не стоит ваш дурман. Не действует! Я как лег, так и встал...» Иван Васильевич на меня пенять стал. «Какой же это, — говорит, — дурман? Что же я таким зельем поделаю с Шахворостовым?»

— Скажи, — спросил я у Шарова, — а почему Калин так упорно желал одурманить Шахворостова? Действительно ли для того, чтобы только «поучить» его, или же для какой-либо иной цели? Ну, например, для того чтобы его ограбить?

— Не знаю точно, но так полагаю, что и на его деньги, может, зарился, потому покойный Шахворостов слыл в больших деньгах.

— Так, стало быть, вы попросту убить и ограбить его желали? — строго спросил я.

Шаров помолчал.

— Да, не буду таиться... Действительно, когда не удалось нам опоить зельем Шахворостова, стали мы подумывать, каким иным способом порешить с ним и ограбить его. И, мой грех, я первый надоумил компанию нашу так поступить: заманить Шахворостова в местность Мятлевских дач, а там его и убить.

— И вы так и сделали?

— Так и сделали.

* * *

— Раз как-то зашел в питейное заведение покойничек. Мы четверо: я, Иван Васильевич Калин, Спиридонов и подручный Егор Денисов начали предлагать ему место, говоря, что близ Мятлевских дач, в Лиговском парке, требуется, дескать, человек опытный, знающий, для присмотра за рабочими. Жалованье чудесное дадут. Разгорелись глаза у Шахворостова. «Что ж, — говорит, — братцы, я согласен. Поедемте, вот только домой за аттестатами схожу». И ушел. А мы радоваться зачали. Вот когда, мол, попался ты на удочку! Это почище дурману будет! Вернулся скоро Шахворостов. Отправились мы все на Петергофский вокзал и поездом в десять часов утра поехали в Лигово. Я поехал в другом вагоне, а Шахворостов ехал вместе с Калиным, Спиридоновым и Денисовым.

— Почему же ты ехал отдельно?

— Чтобы не попадаться на глаза Шахворостову, — ответил Шаров. — Он, так вам скажу, недолюбливал меня, подозрительно ко мне относился...

— Что же, вооружены чем-нибудь вы были?

— У Ивана Васильевича Калина нож был. Когда Шахворостова пригласили ехать в Лигово, он вынул нож складной, с черным черенком, и остро-преостро наточил его на бруске. Все о ноготь свой пробовал, остро ли нож режет...

Когда приехали мы в Лигово, то они повели Шахворостова к Кушелевой даче. Я же, хоронясь, издали за ними следовал. Смотрю, повернули они в лес... Я тайком за ними. Прошло примерно минуты две. Вдруг страшный крик. Хоть и ожидал я такое окончание дела, а все же, поверите, от этого крика словно очумел. Так жалостно закричал Шахворостов, ну вот словно из него жилы вытягивали! Прибежал, смотрю. Лежит это Шахворостов уже убитый, зарезанный, а кровь из раны так и льет. Руками-то, бедняга, еще как будто землю роет, а Иван Васильевич, Спиридонов да Денисов на него хворост да древесный сор сыплют...

Когда я прибежал туда, вдруг все всполохнулось — совсем близко послышался звук лошадиных копыт. Бросились тогда все наутек, побежал и я. Смотрю, на дороге сумка черная, клеенчатая. Схватил я ее и еще пуще побежал. Выбежал из леса, остановился передохнуть. Потом пошел к речке и выкупался, больно уж жарко, да и не по себе мне было. Выкупавшись, пошел я по шоссе пешком в Петербург, куда и прибыл около семи часов вечера. Как пришел, прямо направился в заведение Ивана Васильевича, отдал ему сумку и выпил осьмушку водки. Потом в баню отправился. Из бани вернулся в заведение и спрашиваю Калина: «А сколько примерно в сумке капиталов находится?» — «Шестьсот рублей», — отвечает Калин. На другой день пришел я к нему и говорю: «Ой врешь, Иван Васильевич, не может того быть, чтобы у Шахворостова так мало денег было...» А Калин тогда засмеялся и сказал, что пошутил, что денег оказалось шесть тысяч.

После убийства Калин стал выпроваживать меня и Спиридонова из Петербурга. «Езжайте, — говорит, — куда-нибудь, а то ведь, дурачье, проболтаетесь». Он дал мне всего тридцать рублей, поехал я в Москву. Пробыл там около трех месяцев. Оттуда писал Калину о нужде своей, но он ничего мне не прислал. Вернувшись в Петербург, я стал снова наведываться к нему. В первый раз он дал мне всего восемь рублей, а потом выдавал все по грошам. Когда тридцать, когда двадцать копеек...

— Сколько всего было в сумке у Шахворостова? — допытывались у Шарова.

— Спиридонов перед отъездом моим в Москву рассказывал, что Калин в сумке зарезанного нашел более тридцати тысяч...

* * *

На основании показаний Шарова все соучастники этого злодеяния были разысканы и арестованы. Кровь убитого отомстила за себя.

ЧЕЛОВЕК-САТАНА

Дело было в 1870 году. Ранним утром двадцать пятого ноября городской Анцев нашел посреди Семеновского плаца труп неизвестного мужчины, лежавший на снегу лицом вниз. Руки несчастного были вытянуты вдоль туловища. Городовой немедленно сообщил в квартал о страшной находке. При осмотре трупа врачом и местной полицией было обнаружено, что на шее покойного находится туго затянутая так называемая «мертвая петля», сделанная из крепкой бечевки. В кармане убитого была найдена колода засаленных карт и несколько иголок. При более тщательном осмотре трупа на среднем пальце правой руки покойного были обнаружены уколы, по видимому, от иголки.

На основании этих данных заключили, что задушенный принадлежит к цеху портных или обойщиков. Однако это предположение оказалось ошибочным. Вызванные полицией портные и обойщики со всего Петербурга не признали покойного.

Дело оказалось загадочным и запутанным. Не было ни малейшего следа, который позволил бы выяснить даже личность убитого. Кто он? Как попал на Семеновский плац? Почему у него в кармане карты и иголки? Кто убийца? Кругом на снегу были следы, но ведь плац — место, по которому проходят многие. В таком виде дело поступило ко мне, в сыскную полицию.

* * *

Прежде всего я позвал к себе агента и отдал ему такой приказ: — Вы переоденетесь в соответствующий костюм, как можно более рваный, и отправитесь в самые грязные притоны, где ютятся темные личности, столичная рвань. Особенно не забывайте домов терпимости и ночлежек. Внимательно всматривайтесь, а главное, вслушивайтесь. Я твердо верю, что только этим путем мы найдем ключи к разгадке преступления на Семеновском плацу.

Такие же инструкции я дал и другим агентам сыскной полиции. Всюду, где собирались подонки столичного пролетариата, находились представители сыскной полиции...

И вот в то время, когда следствие шло полным ходом, случилось второе такое же преступление. Двенадцатого декабря на Преображенском плацу был обнаружен труп новой жертвы с «мертвой пет-

лей». Тот же узел из крепкой бечевки на шее, те же судорожно вытянутые вдоль туловища руки, то же страдальческое выражение лица.

Я с особым старанием налег на дело о «мертвой петле». Вера в мой план начинала мало-помалу подкрепляться, один из моих агентов донес мне, что, находясь в одном из притонов, особенно охотно посещаемых петербургскими мазуриками, он прослышал, что какой-то Захарка рассказывает своим приятелям, будто он вместе с каким-то Ефремкой задушил и ограбил на Семеновском плацу человека. Это была первая путеводная нить к разгадке преступления. Ухватившись за нее, я отдал вторичный приказ о розысках неведомых Захарки и Ефремки.

* * *

В ночь на четырнадцатое декабря один из наших агентов находился в грязном трактире «Пекин» на Моховой улице. Этот трактир пользовался недоброй славой. Сидя за одним из столов, агент обратил внимание на сидевшего за соседним столом субъекта. Это был парень лет тридцати, невысокого роста, плечистый, коренастый, обладающий, по-видимому, большой физической силой. В его полупьяных небольших серых глазках светились хитрость и нахальство. Было в нем что-то развратное, отталкивающее. Он жадно пил водку, отвратительно громко причмокивая, точно зверь, лижущий живую кровь. Агент не сводил с него глаз и вдруг услышал, как парень обращается к упитанному буфетчику:

— А ты, мил человек, веревочку напрасно на пол бросаешь!

— Аль тебе нужна зачем? — сонно ответил буфетчик.

— А может, и нужна, ха-ха-ха! — залился скверным хохотом парень. — Бечевка, слышь, вещь полезительная... Мало ли на что требуется. Из бечевочки можно петельку сделать.

И он, плотоядно оскаливая хищные белые зубы, громко затянул песенку:

Эх, бечевка, эх, бечевка,
Петелька моя!
Ты люби, люби ворочка,
Паренька меня.

Агент мне рассказал, что только он услышал эту песню, как немедленно бросился из «Пекина», позвал полицию и, войдя снова в грязный трактир, направился к парню и арестовал его.

В первый момент этот парень, Ефремка, оказавшийся крестьянином Ефремом Егоровым, страшно изменился в лице. По-видимому, сильно струхнул, но по дороге в сыскную полицию уже оправился от испуга. Совершенно развязно, почти нагло отрицал он свое знакомство с Захаркой, равно как и соучастие в убийствах. «Знать не знаю, ведать не ведаю», — повторял он на все задаваемые вопросы.

Нам пришлось немало повозиться с ним. Как его ни сбивали наши опытные в допросах агенты, он стоял на своем. Было очевидно, что мы имеем дело с опытным и ловким злодеем и смутить его можно только представлением явных, неоспоримых доказательств преступления. Поэтому все усилия были направлены на розыск таинственного Захарки.

Некоторое время все эти розыски не давали никаких результатов. Были обслежены все ночлежки, все питейные места, все тайные и явные приюты разврата. Но Захарки найти не удавалось.

И вот совершенно случайно один из агентов услышал в одном трактире, будто какой-то Захарка заболел. Немедленно все бросились по больницам. Были просмотрены все приемные книги, и наконец в Петропавловской больнице нашли лицо, значившееся крестьянином Новгородской губернии Захаром Борисовым.

Теперь в руках сыскной полиции находился субъект, известный среди воровской братии под кличками «Захарка», «Никитка», «Бориска». Арест его был произведен прямо в больнице.

Он, вызванный для допроса, вошел в контору больницы в халате, бледный, трясущийся.

— Это ты убил человека на Семеновском плацу? — сразу оголошал я его.

Он совсем растерялся и еле-еле ответил:

— Что вы... Помилуйте... И не думал никого убивать.

— Ты лжешь! Твой приятель Ефремка все нам откровенно рассказал, выдал тебя, сознавайся лучше откровенно.

— Ефремка?! — вырвалось у него. — Подлец... Что ж, теперь, видно, и впрямь попался.

И он рассказал следующее.

* * *

— Вечером двадцать четвертого ноября сидел я в доме терпимости в Свечном переулке. Должно, часов в одиннадцать пришел приятель мой, Ефрем Егоров, а с ним какой-то высокий молодой человек, одетый в синюю поддевку. Его Ефремка братом своим Иваном называл. Иван был пьян. Ефремка с Иваном сели за стол и пива потребовали. Подсел я к ним, и стали мы разговаривать. Стал я Ефремке и Ивану плакаться на судьбу мою, что, дескать, работы лишился, околачиваюсь без дела, никакого пристанища не имею. А он, Ефремка, хитро улыбается и говорит мне: «Эх, дурак ты и есть, разве статочное дело, чтобы в Питере, в первекующей столице, да делов не сыскать?» — «А где, — говорю ему, — делов этих сыщешь? Тоже нашего брата немало тут шляется, всем работы не очень-то и хватает». — «Иди, — говорит Ефремка, — со мною, у меня переночуешь, а после я тебя на место поставлю».

Далее Захар Борисов рассказал, что во время питья пива Егоров вынул «цигарку», размельчил ее и незаметно высыпал табак в стакан Ивана. Иван, ничего не заметив, выпил ядовитую смесь пива

с табаком. В этом веселом заведении Иван показывал новенький паспорт и хвастался собутыльникам купленными рубашкой и шароварами. «У меня, слышь, деньги есть», — говорил совсем очумевший от «смеси» горемычный Иван.

— Из заведения мы вышли, — рассказывал дальше Захар Борисов, — около трех часов ночи. Мороз даже лютый стоял. Ночь была темная. Ивана совсем развезло, он еле ноги передвигал, так что мы его поддерживали. Пройдя разными переулками, вышли на Семеновский плац. Глухо там, даже страшно. Ни одного прохожего, только ветер гудит. Жуть меня взяла, и я говорю Егорову: «Нешто нам по плацу идти?» — «Иди, — говорит Ефрем, — куда ведут». Пришли на плац. Как только дошли мы до середины его, смотрю, Ефрем вытаскивает из кармана бечевку. Выхватил ее, быстро, ловко сделал петлю да как накинет ее на шею Ивану! Покачнулся Иван, руками-то все время за веревку хватается, а сам хрипит, таково-то страшно хрипит. Обалдел я со страху, вижу — душит Ефрем Ивана. «Руки его держи, черт! — закричал на меня Ефрем. — Не пускай, чтобы он петлю оттягивал, дьявол!»

Бросился я тут бежать, такой страх на меня напал, чувствую, вот-вот сердце из груди выпрыгнет. Господи, думаю, что он с ним делает? Убивает! Бегу, бегу, да вдруг взял и оглянулся. Смотрю, а Ефрем-то Ивана оставил, за мной гонится. Шибко он меня догонял... Догнал, ударил меня, повалил, выхватил из кармана нож, приставил мне к горлу, а сам аж трясется весь от злости. «Ты что же, — говорит, — бежать от меня задумал?! Стой, шалишь! Вот те сказ! Ты мне помоги его прикончить, или я, — говорит, — убью тебя... Как барана, зарежу!» Что ж мне делать-то было? Побежали мы к Ивану, а он, глядим, встал и шагов двадцать, должно, уже сделал. Накинулся тут Ефрем на Ивана, как зверь, подмял его под себя и опять петлей душить стал. А я руки Ивана держал, чтоб он их к шее своей не тянул. Извиваться начал Иван, ногами все снег роет, руки изгибает, хрипит, посинел весь, глаза вылезать стали... Скоро затих, бедняга, вытянулся. Готов, значит...

Когда Захар Борисов это рассказывал, мы, привыкшие уже к разным исповедам, не могли подавить в себе чувства леденящего ужаса.

Далее, по словам Захара Борисова, дело происходило так. Они оба сняли с убитого поддевку, вытащили паспорт и кошелек, причем все эти вещи взял Егоров, надев на свою голову и шапку удушенного. Отсюда они пошли в Знаменский трактир, где пили чай, а потом улеглись спать на стульях. Когда Борисов в шесть утра проснулся, Егорова уже не было.

Теперь явные и неоспоримые улики были налицо. Сыскная полиция принялась за Егорова, стараясь добиться признания в совершении им двух убийств. Но, несмотря на все эти улики, несмотря даже на то, что на нем оказалась рубашка убитого Ивана, преступник упорно молчал.

* * *

Во время предварительного следствия было обнаружено еще одно преступление, совершенное этим закоренелым злодеем. Оказалось, что Егоров вместе с каким-то Алешкой ограбили на Семеновском же плацу часовщика. Разысканный «Алешка», оказавшийся крестьянином Алексеем Калининым, рассказал следующее.

Как-то встретился он с Егоровым в «веселом доме», разговорился с ним, поведав ему о своем безвыходном положении. Великодушный Егоров предложил ему идти вместе «торговать», что на воровском жаргоне означает «воровать». В двенадцать часов ночи они встретили в Щербаковском переулке неизвестного человека, прилично одетого, пригласили его «разделить компанию» и завели на Семеновский плац. Здесь Егоров бросился на жертву со своей знаменитой «мертвой петлей», быстрым движением накинул ее на шею часовщика. Однако на этот раз Егоров свеликодушничал, предложив растерявшемуся, до смерти перепуганному человеку:

— Кошелек или жизнь?

Тот беспрекословно отдал душителю пальто. Егоров, затянув бечевку на шее часовщика, оставил его на плацу. За «содействие» Егоров дал Калинину два рубля. Ограбленный, хоть он и не заявлял о происшествии, был, однако, разыскан сыскальной полицией и на очной ставке признал в Егорове душителя.

* * *

Когда в день суда Егорова ввели в окружной суд, разыгралась следующая возмутительная сцена. Увидев арестанта, истово молившегося Богу, Егоров цинично расхохотался.

— Дурак! Лоб-то хоть пожалей, кому и чему ты кланяешься? Твой Бог не придет к тебе на выручку, не спасет тебя!

Егоров был осужден. Так закончилось это дело с «мертвой петлей», дело человека-сатаны.

УБИЙСТВО ПОД СЕНЬЮ СВЯТОЙ ОБИТЕЛИ

Вечерня отошла. Братия Александро-Невской лавры, помолясь, разбрелась по кельям. Войдя в свою келью, иеромонах Илларион позвал монастырского служителя Якова:

— Вот что, чадо, принеси-ка ты мне дровец да купи табачку, нюхательного, знаешь, «березинского».

— Слушаю, отче! — ответил служитель из бессрочно отпускных рядовых, Яков Петров.

Он сбегал за дровами, принес их в келью Иллариона.

— Прикажете, отче, затопить?

— Нет!.. Оставь, сам после это сделаю. А ты вот насчет нюхательного зелья...

Яков отправился. Но хоть и в монастыре он живет, а не оставляет его лукавый своими искушениями да наваждениями. Любит Яков выпить, ох как любит! Так случилось и на этот раз. Отправляясь за табаком для иеромонаха Иллариона, повстречал он за оградой лавры своего приятеля, разболтались они и решили зайти в ближайший трактир раздавить сороковочку.

— Мне, слышишь, братец, некогда. За табаком послали меня, долго прохлаждаться не будем.

Но искушение оказалось сильнее. От одной посуды перешли к другой, и время в разговорах прошло незаметно.

Было около восьми часов вечера, когда Яков возвратился с «березинским» нюхательным зельем. Не без робости подошел он к келье отца иеромонаха. Постучал. Никакого ответа. Позвонил. Молчание. «Верно, к кому из братии пошел Илларион», — подумал Яков.

Поздно вечером попытался он вторично вручить Иллариону пачку табаку, но келья по-прежнему была заперта. Настала заутреня. Потянулась лаврская братия в церковь, а иеромонаха Иллариона среди них нет. «Что за чудо? — думает Яков. — Неужто отче иеромонах проспал?»

Настала обедня. Опять среди братии не видит Яков отца Иллариона. «Неладно тут что-то», — решил Яков и, лишь только отошла обедня, подошел к келье Иллариона и стал смотреть в замочную скважину. И почти в ту же секунду тихие, спокойно-величавые коридоры монастыря огласились страшным, полным ужаса криком Якова: «Убили! Убили!» Этот крик, глухо подхва-

ченный эхом монастырских сводов, прокатился по лавре. Из келий повыскакивала встревоженная братия.

— Что такое? Кто убил? Кого убил? — посыпались возгласы испуганных монахов.

— Убили! Убили! Иеромонаха Иллариона убили! — неистово кричал ошавевший от ужаса Яков, мчась по коридору.

Монахи бросились за ним. Яков, пробежав до кельи иеромонаха Нектария, ворвался туда и прерывистым голосом заговорил:

— Бегите, отче, к благочинному... Дайте знать... Отец иеромонах убит!

— Что? Как?

— Подошел это я к келье его, дай, думаю, погляжу, что такое значит, что отец Илларион ни к утрени, ни к обедне не выходил. Посмотрел я в замочную скважину да и обмер. Вижу — лежит Илларион на полу, весь в крови...

— Скорей... Скорей... — заволновался иеромонах Нектарий. — К отцу благочинному... К казначею...

Невообразимая паника воцарилась в лавре. Братья суетливо перебегали с места на место, охая и крестясь. Через несколько минут к келье иеромонаха Иллариона подошли благочинный лавры, казначей и иеромонах Нектарий. Сзади пугливо жались монахи.

* * *

В три часа дня ко мне в кабинет поспешно вошел, вернее, вбежал правитель канцелярии:

— Ваше превосходительство, страшное злодеяние! Убит иеромонах Илларион из Невской лавры! Сию минуту нам дали знать об этом!

Я вскочил.

— Сейчас же сообщить прокурору и следователю.

Через десять минут я уже летел к месту убийства. У ворот лавры я встретился с судебными властями. Наскоро поздоровавшись, мы направились к огромному зданию, в котором находились кельи монашествующих.

— Сюда... Сюда пожалуйста... — понуро указывал нам дорогу пожилой монах с бледным, скорбным лицом.

Крупные слезы катились по его лицу.

У входа в монастырское общежитие нас встретил благочинный.

— Несчастье у нас, господа... — проговорил он, осеняя нас благословением. — Иеромонаха убили.

Мы вошли в келью убитого. Тело иеромонаха Иллариона лежало в прихожей, поперек комнаты, головой в сторону входных дверей, руки раскинуты. Лицо покойного было обращено вверх. Горло проколото в нескольких местах. Зиявшие раны были полны уже запекшейся кровью. Огромные лужи крови виднелись и вокруг трупa. Он, казалось, плавал в кровавом озере. На правой ладони убитого виднелся глубокий порез.

— Несчастный отчаянно защищался, — заявил нам доктор. — Видите эти раны на руке? Он хватался за нож убийцы, стараясь его обезоружить.

— А вот и орудие преступления, — сказал я, поднимая с пола два ножа.

Один из них был хлебный, другой — перочинный, лезвие которого было согнуто.

— Убийца, очевидно, во время борьбы поранил изрядно себе руки. Видите, вся ряса убитого испачкана отпечатками кровавых пальцев, — вмешался судебный следователь.

Вместе с прокурором и следователем мы занялись тщательным осмотром кельи несчастного иеромонаха.

За перегородкой этой комнаты, у окна виднелась лужа крови. Брызги ее попали и на подоконник, и на лежавший тут расколотый сахар. В большой комнате тоже повсюду следы крови. Комод, шкапулка взломаны, на них кровавые следы от рук. На стуле мы нашли тяпку, употребляемую для колки сахара.

— Убийство совершено с целью грабежа, — заметил я.

— Без сомнения, — ответил следователь.

— Убийца порезал себе руки. Это очень важная улика.

— Семь проколов горла! — обратился к нам доктор. — Убийца, которому оказали ожесточенное сопротивление, не мог, очевидно, сразу нанести быстрый и сильный удар, поэтому видите, сколько ран на горле жертвы.

— Ага! — воскликнул я, заглянув в печь. — Эти пуговицы доказывают, что убийца сжигал в печке свою одежду.

Покончив с осмотром, мы приступили к первоначальному допросу.

— Скажите, отец благочинный, слыл ли покойный за человека состоятельного?

— Не думаю. Мне, конечно, в точности неизвестно, сколько у отца Иллариона было денег, но предполагаю, что о больших суммах не может быть и речи.

— Нет ли у вас подозрения на кого-либо? Вам, конечно, лучше должны быть известны распорядки вашей монастырской жизни, равно как и лица, здесь бывающие.

— Откровенно вам скажу, в ум не могу взять, кто бы это мог решиться на столь страшное злодеяние, — развел руками благочинный.

Нужно было нам самим нащупывать след к поимке злодея. Я велел позвать монастырского служителя Якова. Он повторил свой рассказ о том, как покойный посылал его за табаком и как наконец он обнаружил убийство.

— Покажи-ка, братец, свои руки! — приказал я ему.

Он спокойно протянул их. Мы все впились в них глазами, особенно доктор. Руки были чистые, без единого пореза. Я отпустил Якова и обратился к казначею лавры:

— Скажите, отец казначей, кто у вас прежде служил в прислужниках?

Казначей назвал имена и фамилии. Я приказал агенту Назарову записать их.

— Ну а кто за последнее время посещал лавру?

Среди нескольких лиц отец казначей назвал, между прочим, Ивана Михайлова, который до сентября прошлого года был монастырским служителем.

— А не знаете ли вы, когда в последний раз был в лавре этот Иван Михайлов?

Тут вперед выступили два монаха и заявили, что видели Михайлова три дня назад, то есть накануне убийства иеромонаха Иллариона. Михайлов явился в лавру без всякой надобности, провел в ней целый день и накануне убийства ночевал в лавре. Затем он появился в монастыре в день совершения преступления. Это было весьма ценное указание.

— Где же мог ночевать у вас Михайлов? — спросил следователь.

Мы приказали позвать всех сторожей. Один из них заявил, что Михайлов ночевал у него и собирался в девять часов вечера уехать к себе на станцию Окуловка.

— Ну, теперь, — тихо сказал я прокурору и следователю, — будьте покойны, господа, я скоро найду убийцу.

* * *

В тот же день, поздно ночью, я позвал к себе нескольких агентов.

— Вот в чем дело, господа. У Назарова записаны лица, служившие раньше в лавре и бывавшие в ней в последнее время. Ознакомьтесь с этим списком и немедленно начинайте действовать, но с крайней осторожностью, чтобы не спугнуть настоящего преступника. Соберите о них самые тщательные сведения и, по мере их получения, донесите мне.

Отпустив их, я велел позвать к себе Назарова.

— Ну-с, Назаров, вам представляется случай отличиться, так как убийство иеромонаха Иллариона является далеко не заурядным преступлением. Завтра первым утренним поездом вы отправитесь на станцию Окуловка. Из расспросов сторожа лавры, у которого провел ночь Михайлов, я знаю, что Михайлов служил раньше на этой станции стрелочником, затем, будучи уволенным, приезжал в Петербург хлопотать о новом месте. Имейте в виду, Назаров, что вы должны соблюдать полнейшее инкогнито, дабы весть о вашем прибытии на станцию не дошла до Михайлова прежде, чем вы его схватите и допросите, учинив, конечно, у него и обыск. Я дам вам открытый лист, в котором предпишу всем местным властям оказывать немедленное и энергичное содействие во всем, что вы найдете необходимым предпринять.

Я сел за стол, написал эту бумагу и вручил ее Назарову.

Наутро, в половине девятого, Назаров выехал на станцию Окуловка. Всю дорогу Назаров действовал умно, тонко, осторожно.

Зная, как часто совершенно случайно, из обрывка какой-либо фразы удавалось напасть на верный след или хотя бы поймать кончик таинственной нити преступления, Назаров незаметно ко всему приглядывался, прислушивался. Он ловко завязал разговор кое с кем из поездной прислуги и кондукторской бригады.

— Вы сами не из Окуловки? — спросил он одного кондуктора.

— Нет, а что?

— Да так... Человечка одного мне надо там разыскать... О месте он хлопочет.

— А ты, Степан Кондратьич, слышал, — вмешался в разговор другой кондуктор, — как раз в Окуловке, о которой господин говорил, какой-то бывший служащий здорово деньги швыряет?

— Кто такой? — равнодушно спросил Назаров, хотя сердце его так и запрыгало.

— А вот этого, господин, не сумею вам сказать. Я от других служащих это слышал. Рассказывали они, будто этот человек прежде кем-то служил при станции, а потом его уволили. Удивительное дело!

Разговор прекратился. Этот счастливый случай еще больше укрепил уверенность Назарова, что розыски преступника идут по верному пути.

Наконец в вагоне раздался выкрик кондуктора: «Станция Окуловка, поезд стоит три минуты!» Был восьмой час вечера. На дворе трещал январский лютый мороз. Темная ночь прорезывалась светом станционных фонарей. Назаров стоял на платформе и нетерпеливо ожидал отбытия поезда. Наконец в морозном воздухе глухо прохрипел паровозный гудок, поезд двинулся. Назаров поспешно пошел к начальнику станции.

— Господин начальник станции?

— К вашим услугам.

— Прошу вас, пройдемте в кабинет. Я — агент сыскной полиции. Нам необходимо переговорить по крайне важному делу.

В кабинете начальника станции Назаров рассказал ему, в чем дело, и попросил помочь в розысках.

— Все, что могу... Располагайте мной... — проговорил взволнованный начальник станции.

— Видите ли, в этом деле необходимо соблюдать величайшую осторожность. Надо, чтобы Михайлов...

— Их двое. Один — Иван Михайлов, бывший стрелочник, ныне уволенный, и брат его Федор, служащий в трактире, — предупредил станционный начальник.

— Прекрасно. Надо, чтобы они как-нибудь не пронюхали о готовящейся на них облаве. Поэтому у меня такой план. Прежде всего я, конечно, обращусь в полицию, приглашу ее для помощи. А затем вот что: не можете ли вы из числа ваших служащих назвать какого-нибудь честного, осторожного, осмотрительного, словом, верного и надежного человека, который бы знал лично Михайлова и мог указать его местожительство?

— Могу порекомендовать вам Лукинского, — ответил начальник. — Он — старший стрелочник Окуловки, за его добросовестность я ручаюсь.

— Прекрасно. В таком случае будьте любезны послать за ним, а я немедленно распоряжусь о вызове станového пристава. Вы позволите мне послать за ним вашего жандарма?

— О, пожалуйста...

Назаров черкнул на карточке несколько слов приставу, приглашая его сейчас же явиться с чинами полиции, и жандарм полетел к нему.

* * *

Между тем на станцию явился Лукинский, так хорошо аттестованный начальником станции.

— Ты знаешь, любезный, Михайловых? И в особенности Ивана Михайлова? — спросил Назаров, внимательно вглядываясь в наружность старшего стрелочника.

— Как не знать, ваше благородие, он ведь служил у нас. Пустой человек! А только, ваше благородие, явился он три дня тому назад из Питера и больно много денег с собой привез. Золотые монеты у него объявились и вещи разные. Как приехал, давай кутить с братом своим Федором.

— Где же кутили они?

— А в трактире Сметаниной.

— Скажи, Лукинский, как ты думаешь, где они теперь должны быть? — спросил Назаров.

— Да где же им быть, окромя трактира? Наверное, там.

Назаров шепотом еще раз спросил начальника станции, можно ли довериться Лукинскому.

— Говорю вам, господин агент, — тихо ответил начальник, — я за него ручаюсь.

— Ну, Лукинский, так ты вот что сделай: отправляйся сейчас же и узнай, где находятся Михайловы. Если их нет в трактире, то ищи в другом месте, но помни — ни единым словом не проговаривайся им о том, что их ищут! Слышишь?

— Будьте спокойны, ваше благородие... Сам понимаю.

— И как только ты их найдешь, сейчас же беги сюда! Не мешкай, время дорого. Ну, ступай.

Прошло около полчаса, в течение которого Назаров с нетерпением поджидал прибытия местной полицейской власти. И вдруг произошло то, чего Назаров, да и сам начальник станции, ожидал менее всего. Лукинский вернулся на вокзал, еле держась на ногах — до такой степени он был пьян. Он шатался из стороны в сторону, язык его совсем заплетался!

— Однако вы хорошо знаете людей, которых рекомендуете и за которых ручаетесь! — обратился Назаров к сконфуженному и перепуганному начальнику станции. — Знаете ли вы, что, благо-

даря этому весь успех поимки предполагаемых убийц может свестись к нулю?.. Ты что же это, любезный, налился раньше времени, а? — напустился на стрелочника Назаров. — Ну, говори, отыскал Михайловых?

— О-от... отыскал, — еле пробормотал «примерный стрелочник».

— Где же они?

— В трактире.

— В каком?

— В трак... тире, говорю вам.

Как раз в это время прибыл становой пристав всего с одним десятским.

— Неужели у вас нет еще полицейских служителей? — обрattился Назаров к приставу. — Помилуйте, что мы будем делать с одним десятским? Придется, быть может, устраивать засаду, а то и силой забирать этих молодцов... Где же другие? Где урядник?

— А черт их знает, где их нелегкая носит! — буркнул пристав.

Взять с собой жандарма со станции было нельзя, так как вскоре должен был прибыть поезд.

— Нечего делать, времени терять нельзя. Тем более что этот Лукинский мне очень подозрителен. Кто его знает, может, он предупредил Михайловых, — решил Назаров. — Далеко до трактира Сметаниной?

— Нет, близко, — ответил пристав.

После бесконечных переходов то вправо, то влево Назаров увидел деревянное здание, довольно ярко освещенное. Это и был трактир Сметаниной.

— Вот что, господа, вы останьтесь здесь у двери, так как ваше появление может спугнуть Михайловых, а я войду в трактир один с этим пьяным дураком-стрелочником. Как только свистну, спешите ко мне.

Сказав это, Назаров, пропуская вперед себя Лукинского, смело вошел в заведение окуловской купчихи. Обычная обстановка заходистых трактиров. Столы, покрытые красными скатертями, колченогие стулья, буфет, клубы дыма от махорки и дрянного табака, гам многих голосов и отвратительный, удушливый воздух, пропитанный винным и пивным перегаром.

— Где же Михайловы? Которые? Указывай! — прошептал Назаров, сжимая руку старшего стрелочника.

Лукинский выдернул руку и пьяным голосом, заикаясь, дерзко проговорил:

— А я почем знаю... Никаких Михайловых тут нет. Ничего не знаю.

— А, вот что! — воскликнул Назаров и, выхватив свисток, протяжно свистнул.

Немедленно в трактир вошли пристав, десятский и начальник станции.

— Господин пристав, немедленно распорядитесь оцепить все выходы из трактира. Этот пьяный негодяй играет странную роль. Он не желает указать Михайловых.

К счастью, трактир имел только одну дверь, ту, через которую вошли Назаров и его спутники. Около него встали пристав и десятский. В трактире мгновенно наступила мертвая тишина. Посетители, бражничавшие за чаем и водкой, как бы окаменели от неожиданности и испуга.

— Кто из вас Михайловы, Иван и Федор? — резко спросил Назаров.

Оклик остался без ответа.

— Десятский, буфетчик! Называйте этих лиц... Вы знаете их? Есть среди них Михайловы?

— Никак нет.

— Вам Михайловых? — спросил перетрусивший буфетчик. — Их теперь действительно нет, а только они были.

— Когда?

— Да, почитай, минут с двадцать, как ушли. Пили они тут, а потом явился Лукинский, вот этот, что с вами. Подошел к ним, что-то сказал, они вскочили, давай его наскоро потчевать. Он стакана три водки выпил. Как только он ушел, бросились из трактира и Михайловы, — ответил буфетчик.

Было очевидно, что примерный Лукинский предупредил негодяев и те бросились в бегство.

* * *

Назаров сурово взглянул на начальника станции.

— Удружили-с! — бросил он ему. — Где теперь его искать? Какие у вас еще тут есть заведения подобного сорта?

Они бросились к постоялому двору. Чтобы исключить возможность побега Михайловых из дома Суворовой, если бы они там оказались, Назаров обратился к приставу:

— Будьте так любезны окружить этот дом понятыми.

— Я не могу этого сделать скоро, — ответил пристав.

— Как не можете?! — вскипел агент. — Что же мне, из-за ваших порядков упускать из рук преступника? Дать ему возможность скрыться?

— Но где же я возьму сейчас понятых? — оправдывался пристав.

Назаров понял, что ему придется рассчитывать только на собственную сообразительность и энергию. По счастью, рядом с постоялым двором Назаров увидел ярко освещенный дом. В его окнах мелькнула фигура жандарма. Оказывается, тут шла свадьба, на которой пировал и жандарм. Назаров немедленно его вызвал и попросил о помощи.

Оставив у каждого выхода дома Суворовой по человеку, Назаров постучал в двери постоялого двора. В эту минуту жандарм Маслюк, стоявший во дворе, услышал какой-то шорох.

— Ваше благородие, — подбежал он к Назарову, — вроде человек во дворе прячется.

Назаров, а за ним и остальные бросились во двор. Там стояли экипажи, телеги, сани и виднелась большая груда сложенных дров. Назаров сразу подошел к дровам и начал внимательно вглядываться в них. Вдруг он радостно воскликнул:

— Ага! Наконец-то попался...

За грудой дров лежал притаившийся человек.

— Ну, вставай, братец, теперь уже все равно никуда не спрячешься. Берите его, господа!

В то время как полиция извлекала из дров Ивана Михайлова, Назаров поднялся на чердак, где, как оказалось, прятался Федор Михайлов. Назарову сразу бросилось в глаза, что Иван Михайлов был более перепуган и смущен, чем брат его Федор. Прежде чем приступить к обыску, Назаров обратился к Ивану Михайлову:

— Ну-ка, любезный, покажи свои руки.

Они были все изрезаны. Последнее сомнение исчезло. Убийца иеромонаха был пойман. Начался обыск. В кармане пальто Ивана Михайлова нашли желтый бумажник, в котором было девяносто семь рублей кредитными бумажками, открытые золотые часы с золотой цепочкой, складной медный образок и еще одни, закрытые, часы с золотой цепью, а также носовой платок. У Федора Михайлова нашли кошелек с окровавленными трехрублевками, тринадцать золотых монет, из которых четыре русских, девять французских, серебро и другие монеты. На нижнем белье Ивана Михайлова были обнаружены кровавые пятна. Назаров немедленно дал мне телеграмму о поимке преступников. От Окуловки до Петербурга Михайловых сопровождали три жандарма и, кроме того, от станции Вишера — три полицейских надзирателя.

Через несколько дней оба Михайловых стояли в моем кабинете.

— Вы убили иеромонаха Иллариона? — спросил я.

— Не мы, ваше превосходительство, а только я один, — ответил Иван Михайлов.

— Ну, рассказывай, как было дело.

* * *

— В восьмом часу вечера десятого января, — начал свою исповедь убийца, — я пошел в лавру и направился прямо в келью иеромонаха Иллариона.

— С целью убить и ограбить его? — спросил я.

— Нет. В то время у меня и мысли этой не было. Просто хотел повидать отца Иллариона, потому ведь я служил ему. Дверь кельи заперта не была. Отворил я дверь, вошел в прихожую и громко сказал:

«Боже наш, помилуй нас!»

«Аминь!» — послышался голос Иллариона. Я вошел тогда в комнату. Из другой комнаты навстречу мне вышел отец Илларион,

неся в руке сахар. Самовар уже стоял в первой комнате, за перегородкой на столе. На нем я заметил какую-то посуду и перочинный нож. В той же комнате на окне лежали два ножа — один для колки сахара, короткий и толстый, другой для хлеба. Я подошел под благословение и получил его. Мы стали разговаривать. Иеромонах спросил меня, что я теперь делаю, где служу. Я ему рассказал, что приехал в Петербург приискывать себе место на железной дороге.

«Дело, дело, чадо, работать надо... Жизнь в лениности не угодна Богу, — заговорил отец Илларион. — А теперь давай чайком побалуемся».

Он подошел к окну и стал колоть сахар. В эту вот самую минуту я, будучи уже в хмельном состоянии, задумал убить иеромонаха, которого знал за состоятельного. Я схватил его за подрясник у горла, а он ударил меня наотмашь. Я пошатнулся, он схватил меня в охапку, но я успел взять перочинный нож и два раза ударил им иеромонаха.

В ожесточенной борьбе отец Илларион схватил меня за волосы, кусал мои руки. Наконец мы оба, по очереди падая и вставая, попали в другую комнату. У отца Иллариона в руках уже был нож, который я силился отнять, а он — удержать. Нож согнулся. Улучив минуту, я схватил отца Иллариона за горло и большим ножом сильно ткнул его. Он захрипел и скоро испустил дух. Убедившись, что он кончился, я пошел в спальню искать денег. Сломав верхний ящик комода сахарным ножом, я вынул деньги, вложенные в старый конверт, и процентные билеты, завернутые в лист бумаги. Из среднего ящика взял золотые монеты и золотые часы с цепью. Надел на себя пальто, которое ныне у брата, брюки и перчатки отца Иллариона, свои же пальто, брюки и ситцевую рубаху сжег в печи, топившейся в келье. В девятом часу вечера я вышел из кельи, перешагнув через труп иеромонаха. Никого не встретив в монастыре, я вышел из ворот, отправился на станцию и поездом в одиннадцать часов вечера уехал в Окуловку. Приехав туда, я отдал пальто убитого своему брату. Когда он нашел в нем золото и другие вещи и спросил, откуда я взял все это, я сказал ему, что это не его дело. А вскоре меня и забрали... Убийство совершил я один и сообщников никаких не имел.

* * *

Иван Михайлов был приговорен к двенадцати годам каторжных работ.

КРОВАВЫЙ МИЛЛИОН

30 октября 1884 года в двенадцать часов ночи в сыскную полицию поступило сообщение о зверском убийстве в доме по Рузовской улице. Убитыми оказались потомственный почетный гражданин Василий Федорович Костырев и его старая нянька Александра Федорова, семидесяти одного года.

* * *

Когда мы прибыли на место преступления, то увидали такую картину. Убитая нянька лежала с раздробленной головой недалеко от входных дверей, ведущих на черную лестницу. В ее открытых глазах застыло выражение ужаса, боли и страдания. Пряди седых волос, слипшихся от сгустков крови, падали на лицо, почти сплошь залитое кровью. Ближе к дверям, ведущим в первую комнату, по правой стене, лежал распростертый труп Костырева. Голова его также была разбита, очевидно, тем же тупым орудием, которым проломили голову старухе.

В передней находился взломанный железный сундук. В третьей комнате прямо против лежанки стоял деревянный шкафчик. В нем все было перерыто, вещи и безделушки находились в страшном беспорядке. На полу около шкафа валялась маленькая деревянная копилка, тоже взломанная. В одной из печей квартиры была обнаружена груда золы, характерная для сожженной бумаги.

— Скажите, — обратился следователь к врачу, осмотревшему трупы, — сколько времени, по-вашему, могло пройти с момента совершения убийства?

— Более суток. Кровавые пятна и пятна трупные на теле убитых свидетельствуют, что прошло много времени.

— Убитые боролись, защищались?

— На Костыреве не видно никаких следов борьбы. По-видимому, он был убит врасплох. Что касается старухи Федоровой, тут картина иная. На обеих щеках, около рта, заметны синяки, кровоподтеки. Можно предполагать, что старухе с большой силой зажимали рот. Эти синяки напоминают следы пальцев.

— Ее, очевидно, душили?

— Нет, по-видимому, ей просто закрывали рукой рот, чтобы она не кричала.

В то время как следователь беседовал с врачом, агенты нашей полиции внимательно осматривали обстановку убийства. Самый тщательный осмотр не дал никаких положительных результатов.

Между тем начался допрос дворника дома, Николаева.

— Почему ты дал знать в участок о несчастье в этой квартире спустя чуть ли не двое суток? — спросил следователь.

— Раньше не знал об этом.

— А как же ты узнал, что произошло несчастье? — Задавая этот вопрос, следователь не сводил пристального взгляда с Николаева.

— Я стал звонить в квартиру, звонил, звонил, смотрю — не открывают. Я испугался и побежал в часть заявить.

— А почему же ты испугался? Разве ты знал наверняка, что Костырев и Федорова должны быть дома?

Дворник замялся.

— Нет, конечно, где же знать...

Таковы были итоги первоначального допроса. Подозрение пало на дворника.

Следствие закипело. Прежде всего стали собирать сведения о том, что делал дворник Николаев в эти дни, когда в квартире уже лежали два трупа. Оказалось, что почти все это время он пьянствовал, кутил, то и дело отлучался из дома, посещая своего приятеля Семенова, тоже дворника одного из домов по реке Фонтанке, что они вместе куда-то все ездили, посещая трактиры и портерные. Кроме того, было установлено, что к Николаеву в эти дни приходили и заявляли, что в квартире Костырева, несмотря на звонки, дверей не открывают.

На основании этих улик Николаев и Семенов были арестованы по подозрению в убийстве с целью грабежа. К тому и другому нагрянули с обыском, но ничего подозрительного в их вещах не было найдено. Как ни вески и ни значительны были улики, собранные сыскной полицией против Николаева и Семенова, они, однако, не давали нам не только юридического, но и нравственного права считать этих лиц непременно убийцами Костырева и Федоровой. Поэтому мы постарались всеми силами поднять завесу над личностью самого убитого, собрать сведения о людях, его знавших и посещавших, словом, всесторонне осветить это мрачное и темное дело.

* * *

Мало-помалу перед нами стал вырисовываться образ убитого. Это была чрезвычайно странная, загадочная натура.

Унаследовав после смерти своего отца огромное состояние, большей частью в недвижимости и наличных кредитных билетах, убитый поспешил прежде всего обратить все деньги в процентные бумаги, которые внес вкладом в Государственный банк на сумму более трехсот тысяч рублей. Казалось бы, обладая большим состо-

янием и молодостью, Костырев мог бы вести жизнь привольную и интересную, а между тем этот человек совершенно уединился и зажил жизнью не то отшельника, не то фанатика-схимника. Он редко куда ездил и почти никого не принимал. Ужасная скупость, вернее, алчность овладела им. О его скупости ходили анекдоты, баснословные рассказы, оказавшиеся, однако, при проверке сущей правдой.

Первой из знавших Костырева и Федорову была допрошена жена кассира губернского казначейства Морозова. Она рассказала, что покойных часто навещал меняла Шилов. На этого Шилова всегда жаловалась убитая старуха нянька, говорившая, что «пустит этот подлец Шилов Васеньку по миру, ей-ей, пустит». Оказалось, что Шилов отобрал у Костырева купонные листы от всех процентных бумаг вперед на десять лет, выдав взамен пустую расписку.

Почти то же показала и тетка убитого.

Все эти показания пролили очень мало света на мрачное двойное убийство. Они были ценны только в том отношении, что давали кое-какие сведения об имущественном положении убитого Костырева.

Таким образом, в руках сыскной полиции находились только двое — Николаев и Семенов, подозреваемые в убийстве. Прямых улик об их участии в преступлении не было, ибо обыск их имущества и жилья, как я уже говорил, не дал ничего существенного.

* * *

И вот настал памятный и знаменательный для нас день — седьмое ноября. В этот день к нам доставили для допроса дворника Семенова, запасного унтер-офицера. В начале допроса он отрицал какое бы то ни было участие в этом страшном деле. Но вдруг он побледнел, схватился руками за голову, точно стараясь закрыть глаза от каких-то видений, и голосом, полным ужаса и тоски, тихо прошептал:

— Не могу... Не могу больше... Силушки моей нет!

— Что с тобой? — спросил я его.

— Вот опять... Опять стоят передо мной, — продолжал возбужденно Семенов, теперь уже с ужасом глядя перед собой широко раскрытыми глазами. — Вот она извивается... Вот я ей рот закрываю.

Он затрясся, повалился на пол, и из его побелевших губ вырвалось мучительным стоном:

— Мой грех... Берите меня, судите меня! Это я убил Костырева и старуху!

Когда он немного успокоился, то подробно рассказал о том, как они вместе с Николаевым осуществили это зверское двойное убийство.

* * *

— Эх, погубил меня Никита Николаев! — начал Семенов. — А ведь мы с ним не только давнюю дружбу водили, а близкими

земляками были — оба мы из Новгородской губернии, Новгородского уезда. Двадцать восьмого октября жена у меня именины справляла. Пришел ко мне Николаев и между прочим говорит: «Хочешь, Федор, разбогатеть?» — «Как, — говорю, — не хотеть, только каким же это манером из бедного богачом сделаться?» — «А вот каким, — отвечает Николаев. — Живет в нашем доме страшный богач Костырев с нянькой-старухой Федоровой. Деньжищ у него, бают, видимо-невидимо, миллионы. Помоги мне убить их. Деньги заберем, вот и разбогатеет. Мне с женой с ними не справиться. Что же, согласен?» — «Нет, — говорю, — друг сердечный, за такое разбогатение дорожка одна — на каторгу. Бог с ними, с деньгами, коли за них кровь христианскую проливать надобно да ноги под кандалы подставлять».

Этот отказ Семенова не обескуражил Николаева. Как злой демон-искуситель, он не отходил от Семенова, возвращаясь все к тому же разговору об убийстве богача и старухи. Он рисовал ему картины будущего привольного житья, старался всеми силами и уловками склонить Семенова на пособничество. Он, положительно, гипнотизировал его, однако Семенов не сдавался.

Настал следующий день, роковое двадцать девятое октября. Под предлогом осмотра лошадей Николаев пригласил к себе Семенова и тут, у себя в дворницкой, опять стал упрашивать помочь ему убить и ограбить Костырева. Он пригласил Семенова в трактир, они потребовали водки, чаю. Выпили по три стаканчика водки. Семенов малость охмелел. Пробыв в трактире около часа, они вернулись в дом Николаева.

— Вот что, Федя, — начал Николаев, — ты иди из ворот налево за угол и встань в подвальном помещении против квартиры Костырева, а я пойду в ту квартиру, надобно мне...

Семенов послушно направился к указанному месту. Николаев же быстро вошел в дворницкую, переоделся, оставшись в одной фуфайке красного цвета и жилете без передника, «чтоб кровью не залить его».

— Ну, Федор, слушай, как только я крикну тебе оттуда, беги ко мне.

Николаев подошел к квартире Костырева с черного хода, где лестница не была освещена, и позвонил. Прошло несколько секунд, потом послышался старческий шамкающий голос:

— Кто там?

— Дворник, насчет водопровода, — ответил бесстрастным тоном убийца.

Дверь открылась, Николаев быстро вошел, оставив ее открытой настежь.

В эту секунду до Семенова донеслись испуганные возгласы старухи: «Что тебе?.. Что тебе надо?..» — и ответ Николаева: «Души ваши дьявольские и деньги ваши!»

Минута, и Николаев с высоко поднятым молотком двинулся на фигуру мужчины, стоявшего позади старухи в дверях между кух-

ней и первой комнатой. Это и был несчастный Костырев. От первого удара молотком по голове он только пошатнулся. Тогда Николаев нанес со всей силой второй удар, после которого Костырев, даже не вскрикнув, грузно упал на пол мертвым.

Обезумевшая старуха Федорова бросилась к двери. Зажженная свечка выпала у нее из рук и потухла.

— Спасите... Убивают! — вылетело из ее горла, перехваченного судорогой.

Крики были слабые, тихие и походили скорее на стоны.

— Черт! Дьявол! — раздался злобный крик Николаева. — Чего же ты стоишь, иди на помощь!

Семенов услышал отвратительное ругательство и опрометью бросился в квартиру. В дверях он наскочил на старуху и схватил ее, зажав ей рот рукой. Последовала короткая борьба. Обезумевшая старуха кричала, хрипела, извивалась, делая нечеловеческие усилия вырваться из рук убийцы. Страх придавал силы этой похожей на мумию старухе.

Семенов вскрикнул — она впилась зубами в ладонь убийцы. В эту секунду подбежал Николаев и тем же молотком ударил няньку. Она упала, но была еще жива, хрипела, стонала. Семенов добил ее вторым ударом.

* * *

Убедившись, что Костырев и старуха мертвы, Николаев зажег свечку и вместе с Семеновым вошел в комнату налево от кухни. Там у стены стоял железный сундук, в котором и должны были, по словам Николаева, находиться несметные сокровища богача Костырева. Николаев с жадностью бросился к сундуку, собираясь его взломать, но, испугавшись, как бы со двора не увидели их «работающими» со свечкой в квартире Костырева, вместе с Семеновым перенес сундук в переднюю и сейчас же запер квартиру изнутри на ключ.

Теперь ничто не могло помешать убийцам заняться грабежом. Но наступил тот психологический момент, который овладевает обычно грабителями: они не знали, за что им раньше приняться, и оставляли одно, бросались на другое. Пролитая ими кровь туманила рассудок. Вместо того чтобы сейчас же наброситься на сундук, взломать его и схватить «миллионы», они побежали к шкафику, который не был заперт. С лихорадочной поспешностью стали шарить в нем. Вот копилка. С помощью лома и стамески Николаев взломал шкатулку и стал горстями класть в карманы серебряные монеты. В это время Семенов нашел в открытой шкатулке пачку кредитных билетов и стопку медной монеты. Потом Николаев погасил свечку. «Идем», — сказал он Семенову. Тьма окутывала квартиру, не было видно ни зги. Боясь наткнуться на трупы, они снова зажгли свечки и направились к выходу.

Колеблющийся свет свечи падал на два страшных трупа с разбитыми головами, плавающих в огромных лужах крови. Николаев поднял с пола орудие убийства — молоток — и, оставив лом у железного сундука, потушил свечку. После этого они вышли из квартиры и расстались. Семенов бросился к себе домой, Николаев пошел в свою дворницкую. На другой день они, однако, увиделись. Почти весь день они разъезжали по городу, посещая то чайные, то трактиры, то портерные. Николаев все упрасивал Семенова, чтобы он пришел к нему в двенадцать часов ночи.

— Мы с тобой тогда пойдем к ним и взломаем сундук... Надо же оттуда миллионы выцарапать, — говорил он.

Семенов колебался и обещания прийти не дал. И вот тогда-то глухой ночью разыгрался эпизод, достойный самых страшных страниц любого уголовного романа.

* * *

Николаев не мог заснуть... В его разгоряченном мозгу вставляли ослепительные картины сказочных сокровищ. Таинственный желтый сундук мнился ему наполненным золотом, блестящими камнями... С каким мучительно-страстным нетерпением ожидал он прихода Семенова! Вот он пришел бы, и вместе отправились бы туда, где покоятся мертвым сном две жертвы... Взломали бы сундук... Но Семенов не приходил. Тогда он разбудил жену, которой раньше уже поведал о совершенном убийстве.

— Пойдем со мной... Поможешь мне... — попросил он ее.

— Нет, нет, ни за что! — в ужасе твердила женщина, со страхом и отвращением отшатываясь от мужа. — Я не пойду с тобой, проклятый убийца...

Ночь идет. Николаева не покидает мысль о железном сундуке. Теряется самое дорогое, удобное время для взлома. Глухая ночь. Весь дом спит. Никто не услышит, как будет жалобно стонать и хрипеть железный сундук, разворачиваемый ломом.

«Так я один пойду», — пронесется в голове убийцы. Он поспешно встает и выходит из дворницкой. Тихо. Дом стоит угрюмый, безмолвный. Крадучись, подходит Николаев к квартире убитых. Сердце тревожно бьется в груди, словно хочет выскочить. Он берется за ручку двери... Дверь медленно отворяется. Холодный ужас охватывает Николаева. Что он наделал! После убийства забыл запереть дверь! А к ним звонили. Он это знает, так как ему говорили, что, несмотря на звонки, Костырев и Федорова двери не открывают. А вдруг кто-нибудь, звоня, попробовал бы нажать дверную ручку? Дверь бы отворилась, в квартиру вошли бы, заметили преступление — и все, все буквально пропало бы... Не видать ему никогда сокровищ железного сундука. А ведь ради него он и пошел-то на страшное убийство.

И тут радость, огромная животная радость, что этого не случилось, охватила его. Слава Богу, сундук тут! Все, все спасено!

Радость была так велика, что она заглушила последние всплески страха и колебаний. Николаев спокойно вошел в квартиру, запер за собой дверь, зажег свечку и стал взламывать сундук и, взломав, достал оттуда целые груды процентных бумаг! Красные, синие, желтые листы. На них огромные цифры — десять тысяч, пять тысяч... Николаев начал их сортировать. Все процентные бумаги он откладывал в одну сторону, а в другую бросал документы и разные бумаги. «Надо это сжечь, чтобы не оставалось следов, какие именно деньги были у Костырева», — мелькнуло у него в голове.

Он бросил все бумаги в печку и сжег их дотла. После этого он схватил груды процентных бумаг и кредитных билетов, вышел с ними во двор и около мусорной ямы зарыл свои сокровища.

На другой день он поведал об этом Семенову, обещая поделиться с ним, но сделать этого ему не пришлось.

БЕЗУМНАЯ МЕСТЬ

Гостиница, в которой случилось это происшествие, была на особом положении. Эта громадная гостиница с массой номеров предназначалась для приезжих, но... не для тех, что прибывают по железной дороге из провинций, а для приезжающих и приходящих со всех концов столицы парочек, ищущих тихого приюта для свидания и любви. В громадном доме на пересечении двух самых оживленных улиц с двумя замаскированными подъездами, с прекрасным рестораном и «со всеми удобствами», эта гостиница пользовалась среди жуиров и боязливых любовников славой скромного и безопасного убежища. Но в ночь с шестого на седьмое августа здесь было совершено страшное, кровавое преступление.

* * *

В девять часов утра дежурный коридорный Алексей Полозов, по обычаю гостиницы, постучался в третий номер, будя постояльца. Не услышав ответа, он толкнул дверь. Она оказалась незапертой. Войдя в помещение, он заглянул в альков и в паническом ужасе побежал назад, оглашая коридор криками.

Постоялец, полуодетый, лежал на кровати весь залитый кровью, с обезображенным лицом и перерезанным горлом.

Были посланы слуги для оповещения судебных властей.

* * *

Спустя час я вместе со своим помощником и даровитым агентом Ж. уже производил осмотр злополучного номера, а еще через полчаса приехали товарищ прокурора, следователь и врач. Мы продолжили осмотр.

Третий номер считался «дорогим». Он стоил пять рублей и состоял из большой, хорошо меблированной комнаты, разделенной драпировками как бы на три отдельные комнаты. При входе в номер тяжелые драпировки образовывали прихожую, где висела вешалка и стоял столик с графином и стаканом. На вешалке оказалось дорогое драповое пальто, под ним — кожаные галоши с буквами К. К., в углу — зонтик с ручкой из слоновой кости.

За драпировкой, прямо из передней, было что-то вроде гостиной. Ковер во всю стену, мягкая мебель, трюмо и стенное зеркало, высокий шкаф, маленькие столики и большой передвижной стол, покрытый белой скатертью поверх плюшевой.

На этом столе оказались бутылка недопитого красного вина, два стакана, десертные тарелки, два ножа для фруктов, да еще лежала кожица от груши дюшес.

На одном из кресел валялись плюшевая мужская шляпа и перчатки, на другом — серый драповый пиджак.

За другой драпировкой располагались кровать, ночной столик и умывальник.

На столике лежали очки в золотой оправе, золотые часы с массивной цепью и портмоне.

На кровати лежал убитый. Без сапог, в черных шелковых носках, весь расстегнутый и полуобнаженный, он лежал навзничь на подушках и простынях, заскорузлых от пролитой крови. Руки были раскинуты, короткие волосатые пальцы сжаты в кулаки, голова закинута. На шее зияла широкая и глубокая рана. Лица убитого разглядеть было нельзя. Оно было исполосовано ножом и покрыто запекшейся кровью. Седеющие волосы на коротко остриженной голове и изрядная лысина свидетельствовали о том, что это был пожилой человек. Кто он? Как его зовут? Каковы его звание, положение?

При убитом не оказалось ни визитных карточек, ни записной книжки, ни письма, по которым можно было бы определить его личность, только метка на тонком белье и платке с буквой К. да буквы на галошах давали слабую надежду определить личность убитого.

Врач произвел наружный осмотр. По его мнению, на жертву напали во время сна и сильным ударом ножа по горлу погрузили ее в вечный сон, после чего, вероятно, в злобе, стали обезображивать лицо убитого, нанося резаные и колотые раны.

Кто был с ним? В эту гостиницу одиночек не пускают. С кем он пришел?

Мы позвали коридорного, лакеев и взяли у них первые показания. Сразу выяснилось, что убитому была устроена ловушка.

* * *

Первое показание дал лакей, дежуривший днем, Егор Васильев. Часов в пять или в половине шестого пришла барышня под вуалькой...

— Почему вы знаете, что барышня? Что значит «барышня»?

— То есть девица. Мы их завсегда сразу отличим от какой-нибудь барыни.

— Пришла это, значит, и говорит: «Мне приготовьте номер, только хороший. Я в девять часов с господином буду». Показал я ей номера, выбрала она этот самый, заплатила и говорит: «Я тут

и вино оставляю!» Оставила она эту самую бутылку и ушла. После пришли еще господин с дамой, сняли второй номер, рядом. Потом разные приходили, уходили. Я сменился, сказал про номер Алексею и ушел. Больше ничего не видел и не знаю.

Алексей Полозов видел и знал больше.

— Через полчаса, как я сменил Егора, пришли господин, этот самый, в очках, с зонтиком, почтенный такой, и барышня. Барышня говорит: «Где наш номер?» Я их привел...

— Лицо видели?

— Нет-с. В вуале. Высокая, тонкая и волоса будто рыжие.

— Провели... А потом?

— Потом барышня приказала дать стаканы, миндального пирожного и открыть бутылку, а господин два дюшеса заказал. Я это сделал.

— А барышня все была в вуале?

— Нет-с. Она эту пору за драпировкой была. А может, в кровати, не могу знать потому...

— Ну, ну... сделали?

— И ушел. Часов этак в одиннадцать барышня вышла и говорит: «Барина разбуди в девять часов утра. Он заснул». И ушла. Я вошел в номер, заглянул. Вижу, лежит. Мне что? Дело обычное...

— Значит, вы входили в номер после этой барышни?

— Входил.

— Что же, он был убит?

— Не могу сказать. В комнате было темно. Вижу — лежит. Мне такое и в голову не пришло. Поглядел, окликнул... Молчит. Запер дверь и оставил, а утром пошел — и вот! — он развел руками. — Такое несчастье!

— Барышню бы эту узнали?

— Надо думать, потому что фигурой такая заметная и волос рыжий.

— Это она! Надо ее искать, — решительно заявил следователь.

* * *

В то время как мы снимали допросы в лучшем номере гостиницы, мой агент Ж. со свойственным ему терпением и внимательностью чуть не в третий раз производил осмотр третьего и соседнего с ним второго номеров.

Я слушал показания прислуги и в то же время с нетерпением ждал Ж. с его отчетом. И вот он показался в дверях и таинственно кивнул мне головой. Я подошел к нему. Оказалось, что он сделал действительно важные открытия и сказал:

— Дело принимает совершенно другой оборот.

— Пожалуйста опять в номер, — пригласил я всех.

Следователь и товарищ прокурора снова перешли в третий номер. Я провел их в часть комнаты, представляющую гостиную, и агент торжественно указал нам на большой зеркальный шкаф.

— В чем дело?

— Дело в том, что он сдвинут! Вы видите?

Шкаф действительно оказался отодвинутым от стены, что при входе в комнату сразу не было заметно.

— За шкафом, — объяснил я, — находится дверь из соседнего, второго номера.

Ж. прибавил:

— Убийцы — это господин и дама, снявшие второй номер. Они были здесь. А когда уходили, испачкали дверь кровью. Извольте посмотреть. И пол закапан стеарином.

Следом за агентом двинулись все. Шкаф был отодвинут настолько, что тучный товарищ прокурора едва смог протиснуться между ним и стеной. Они осмотрели пол и закрытую дверь. На левой половине двери виднелись кровавые отпечатки пальцев, на полу были следы стеарина.

По указанию агента мы перешли во второй номер. Там на столе у дивана стояли два стакана, бутылка белого вина, полбутылки коньяка и обгоревшая свечка в подсвечнике. В алькове за подушками оказалось засунутым полотенце, которым, видимо, вытирали вымытые руки и затирали кровавые пятна, а таз в умывальнике был полон мыльной воды, окрашенной кровью.

Агент Ж. показывал одну за другим бросающиеся в глаза детали и оживленно говорил:

— Это убийство без цели грабежа. Вероятно, какая-нибудь месть, но весь план тонко обдуман. Жертву завлекала девушка. Может быть, она подкуплена, может, она соучастница. Она завела его и опоила. Надо исследовать вино. Ведь она его принесла с собой. Опоила и подала знак в соседний номер. Там уже ждали, отодвинув шкаф и отворив дверь.

— Эту дверь-то! Ведь она без замка. Ее просто захлопнули и вынули ручку. Вставьте перочинный нож, толстый карандаш, еще лучше стамеску — и дверь открыта.

— Так-так! — довольным тоном воскликнул я. — Они вошли и прикончили спящего.

— Убивал он, — оживляясь, говорил агент. — Она светила и дрожала. Смотрите, как оплыла свечка. А там и подушка, и простыня закапаны стеарином. Мы найдем у нее на платье такие же следы.

— Если найдем ее!

— В этом вся и задача! Затем, — продолжал Ж., — они вернулись в номер, закрыли дверь, задвинули шкаф... Обратите внимание на пол около шкафа — на нем видны следы от ножек. Его отодвинули от этого места! — Ж. указал на глубокие черты, оставленные на паркете, прикрытом ковром. — После этого они тщательно вымылись, оглядели платье и... уехали!

Я только одобрительно кивал головой. Этот Ж. был моим учеником. Впоследствии, да и раньше много раз, я удивлялся его сообразительности и способностям.

— Похоже на истину, — процедил следователь.
— Надо теперь расспросить снова прислугу, — сказал товарищ прокурора.

* * *

Снова позвали дневного и ночного коридорных.

Егор Васильев повторил показание:

— Пришла девица, заказала третий номер, а потом следом за ней пришли господин с дамой и заняли второй номер. Он подал им сперва весь обед, только мало кушали, а потом бутылку белого вина и полбутылки коньяка.

— Вы, значит, могли их рассмотреть?

— Ни к чему, — ответил Егор. — У нас народ что на ярмарке, и не глядишь. Опять же барыня лицо скрывали, как я войду, оне в окошко глядят и ко мне спиной.

— А барин?

— Тот такой высокий, красивый. Светлая борода и одет так шикарно, в синий пиджак и с цепочкой.

— Узнали бы вы его на улице?

Коридорный замялся.

— Может, и узнал бы...

Алексей Полозов, тот, что служил ночью, сменил Егора.

— Гости из второго номера при вас ушли?

— Точно так.

— Когда?

— Да уж под утро. Надо полагать, так часу в шестом...

— Торопились?

— Не так чтобы...

— Вы осмотрели после них номер?

— Ни к чему. Взять у нас нечего, и господа не такие. А номера убираем утром, все кяду.

Первые допросы окончились. Власти уехали.

Все свидетельствовало о тонко обдуманном преступлении, концы которого были умело спрятаны в воду.

* * *

Дело представлялось весьма сложным. В громадном Петербурге трудно найти человека только по наружным приметам, особенно если он принадлежит к интеллигентному сословию, где все более или менее похожи друг на друга.

Убитый был неизвестен. Несомненно, судя по костюму, золотым часам и кошельку с шестидесятью двумя рублями, он был состоятельным человеком. Имя его и фамилия начинались с буквы «К», и пальто он заказывал у Корпуса. Приведшая его женщина была, по определению слуги, из «этих», но найти ее тоже не казалось легким, потому что она могла и не быть зарегистрированной, то

есть известной полиции. Наконец, главные виновники не оставили после себя никаких следов. Известно только, что он был с русой бородой, высокий ростом, а у нее на платье, вероятно, остались следы стеарина. И это все.

Я распорядился через полицию, чтобы дворники проследили, не пропал ли кто из жильцов с ночи шестого августа. Затем через ту же полицию приказал, чтобы ко мне явился извозчик, который возил утром, между пятью и шестью часами, седьмого августа двух седоков, барыню с барином, от гостиницы или с одной из двух улиц, на углу которых она стоит. И наконец, командировал лакея Егора Васильева в Рождественскую часть, где обычно производился судебно-полицейский осмотр всех зарегистрированных служительниц любви.

Распоряжения эти очень быстро дали результаты.

На другое утро ко мне явился извозчик, который показал, что он взял таких седоков за три дома от гостиницы. Господин с большой светлой бородой нанял его на Варшавский вокзал. Он повез их по Измайловскому проспекту, на углу Первой роты господин высадил даму, а сам поехал на Варшавский вокзал, где и сошел.

— Ты бы его узнал?

— В лицо бесприменно.

Я распорядился найти извозчика, который около шести часов утра седьмого августа посадил даму, но такого не нашлось. Очевидно, дама дошла до своего дома пешком или взяла извозчика, запутав след. След действительно как будто потерялся, но я знал, что не сегодня-завтра он отыщется, и не обманул. На другой же день вечером из второго участка Литейной части мне сообщили, что старший дворник одного дома оповестил их об исчезновении хозяина Кузьмы Федоровича Кузнецова, ушедшего вечером шестого августа. «К» и «К»!

Я поручил Ж. расспросить дворника. Он тотчас вызвал его и показал ему пальто, шляпу и зонтик, которые тот сразу признал как вещи своего барина.

— Ну, брат, — сказал Ж., — твоего барина, значит, уже нет в живых. Утюжали! Родные есть у него?

— Брат есть, полковник, сестрица, вдова генерала, а у самого дочка, подросточек.

— Что же, он вдовец?

— Десятый год уже вдовец!

Родные Кузнецова были оповещены, и труп его был перевезен к нему на квартиру.

Ж. занялся опросом всех лиц, окружавших убитого, и в то время как совершались панихида и похороны, он уже успел узнать многое о жизни и характере убитого.

* * *

Кузьма Федорович Кузнецов был богатым домовладельцем. Раньше он служил в полку, вышел в ранних чинах в отставку и

жил доходами, иногда играл на бирже. Он был вдов, имел дочь Лизу, четырнадцати лет, при которой находилась гувернантка, девица двадцати трех лет, очень красивой наружности. Кузнецов любил пожить и пожуировать.

Лакей и горничная намекали, что он жил с гувернанткой, как раньше жил с ее предшественницами, причем не брезговал и горничными.

Часто случалось, что, уйдя вечером, он не ночевал дома, но на другой день к завтраку он всегда сидел за столом на своем месте.

— Какого он характера?

— Характером веселый, мягкий, а красивая женщина могла с ним сделать все, что хочет.

— Не было ли у него врагов?

— Не должно бы быть...

В первый раз я и Ж. чувствовали себя растерянными. Словно шли, шли и вдруг уперлись в стену. Ни из чьих показаний нельзя было ухватить конца нити, и только смутно чувствовалось, что в этом преступлении должна быть романтическая подкладка. Но убитый унес свою тайну в могилу, а убийцы бесследно скрылись...

* * *

Коридорный Васильев две недели продежурил на осмотрах, но не увидал той женщины, с которой приходил убитый. Извозчик, которому было поручено, если он увидит своего бывшего седока, указать на него полиции, не объявлялся.

Я начинал терять терпение. Агент Ж. лишился сна и аппетита, ломая голову над всевозможными планами. Время шло, а преступники не были обнаружены. Казалось, надо было отказываться от дела, но тут на помощь пришел случай.

Однажды около полуночи Ж. шел по Невскому мимо Казанского собора. Впереди него шли две девушки и громко разговаривали.

— Я бы на ее месте тоже ничего не сказала. Затаскают!

Другой агент, быть может, и не обратил бы внимания на эти слова, но Ж. словно что-то толкнуло, и он замедлил шаги.

— А так еще хуже. Подумают, что она убила, — возразила другая.

— Сонька-то! — воскликнула первая и захохотала.

Ж. решил воспользоваться моментом. Он быстро догнал девушек, взял их под руки и, идя между ними, спросил:

— Про какую это Соньку вы, милочки, говорите, и почему могут подумать, что она убила?

Девушки испуганно рванулись от него, но он крепко держал их за руки.

— Оставьте нас! Что вам нужно? Мы так себе разговариваем! — закричала одна.

— Мы ничего не знаем, — прошептала другая.

— Душечки, чего вы боитесь? Вы говорили про Соньку. Скажите, где она живет, как ее фамилия, и идите с Богом! Не скажете, я вас арестую, потому что я... — И он тихо назвал свое звание.

Девушки затрепетали.

Первая сказала:

— Я не знаю ее фамилии, она работает у мадам Жано, шьет... Все зовут ее Сонька-гусар.

— А живет она?

— Мы не знаем.

— А где ее можно найти?

— Не знаем! Впрочем...

— Она бывает у Филиппова, — сказала другая.

— И вы мне ее укажете, а я угощу вас шоколадом, — тотчас ответил Ж. и закричал: — Извозчик!

Счастье улыбнулось Ж. Едва вошли они в кофейную, как одна из девушек толкнула Ж. и сказала:

— Вон она, с телеграфистом!

— Сядем и будем пить шоколад, — спокойно ответил Ж. и усадил своих дам за столик, соседний с тем, который занял телеграфист.

Девушки поздоровались с той, которую звали Сонькой-гусаром. Она оказалась стройной, красивой блондинкой с большими синими глазами. Когда она смеялась, обнажался ряд мелких белых зубов, и она казалась еще милее.

— Завтра варьете открывают, будете? — спросила она звонким голосом у спутниц Ж.

— Нет... Да... — ответили они смущенно, видимо, тяготясь своей ролью.

— А я непременно.

— А кто у вас кавалером? — спросил Ж.

Телеграфист гневно посмотрел на нее, а она звонко засмеялась.

— А кто захочет! Хотите вы...

— С удовольствием. Вы где живете?

— Ямская, дом 15, квартира 5! Спросите Соньку-гусара.

Ж. встал и весело протянул ей руку.

— Значит, по рукам!

— По рукам! — ответила она и хлопнула его по руке.

Телеграфист стал угрюмо торопить ее и позвал лакея для расчета.

— Сплавьте его, — подмигивая на телеграфиста, шепнул Ж.

— А вы их!

Он кивнул и тоже стал рассчитывать.

Она ушла вслед за телеграфистом.

Ж. расплатился, поблагодарил девушек, хотя они брезгливо отвернулись от него, и пошел к дверям. В этот момент в кофейную вбежала Сонька-гусар.

— Ну, скорее на извозчика и драпать! — весело сказала она Ж., хватая его за руку.

Ж. вышел и позвал извозчика.
— Прямо по Невскому! — приказал он.
— Куда же мы?
— Там сообразим, — сказал Ж. и, посадив девушку в пролетку, сел сам и крепко обнял ее.
— Пошел!
Пролетка, дребезжа, покатилась.

* * *

— Куда же мы поедем? — опять спросила девушка, и в голосе ее послышалась тревога.

— На Морскую, милочка. Я... — Ж. объявил свое звание и прибавил: — Вы не пугайтесь. Если вы ни при чем, мы вас отпустим, только нам надо расспросить вас об убитом в гостинице.

— Я не убивала! — порывисто воскликнула она.

— Тсс! — остановил ее Ж. — Услышит извозчик, чего хорошего... Налево, по Морской! — распорядился он, обратясь к извозчику, и продолжал говорить девушке: — Не убивали, тем лучше. Расскажите нам, откуда достали вы этого старичка и где вино купили. Все, одним словом...

Девушка резко встряхнулась.

— Расскажу — не поверите! Пропала я!

Ж. рассказывал, что после этих слов он сразу поверил в ее невиновность, но роль его, чисто служебная, да и само дело требовали ее задержания.

Они приехали. Ж. тотчас же известил меня. Я поднялся в свой кабинет и позвал Ж. с девушкой, предоставив ему право взять у нее показания. Ж. усадил ее на стул, ласково дотронулся до нее и сказал:

— Не пугайтесь! Расскажите все, что знаете, и шабаш!

— И вы меня отпустите? — быстро спросила она.

Он пожал плечами.

— До завтра уж ни в коем случае, а там — как начальство решит.

Она опустила голову и горько заплакала.

— Я ни при чем тут, я даже не знала, что его убить хотят. Я думала — это так, для развода.

— Вот-вот. Вас, значит, приглашали? Кто? Как? Когда? Все по порядку, ну!

Девушка вытерла слезы и решительно сказала:

— Ну, пишите. Я все расскажу.

Она села поудобнее на стуле и стала рассказывать.

* * *

— Я не помню, когда это было. Вероятно, недели за две до самого убийства. Я сидела у Филиппова, кофей пила, одна. Вошел

господин, занял столик, и все на меня смотрит. Я ему улыбнулась, и он тут же пересел к моему столику.

— Какой он по виду был?

— Высокий такой, красивый, с большой светлой бородой. Шляпа была мягкая, хорошая и пальто хорошее.

Ж. кивнул.

— Ну, и подсел...

— Подсел, — продолжила Сонька-гусар, — угостил меня, шутить стал. Потом спросил мой адрес, велел мне домой идти, а позже сам приехал, вино привез, икру...

— Назвал себя?

Девушка покачала головой.

— Разве нам назовут! Мы и не спрашиваем даже...

— Ну!

— Уехал и пропал. Потом опять приехал, повез меня на Крестовский, оттуда к Палкину. Сидит со мной в кабинете и говорит: «Хочешь, Катя, пятьдесят рублей заработать?» Я засмеялась и говорю ему: «Очень даже! А как?» А он мне: «Пустое дело. Здесь есть очень богатый старичок. Иди его замарьяжь и в номер приведи. Там напои его и оставь. Вот и все. Я удивилась: «Зачем это?» «Он, старый пес, все святошей прикидывается, так мы его изобличить хотим. Ты мне скажешь, когда и куда приведешь. Мы с товарищами рядом номер возьмем и будем в шелку глядеть. А как он заснет пьяный, то ты уйдешь, а мы к нему придем в номер и дождемся, как он проснется. То-то удивится!» И он тут так весело стал смеяться, что и мне занятным это показалось. «Что ж, — говорю, — это пари?» — «Пари». — «А как же я его замарьяжу?» «Это пустое! — говорит он. — Мы ему письмо напишем и свидание назначим. Он и придет. А ты с ним, как будто ты не такая... понимаешь? Потом — в гостиницу, а там заранее номер возьмешь. Идет?» Меня корысть взяла, да и сама я пошутить не прочь. «А кто, — спрашиваю, — деньги отдаст?» — «Я! Как на свидание пойдешь, так и деньги!» Я и согласилась.

Сонька-гусар оживилась.

— Если не верите, у подружки Маши спросите. Я ей тогда все рассказала, и она все еще отговаривала.

— Маша? — переспросил Ж. — Она где живет?

— Да где и я, на Ямской.

— А она этого господина видела?

Сонька кивнула.

— Когда он пил у меня, я и ее позвала. Вместе сидели.

Ж. закивал головой и потер руки.

— Отлично! Ну, рассказывай дальше.

— Как есть шестого августа, на Спаса, он ко мне утром. «Ну, — говорит, — дело сделано. Теперь все за тобой!» И смеется. Я тогда, помню, поглядела на него, вижу — смеется, а сам совсем бледный, и глаза горят, и смех нехороший. Стало мне как-то не-

ловко, и я уже отказаться хотела, а он словно почувал. «Вот, — говорит, — тебе пятьдесят рублей, как есть на осенний сезон!» Я и сдалась. «Ну, — говорю, — как же все? Где и что? Куда идти, что делать?» Он сел, достал бутылку вина, хорошее вино. Я открыла бутылку. Налили мы стаканы, и он мне все рассказал. Зовут того старика Кузьмой Федоровичем, написал он будто ему письмо, в котором я объясняюсь ему в любви и прошу на свидание в Александровский сад в восемь часов. Ну и должна там быть и затем врать ему с три короба и замарьяжить. «Ты, — говорит, — говори, что хотела бы гувернанткой быть, что такое место ищешь». Я согласилась. «А как же я ему скажу, где я его видела?» «Скажи прямо, что в его доме живешь. Вот и все!» И дом назвал. Мне даже смешно сделалось. «А как я его узнаю?» «Сядь у фонтана и вот эту книгу на коленях держи». Дал мне книгу в такой красной бумажке. «Подойдет, — говорит, — к тебе такой господин, среднего роста, плотный, с седой бородой, в золотых очках, в плюшевой шляпе». Я согласилась и сказала, что буду. Тут он дал мне десять рублей и завернутую бутылку и сказал: «Часов в пять пойди к гостинице, заранее номер возьми, там и бутылку оставь». «Хорошо», — говорю. «Потом приди в сад и скажи мне, какой номер, я тогда тебе и пятьдесят рублей отдам». Я опять согласилась. Он собрался уходить и прибавил: «Придешь с ним, говори громко. Мы рядом будем. Когда он заснет, и ты уходить будешь, хлопни в ладоши два раза. Да, еще: вина этого сама не пей! Заснешь». «А оно, — спрашиваю, — с каплями?» Он кивнул, засмеялся и ушел. Сонька-гусар перевела дух.

— Устала я, — сказала она, — хоть бы чайку выпить или пива.

Я велел подать ей чай.

— Как же вы дальше сделали?

— Дальше-то? Как по писаному!

Сторож принес стакан чаю. Она жадно отхлебнула два глотка и продолжала:

— Взяла я номер. Пять рублей заплатила и бутылку оставила. Пошла в сад, а по дороге он навстречу. «Взяла?» — «Взяла!» — «Какой?» Я говорю: «Третий!» Он мне тотчас подал конверт, сказал: «Действуй!» — и пошел прочь. Я зашла в сад, села у фонтана, положила книжку на колени и стала ждать. В конверт заглянула, там две «беленькие» по двадцать пять рублей... Хороший господин... Сижу я, сижу, и вдруг идет господин с седой бородой, в золотых очках, зонтик в руках. Идет и все высматривает. Ну, думаю, мой! И книгу на виду держу.

— Книга-то у вас дома? — спросил Ж.

— Дома. Красная такая, — ответила Сонька и продолжала: — Увидал он и прямо ко мне: «Позвольте присесть?» Сел и все на меня косится. Я засмеялась, тут он осмелел и показал мне письмо. «Это, — говорит, — ваше?» Ну, я прикинулась, что стыжусь, и все пошло...

Он, старичок-то, мягкий такой, покладистый. Я его живо обертела и повела. Он мне уже место обещал. «Я, — говорит, — вдовец, у меня дочь, и ей гувернантка нужна. Я вас возьму». Привела я его. Он дюшес спросил. Налила я вина, сама отхлебнула, да потом выплонула, а он стакан выпил. Пошел на постель, стал раздеваться, да как плюхнется — и заснул! Я подождала — он спит. Ну, я хлопнула в ладоши, взяла книжку и ушла, а его приказала не будить.

— А огни кто погасил?

— Он! — Она помолчала и прибавила: — Вот и все. Больше я ничего не знаю. Потом, как прочла в газетах, меня так и затрясла лихорадка. Машка укорять стала. Господи, разве я знала! — и она заплакала.

— Отчего же вы сами не пришли и не рассказали все это?

— Боялась. Еще, думала, затаскают, покоя лишат. Иногда думала — пойду, а потом страх возьмет...

— А его узнаете?

Она сразу в ярость пришла.

— Только покажите мне черта этого. За сто верст узнаю! Лицо ему раскраснелю, глаза выцарапаю! Только покажите его!

— В том-то и дело, что найти его надо, — печально сказал Ж. — Ну, да я найду! Вы его больше не видели?

— Нет, как провалился...

— Ну, а кто он, по-вашему, с виду? Купец, чиновник, художник?

— Я думала, что чиновник, показался он мне таким.

— Ну, на сегодня хватит, — сказал я и прекратил допрос.

Было уже четыре часа утра. Ж. встал и откланялся.

— А я? — спросила Сонька.

— Вас я до завтра здесь оставляю, — ответил я и сдал ее дежурному агенту.

* * *

В правдивости ее показаний я не усомнился ни на одно мгновение. Она была бы совершенно невиновной, если бы не вино. В нем оказалась большая доза опиума, о чем она все-таки знала. Жаль девушку, а ничего не поделаешь. Если бы того найти!

Я плохо спал в эту ночь. На утро же вызвал Ж., приказав ему идти с обыском на квартиру Соньки, опросить там ее подругу Машу и потом с нею по всему городу искать настоящего убийцу. Хоть год искать, а найти!

Соньку-гусара препроводили к следователю и заключили в тюрьму.

Конец нити был найден. Ж. энергично взялся за дело.

* * *

Он пришел на квартиру Соньки-гусара, попросил показать ее комнату, сделал самый тщательный обыск, но ничего обличающего

не отыскал. На комодике лежала книжка «Вестника Европы» за август месяц, совершенно свежая, неразрезанная, которую он и захватил с собой.

После этого он дождался Машу. Это была красивая, полная, маленького роста брюнетка. Увидев его в своей комнате, она в недоумении остановилась на пороге. Ж. встал ей навстречу и дружески заговорил:

— А я вас с добрый час ожидаю. С работы?

— С работы. А на что я вам? Кто вы?

Ж. назвал себя, свое звание и быстро продолжал:

— Я от вашей подруги Софьи...

— Ее арестовали?

Он кивнул. Маша хлопнула себя по бедрам.

— Вот! Я ей говорила!

— Вам жалко ее?

— Еще бы...

Она тяжело опустилась на стул. Ж. встал перед ней.

— Тогда помогите ей выпутаться из беды.

— Как?

— Помогите мне найти настоящего виновника. Вы его видели у нее. В лицо узнаете? Ну, вот! Станем мы с вами дежурить подле всех министерств, станем искать на улицах, в клубах, в театрах, везде! Согласны?

Она быстро кивнула головой и вскочила.

— О, я его узнаю сразу! — воскликнула она.

— И отлично! А когда мы его возьмем, Софья будет сразу свободна.

— Ах, она ни в чем не виновата! — убежденно сказала Маша.

— Я тоже так думаю, — ответил Ж. и прибавил: — Только об этом никому!

— О, понятно!

— Вы можете на время оставить магазин? Мы вам заплатим.

Она согласилась.

— Хоть поругаюсь, а брошу. Мне Соня всего дороже!

— Значит, с завтрашнего дня и начнем, — сказал Ж. и ушел.

* * *

Ж. назначил Маше жалованье за все дни поисков, чтобы она имела возможность на время оставить работу, и тотчас начал розыск.

Утром они дежурили у министерства путей сообщения, в пять часов были у министерства государственных имуществ, а потом у контроля. А поскольку в один какой-либо день он мог и не прийти, то они снова и снова повторяли свои дежурства у всех министерств, управлений, контор и банкирских домов. Днем заходили в маленькие рестораны, к Доминику, в кофейни, вечером были в театре или в клубе и каждый раз возвращались обратно ни с чем.

— Нет его! — с досадой говорила Маша. — Верно, уехал.

Но мы не теряли надежды. В Петербурге не так-то легко найти человека, к тому же он мог узнать Машу и скрыться при ее приближении, но что он в конце концов будет найден, в этом не сомневались ни я, ни Ж.

Наши расчеты оправдались. Однажды, когда они проходили мимо ресторана Доминика, Маша порывисто сжала руку Ж. и, задыхаясь, сказала:

— Он!

Ж. словно огнем обожгло. Он встрепенулся.

— Где?

— Вон тот, что идет с портфелем!

Ж. ускорил шаг, и вскоре они обогнали господина с портфелем.

— Нет, — упавшим голосом сказала Маша. — Это не он. Есть какое-то сходство — глаза, нос. Но у того была борода, такая заметная!

Ж., у которого сначала упало сердце, теперь только улыбнулся и сказал Маше:

— Ну, теперь можешь меня оставить и идти домой.

Лицо Маши выразило удивление.

— Не бойся, я знаю, что говорю. Иди! — сказал ласково Ж.

Маша молча повиновалась.

Ж. засунул руки в карманы и медленно пошел за господином. Тот был одет в хорошее пальто и хорошую шляпу. Под мышкой у него торчал портфель. Он шел медленно, низко опустив голову, и, видимо, не замечал окружающих. Ж. два раза перегнал его и заглянул ему в лицо.

Это был мужчина лет тридцати шести с усталым, грустным лицом. Глубокая складка лежала между его бровями, служа как бы продолжением красивого, тонкого носа. У него был гладко выбритый подбородок, маленькие баки и короткие рыжеватые усы. Ж. следовал за ним неотступно.

Господин дошел до Морской, свернул на нее и, пройдя по Гороховой, скрылся в подъезде страхового общества. Ж. потер от удовольствия руки. Служит ли он здесь, зашел ли по делу, во всяком случае, он теперь от него никуда не скроется.

Ж. перешел через улицу и обратился к стоящему у дверей швейцару.

— Скажите, пожалуйста, — спросил он, доставая двадцать копеек, — ведь этот господин с усами и баками у вас служит?

Швейцар взял монету.

— Господин Синев? У нас, инспектором.

— Благодарю вас. Большое жалованье?

— Для двоих хватит, тысячи четыре наберется.

— Как для двоих? — спросил Ж.

— Потому как они недавно женились, — объяснил швейцар.

— А! Благодарю вас! — сказал Ж. и отошел от подъезда, направившись в портерную.

Там он сел у окошка, спросил пива и стал внимательно следить за всеми выходящими из дверей. Тогда еще не было адрес-календарей.

В половине пятого Синева вышел из подъезда и пошел по Гороховой. Ж. следовал за ним.

Синев взял извозчика. Ж. тотчас взял другого и поехал за Синевым следом. Они приехали на Серпуховскую улицу, и Синев вошел в подъезд красивого каменного дома.

— Теперь не уйдешь! — радостно сказал себе Ж. и отправился ко мне с докладом.

Я выслушал его и задумался. Арестовать по одному показанию Соньки, видимо, состоятельного и интеллигентного господина — поступок довольно рискованный. Я предложил Ж. сперва удостовериться, тот ли это господин, который подкупил Соньку-гусара, и если это он, то найти улики. Мы сообща составили план первых действий, я отпустил Ж. и стал ждать результатов.

* * *

В тот же вечер Ж., не гримированный, но в старом, изношенном костюме, сидел в портерной дома, в котором жил Синев. Ж. сел подле самой стойки и вступил в беседу с приказчиком, спросив, не знает ли он, где господ лакея ищут.

— Потому как я по этой должности без малого всю жизнь и теперь без места.

— Нет, милый человек, таких у нас нету, — ответил приказчик.

Ж. удивился.

— Такой огромнейший дом и с парадом, а господ нету!

— Купцы тут у нас живут, контора еще, а из настоящих господ один Синев Яков Степанович. Так им лакея не нужно.

— Есть?

— Не есть, а не для чего. Сами молодые, год как повенчаны, знакомых никого, и со всем у них одна прислуга справляется. Такая шельма! Анюткой звать. У нас завсегда с одним фельдфебелем прохлаждается, когда господ ежели нет.

— А поди никогда ввечеру не сидят? Господское житье я знаю...

— Тут не так, — отвечал словоохотливый приказчик. — Промеж ними будто есть что-то. Анютка сказывала, что иногда ужасно даже! То, говорит, целуются, то плачут. Одна она хотела за окно выброситься, в другой — он чуть не зарезался.

— Что ж это с ним?

Приказчик пожал плечами. Сидевшая в углу с мастеровым женщина обернулась.

— Это ты про Синевых? — спросила она приказчика.

Тот кивнул.

— Про их балакаю.

Женщина оживилась и, поправив на голове платок, заговорила:

— Про этих господ ты у меня спроси. Я у них всегда белье стираю и всю-то их жизнь во как знаю! С чего они живут так...

Ж. поднялся и подошел к прачке. Протянув прачке, а потом мастеровому руку, он сказал:

— Позвольте познакомиться. Прокофий Степанов, по лакейской должности, — и, садясь возле их стола, прибавил: — Очень люблю, когда про господ рассказывают. Дай-ка нам, почтенный, две пары бутылок, — сказал он приказчику.

Прачка осталась очень довольна. Когда подали раскрытые бутылки, она и мастеровой чокнулись с Ж., и она тотчас заговорила:

— Господа-то эти душевные очень, да вот поди — не повезло! Барин-то в ней души не чает, и она в нем, и деньги у них, потому у барина хорошее место, а в доме ужаси что.

— Из чего же промеж них такая контрибуция? — спросил Ж.

Прачка нагнулась к нему и понизила голос до шепота.

— Видите ли, она-то до свадьбы не соблюла себя, он и обижается. Где да с кем? А она плакать да на коленки. А он хватить ее! Бьет, а потом сам на колени и ноги целовать. Тут обнимутся, и оба плакать. Я это в три часа проснулась в прачечную идти. Анютка спит, что мертвая, а там плач и голоса. Я и подойди. Аж жутко стало. Он говорит: «Я тебя убью!» А она говорит так-то тихо: «Убей». И тишина вдруг, а потом как он заплачет... Анютка рассказывает — и часа бы не прожила, кабы не доход.

Ж. налил в стаканы пива, чокнулся и спросил:

— А из себя красивые?

— И не говорите! Прямо парочка. Она-то такая стройненькая да высокенькая, что твоя березка. Волоса густые да длинные, брови что угольком выведены, и всегда сурьезная. Нет чтобы улыбнуться.

— А сам?

— Тоже видный мужчина. Высокий, статный. Поначалу, как с бородой был, так еще был красивее.

— Сбрил, что ли? — спросил Ж.

— Совсем! Сказывал шутя, что барыня не любит. Борода-то из русого волоса, большая была такая...

— Ну, прощенья просим! — поднялся Ж.

— Что ж, уже идете?

— Я еще забреду. Тут, на Клинском, живу, — отвечал Ж. — А сейчас мне надо насчет места наведаться.

— Ну, спасибо за угощение.

— Не на чем!

Молчавший все время мастеровой вынул изо рта трубку и сказал:

— Теперь уже за нами!

— Пустяки, — ответил Ж. и, простившись за руку с приказчиком, вышел.

— Обходительный мужчина, — сказала прачка, — приятно и в компании посидеть.

А обходительный мужчина забежал домой, переоделся и через полчаса был у меня.

— Убийцы найдены! — сказал он и рассказал все вышеописанное.

* * *

С этих пор не проходило вечера, чтобы Ж. не распил в портерной на Серпуховской шесть, восемь, а то и двенадцать бутылок пива в дружеской компании за беседой.

Он успел, кроме прачки, познакомиться и с обоими дворниками, и с Анюткой, и даже с ее фельдфебелем, и все они не могли нахвалиться своим новым приятелем.

Анютка успела рассказать Ж. много интересного и нового.

— Они однажды после крупной ссоры словно помирились и все целовались. Потом собрались ехать к тетке на дачу в Лугу. Уехали, а на другое утро барыня одна вернулась. Бледная, чуть живая, и сразу в постель легла. Я думала, что барин, может, бросил ее, потому что никогда не было, чтобы они разлучились, а тут и ночь прошла, а его нет. Только рано утром звонок. Я отперла и даже закричала. И барин, и не он! Бороду-то всю напрочь сбрил и усы окарнал. «Что это вы?» — говорю, а он смеется. «Теперь барыня, — говорит, — довольна будет, она мою бороду не любила!»

Прошел к ней, и стали они что-то шептаться, мирились, верно.

Ж. кивнул головой и сказал, подмигивая на фельдфебеля:

— А вы бы небось не прочь, кабы они и неделку у тетки пожили? Праздничек бы справили.

Анютка засмеялась.

— Мы и то привыкли, как есть. На Спаса было. Мы это к Преображенью ходили, а потом в Зоологию.

— Выходит, из-за бороды и мир? — снова спросил Ж.

— Какой! — отмахнулась Анютка. — Теперь еще хуже. Барыня все плачет, ночью не спит, барин туча тучей, ровно схоронили кого.

Ж. больше спрашивать было не о чем. Убийцы были найдены. Я со спокойной совестью поручил ему арестовать обоих и доставить в сыскное отделение.

На другой день он дождался, когда Синев уехал на службу, и уже в своем обыкновенном костюме поднялся по парадной лестнице и позвонил в дверь, на которой была прибита медная табличка с надписью: «Яков Степанович Синев».

* * *

Анютка открыла дверь и с удивлением взглянула на Ж.

— Вы за мной?

— Нет, душечка, — спокойно ответил ей Ж., — проводите меня к вашей барыне.

Анюта удивленно вытаращила глаза.

— К барыне?

— Ну да! Возьми пальто! — и Ж., кинув изумленной Анютке пальто, смело вошел в комнаты.

Через кокетливо убранную гостиную он прошел в столовую. Там у окошка сидела Марья Ивановна Синева с задумчиво склоненной головой. При виде Ж. она подняла голову и удивленно, испуганно взглянула на него. Ж. приблизился к Синевой, поклонился и тихо сказал:

— Я — агент сыскальной полиции и пришел арестовать вас по делу об убийстве Кузнецова.

Она приподнялась, в немом ужасе вытянула руки и бессильно опустила на стул. Ж. с чувством сожаления взял руки Синевой и слегка встряхнул ее.

— Не пугайтесь! Это должно было случиться. Ваш муж арестован тоже.

Эти слова словно возвратили ее к жизни. Она выпрямилась.

— Он невиновен! — закричала она. — Это я, я одна все сделала!

— Поедемте, и там вы все расскажете...

Ж. помог ей одеться, вышел с ней и, заперев квартиру, спрятал ключ в карман. У подъезда уже стояла толпа, и в середине ее Анюта что-то рассказывала, оживленно жестикулируя. Ж. взглянул в ее сторону и коварно улыбнулся.

Дворник по его приказанию привел извозчика. Ж. усадил Синеву, сел подле нее, и через двадцать минут я уже принимал ее в своем кабинете. А Ж. тотчас же пошел в страховое общество и попросил немедленно вызвать Якова Степановича Синева.

Словно предчувствуя недоброе, тот вышел взволнованный и бледный. Анютке сказал:

— Ну, Анна Васильевна, а вы собирайте ваши пожиточки и переселяйтесь отсюда. Вы проследите, — приказал он околоточному, — а потом закройте и опечатайте квартиру.

* * *

Дело об убийстве Кузнецова разбиралось в феврале следующего года. На скамье подсудимых сидели Синев, бледный, исхудавший, с окладистой русой бородой, жена его, походившая на прекрасную восковую фигуру, страшную в своей апатичной покорности, и похудевшая Сонька-гусар.

Присяжные заседатели услышали тяжелую семейную драму, драму двух любящих существ.

Синев женился на Марье Ивановне Крапивиной по любви, на которую она отвечала ему взаимностью. И с первой же ночи началась их трагедия. Синев узнал о страшном прошлом своей жены.

Она была бедная сирота, окончила Николаевский институт и сразу поступила гувернанткой к девочке у вдовца. Вдовец совершил над ней насилие, потом отказал ей от места.

Синев слушал ее рассказ, испытывая при этом и безумную ревность, и жгучее сострадание. Кто этот человек? Как его зовут? Где он проживает? Синев хотел знать все, но жена не отвечала на его вопросы.

Их семейная жизнь превратилась в настоящий ад. Он бил ее, а потом вымаливал прощение. Он заставлял ее повторять историю несчастья, останавливаясь на самых оскорбительных подробностях, и потом обзывал самыми обидными именами. Наконец он вырвал у нее имя ненавистного человека. Много раз Синев был готов убить его. Жизнь стала для них невыносимой, и в одну безумную ночь они решили, что Кузнецов должен быть убит. Эта мысль все более овладевала их умами, превращаясь в жажду отмщения.

Он нашел Соньку-гусара, продумал весь план и привел его в исполнение. Для этого он купил нож.

В шесть часов они заняли второй номер и пили в нем, поджидая жертву. Потом он отодвинул шкаф, открыл дверь. В девять часов они услышали голоса Кузнецова и Соньки. Их разделяла только стенка шкафа. Часов в десять Сонька ушла. Вошел слуга и ушел, хлопнув дверью. Они подождали еще с полчаса, и Синев, отодвинув шкаф, вошел в номер. Она следила. Он отомстил своему врагу...

Когда они вернулись в номер, она лишилась чувств. Он закрыл дверь, задвинул шкаф, вымылся и привел ее в чувство. Дождавшись рассвета, они уехали. Она вернулась домой, а он поехал в Псков и вернулся оттуда в другом пальто и обритый.

Присяжные чуть не плакали, слушая их душевную драму, и содрогались, слушая историю мести. Защитник сказал блестящую речь, но присяжные все-таки нашли их виновными.

* * *

Суд приговорил их к каторжным работам, его на восемнадцать лет, ее — на двенадцать. Соньку-гусара оправдали.

УБИЙСТВО В ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

9 января 1886 года пристав первого участка Александро-Невской части сообщил сыскной полиции об убийстве сторожа церкви при Петербургской духовной академии, отставного рядового Павла Новикова.

* * *

Убийство несчастного церковного сторожа было совершено в сторожке покойного. Это было убогое, крохотное жилище. Стол, несколько табуретов, в углу — кровать, около нее в луже крови лежал Павел Новиков. Голова его была разбита, череп проломлен. Из черепной трещины виднелись мозги, залитые кровью. На лице застыло выражение жестокого страдания. На полу неподалеку от трупa Новикова лежало старое, рваное пальто. Из опроса служащих в здании духовной академии установили, что пальто это не принадлежало убитому, потому что у него было другое, которое, очевидно, похищено убийцей.

— Скажите, — спросил следователь, — не слыл ли покойный за человека состоятельного? Убийство совершено, по-видимому, с целью грабежа...

— Нет, — ответили все опрашиваемые.

— Не замечалось ли, чтобы кто-нибудь особенно часто посещал убитого?

— Да к нему, почитай, никто и никогда не приходил. Он жил совершенно бобылем. Вот разве не прослышал ли злодей, что у Новикова находится ключ от церкви?

— А ключ действительно хранился у убитого?

— Всегда. А в церкви ведь большие сокровища находятся. Может, кто вздумал ключ украсть у бедняги, отпереть им церковь и обокрасть ее.

Стали разыскивать ключ. Найти его было нетрудно — он лежал под подушкой убитого. Осмотрели церковь — там все оказалось в полнейшем порядке, в полной сохранности. Ничего из церковных богатств не было тронуто.

Дело представлялось чрезвычайно странным. Церковь не ограблена, вещи убитого тоже были целы, к ним убийца даже не прикасался. Единственно, что исчезло из сторожки церковного сторожа, — это его пальто.

Новикова видели поздно вечером, а обнаружено кровавое происшествие рано утром. Отсюда следовало, что убийство было совершено глухой ночью, то есть как раз в то время, когда все было погружено в глубокий сон.

— Скажите, — обратился следователь к смотрителю здания, — все ли ваши служащие налицо?

— Все.

— И что же, эти служащие — все старые, давнишние или, быть может, среди них есть недавно поступившие?

— Один есть действительно вновь поступивший два дня тому назад вместо уволенного от службы при водокачке Андрея Богданова.

— А за что был уволен этот Богданов?

— За пьянство, грубость, вообще за отвратительное поведение.

Из путаных и разноречивых показаний низших служащих установили, что Богданова видели не далее как накануне убийства Новикова. Одни говорили, что он пробыл тут недолго, другие — что он даже в ночь происшествия играл в пекарне в карты.

Путанные показания служащих можно было легко объяснить. Они боялись сознаться перед начальством в том, что водят знакомство и дружбу с прогнанным за пьянство и скандалы Богдановым.

Следственная власть сразу заподозрила Богданова в убийстве несчастного сторожа. По всем трактирам и трущобам были разосланы агенты с целью его задержания.

* * *

Обследовав несколько трактиров и притонов, агенты зашли в трактир «Коммерческий» на Гончарной улице. Их внимание привлек субъект, сидевший за бутылкой водки, полупьяный, отталкивающей наружности. Одному из агентов бросилось в глаза, что рукава пальто этого субъекта непомерно коротки. Пальто было явно узко и в груди, вообще сразу было заметно, что оно с чужого плеча.

— Обратите внимание на этого человека, — обратился тот агент к своему товарищу. — Что вы скажете о пальто этого субъекта?

— Вы думаете, оно с убитого Новикова? — ответил тот, сразу понявший сослуживца. — Ошибаетесь. Служители духовной академии показали на допросе, что у Новикова пальто было хорошее, а это, взгляните, рвань какая-то.

— Ну, уж такого ответа я не ожидал! — тихо промолвил первый агент. — Неужели вам не известна привычка воров и убийц обменивать украденную одежду на плохонькую и получать разницу, которую они на своем мошенническом жаргоне окрестили «пониманием»?

— Ваша правда, — сконфуженно пробормотал недогадливый агент. — Что же нам делать? Арестовать его?

— Погодите... Прежде чем мы это сделаем, не мешает убедиться в справедливости моего подозрения. Кто знает? Мало ли по Петербургу шляется субъектов в пальто с чужого плеча. Вы сидите за столом, а я подойду к нему и немного попытаю.

Агент поднялся и колеблющейся походкой пьяного человека направился к столику, за которым пил водку подозрительный субъект. Этот агент, Шереметьевский, был одним из наиболее ловких и даровитых чиновников сыскной полиции. Подойдя к столику, Шереметьевский остановился, шатаясь, перед пьяным субъектом.

— Позвольте присесть?

— Зачем? — прохрипел тот.

— Компанию разделить. Кучу́ я сегодня! Деньги получил, ну и того... кучу́! А лицо мне ваше симпатично, друг мой любезный!

— Пожалуй... Садись... — запинаясь, буркнул тот.

— Че... ло... век! Нам пару пива! Желаем мы оное распить с другом-приятелем Федором!

— Какой я тебе Федор? — захрипел подозрительный тип.

— Федор... Непременно Федор! — выкрикнул Шереметьевский.

— Ан нет!

— Ан да!

— Ан Андрей, понял? Андрей, а не Федор!

— Андрей? Да неужто? Ах, шут ты возьми, обознался я! — воскликнул Шереметьевский и незаметно для пьяного мигнул другому агенту.

Тот все понял, встал с места и направился к двери.

— Ну, братец, Андрей Михайлов, давай теперь пиво пить... — продолжал Шереметьевский.

— Опять ты врешь! Не Андрей Михайлов, а Андрей Богданов.

— Богданов? Скажи пожалуйста, опять не туда попал. Извини, мил друг!

Он принялся вести незначительный пьяный разговор. Прошло несколько минут, Шереметьевский взглянул на дверь. Там рядом с агентом стоял городской. Шереметьевский незаметно махнул рукой. Городской и агент бросились к столику.

— Бери его! — приказал Шереметьевский городскому, указывая на Богданова.

— Как?! Что?! — вскочил тот, успев схватить в руки пивную бутылку.

— Ну, любезный, теперь начинается расплата за убийство сто-рожа Новикова.

Богданов задрожал, бутылка со звоном упала на пол.

Через двадцать минут он был доставлен в управление сыскной полиции, и началась исповедь убийцы.

* * *

— Седьмого января, должно, часу в седьмом вечера, — начал Богданов, — я получил от вахтера академии Андрея Фомича рас-

чет. Пошел я за водкой, купил несколько сороковок и вернулся опять в академию. Распили мы две сороковки с пирожниками в пирожковой при академии. Оттуда я пошел в пекарню академии, где тоже пил водку, угощая пекарей. Потом мы стали в карты играть и играли до трех часов ночи. Кончив игру, все стали спать укладываться. Пошел я на водокачку, чтобы переночевать, а водокачка, гляжу, заперта. Стучать не посмел, потому — уволенный я. Отправился тогда к сторожу Новикову, попросил позволения переночевать в его сторожке. Разостлал я на полу свое пальто, лег, а спать что-то не могу. Пробило пять часов утра. Пришел истопник, затопил печь, ушел. Как только он ушел, взбрело мне на ум убить Новикова и воспользоваться его пальто.

Встал я, взял стоявшее у печки полено, подошел к спящему Новикову и что есть сил ударил его по лбу. Потом еще три раза. Захрипел он, потом свалился на пол. Снял я тогда с него пальто, которым он был покрыт, и ушел. Походил по городу, затем пришел на Апраксин рынок. В одной из лавок променял это пальто на то, которое на мне, получил придачи три рубля пятьдесят копеек.

* * *

И все. Просто и коротко. Пролил человеческую кровь за три рубля пятьдесят копеек.

ТРАГЕДИЯ В МОРСКОМ КОРПУСЕ

7 сентября 1887 года ровно в четыре часа паспортист здания Морского корпуса, титульный советник Шнейферов явился обедать в свою квартиру, находившуюся в том же здании. Пройдя кухню, Шнейферов вошел в первую комнату. Вошел — и в ту же секунду выбежал вон, оглашая здание страшным криком:

— Убили! Зарезали!

Он понесся что было силы по двору к канцелярии. Вбежав туда и столкнувшись нос к носу со смотрителем зданий, он заговорил прерывистым от волнения голосом:

— Ради Бога... Скорей сообщите в полицию. У меня в квартире несчастье...

— Что такое? Какое несчастье?

— Сейчас вхожу... И вижу... В комнате... лежит в огромной луже крови прислуга моя, Настасья Сергеевна, с воткнутом в горло ножом.

Эта весть как громом поразила всех служащих Морского корпуса. Началась паника. Не растерялся только смотритель здания. Он тотчас же помчался в полицию.

* * *

Когда мы приехали в Морской корпус, судебных властей еще не было. У дверей квартиры паспортиста стоял городской и виднелась кучка любопытных. Мы вошли в кухню. В ней было чисто прибрано, все в полнейшем порядке. На плите стояли кастрюли с готовившимся кушаньем. В следующей за кухней комнате, убранной не богато, но с претензией на комфорт, на полу лежала молодая миловидная женщина. Голова ее была запрокинута назад, посередине шеи торчал большой кухонный нож. Кровь, которая и теперь продолжала еще сочиться из огромной, зияющей раны, образовала огромную лужу.

Прибывший доктор занялся осмотром трупа, а мой агент Виногорадов беседовал с растерянным титулярным советником.

— Ну-с, доктор?

— Убийство совершено приблизительно два часа тому назад, — заявил доктор. — Убийца нанес всего один удар, но зато по силе и меткости он был смертельным. Глубоко вонзившись, нож перерезал дыхательное горло и поразил жизненно важные артерии. Смерть наступила мгновенно.

— Заметны следы борьбы?

— Ни малейших. Все говорит за то, что никакой борьбы не было. Если бы происходила борьба, такого меткого удара убийце не удалось бы нанести.

Покончив с осмотром трупа, мы приступили к опросу самого Шнейферова.

— Прежде всего скажите, все ли ваши вещи целы?

— Нет, господа... Меня ограбили.

— Что из ваших вещей пропало?

— Во-первых, пальто, сюртук, бритвы, потом ордена — Станислава и Анны третьей степени — и двести рублей наличными деньгами.

— Где находились эти вещи?

— Пальто и сюртук — в спальне, там же и бритвы, и ордена, и деньги — в верхнем ящике комода.

Действительно, верхний ящик комода был взломан и все вещи, находившиеся там, перерыты.

— Что вы знаете о покойной? — спросил следователь.

— Служила она у меня около года. Я был ею очень доволен. Тихая, скромная, непьющая, старательная, Настасья производила отличное впечатление...

— Скажите, господин Шнейферов, убитая была девица?

— По паспорту так значилось, а что там дальше, не знаю, — отрезал злополучный титулярный советник.

В эту минуту меня отозвал в сторону мой помощник Виноградов.

— А ведь мы, ваше превосходительство, убитую-то отлично знаем, — начал он тихо.

— Как так? — удивился я.

— Очень просто. Я вспомнил, что убитая Настасья Ильина Сергеева судилась дважды за кражи и была, между прочим, замешана в последний раз в деле об ограблении Квашнина-Самарина. Помните это дело? Тогда еще виновником оказался сын титулярного советника, лишенный прав Николай Митрофанов.

— Да-да, помню.

— И оказалось, что этот Митрофанов находился в любовной связи с Настасьей Сергеевой.

Я снова обратился к Шнейферову.

— Скажите, господин Шнейферов, — начал я, — бывал ли кто-нибудь у убитой?

— Никого. Только за два дня до убийства, возвратясь со службы, я увидел у нее на кухне какого-то молодого, прилично одетого человека. На мой вопрос, кто это, она ответила, что это ее брат.

— Отлично. Ну а вы бы узнали по фотографии этого неизвестного молодого человека?

— Наверное. Я хорошо рассмотрел парня, ибо, признаюсь, меня удивило его появление у убитой.

— Есть в нашем альбоме портрет Митрофанова? — спросил я тихо Виноградова.

— Конечно.

— Так вот что, голубчик, поезжайте и сейчас же привезите его карточку.

Пока мы производили опросы и осмотры, Виноградов уже вернулся с карточкой Митрофанова.

— Ну-с, господин Шнейферов, — обратился я к нему, — взгляните на эту карточку и скажите: не этого ли человека видели вы третьего дня у убитой Насти?

Шнейферов впился глазами в карточку и почти тотчас воскликнул:

— Да, да! Это он, тот человек... Брат.

— Увы, господин Шнейферов, не брат, а любовник, и ваша «девица» по паспорту, горемычная Настя, — воровка и участница многих темных дел.

Титулярный советник побледнел как полотно и с дрожью в голосе пробормотал:

— Вот-с не ожидал... И подумать только, что они и меня убить, как барана, могли. Я ведь один...

Истово перекрестившись, Шнейферов добавил:

— Благодарю тебя, Боже, что спас меня от рук злодеев!

* * *

Начались энергичные поиски Митрофанова. Это был ловкий, смелый преступник. Несмотря на его молодость, бывший «сын титулярного советника» прошел блестящую и разнообразную воровскую школу.

Откомандированный моим помощником Виноградовым для розыска Митрофанова агент Жеребцов донес, что он напал на след преступника.

— Каким образом?

— От некоторых лиц, знающих Митрофанова, мне удалось выведать, что у Митрофанова есть любовница, крестьянка Ксения Петрова Михайлова, которая посещает сестру свою Устинью.

— Вы узнали, где проживает любовница Митрофанова?

— Нет, пока не удалось, но зато я узнал местожительство сестры ее. Устинья живет в доме по Малой Итальянской улице.

— Вы сделайте вот что, — сказал я Жеребцову. — Отправляйтесь немедленно к этой Устинье и узнайте у нее адрес ее сестры Ксении. Саму Устинью пока не арестовывайте, но распорядитесь о том, чтобы за ней был учинен строгий негласный надзор. Арестовывать ее не надо потому, что важно проследить, кто будет к ней являться. Результат вашего визита к Устинье сообщите мне немедленно.

* * *

Было около двух часов дня, когда Жеребцов вместе с другим агентом сыскной полиции, Проскурилом, и с околоточным местного

участка подошли к большому каменному дому несколько мрачного вида по Малой Итальянской улице. Жеребцов позвонил к дворнику. Околоточный надзиратель и другой агент спрятались за выступом подъезда.

— Чего вам? — флегматично обратился дворник к Жеребцову, не подозревая, конечно, в нем агента.

— Скажите, любезный, живет у вас в доме Устинья Михайлова?

— Живет. В кухарках у господ Ивановых.

— А где эта квартира?

— Да вот, во дворе, прямо. Во втором этаже.

Только Жеребцов повернулся к тротуару, чтобы предупредить другого агента и околоточного о том, что он сейчас отправится к Устинье Михайловой, как увидел, что к воротам дома подъехала извозчицья пролетка. В ней сидели мужчина и женщина. Машинами взглянув на них, Жеребцов вздрогнул и остановился пораженный. Что это? Видение? Ведь этот слезавший с пролетки мужчина — не кто иной, как Митрофанов! В груди Жеребцова забушевала буря радости. Делая вид, что читает объявление на воротах дома, он искоса, одним глазом стал следить за приехавшей парочкой.

Сунув в руку извозчика какую-то мелочь, Митрофанов вошел первым во двор. За ним последовала его спутница, красивая женщина, одетая прилично, с шелковым белым платком на голове. Они скрылись в подъезде.

— Стой здесь на месте, не делай ни шагу! Я — чиновник сыскальной полиции! — приказал дворнику Жеребцов.

Тот вытянул руки по швам.

— Ну, господа, — сказал Жеребцов, подходя к Проскурилу и околоточному, — случилось нечто весьма замечательное — сюда сейчас приехал со своей любовницей Митрофанов.

С лихорадочной поспешностью начал он задавать вопросы дворнику:

— Этот дом не проходной?

— Никак нет-с!

— Стало быть, только один вход и выход?

— Так точно!

— Ну, так слушай! Ты видел сейчас человека, приехавшего с женщиной на извозчике?

— Видел-с.

— Так вот. Ты встанешь у подъезда, в который они вошли, и, лишь только он появится, немедленно бросайся на него и сгребай в охапку. На помощь тебе подоспеет городовой, околоточный, словом, все. Мы будем у ворот. Дожидайся моего свистка: как только свистну, бросайся на этого молодчика.

— Слушаюсь! — браво ответил дворник.

Поставив у ворот городского, околоточного и агента Проскурила, Жеребцов перешел на другую сторону улицы, как раз напротив

ворот этого дома, и занял «позицию», с которой ему было отлично видно всех выходящих из подъезда.

Западня была устроена, оставалось только ждать.

* * *

Прошло минут семь-восемь. Из подъезда вышла женщина в сером большом платке.

«Ага! Та самая красotka, которая приехала с Митрофановым, — пронеслось в голове Жеребцова. — Куда это она направляется?»

Жеребцов напряженно следил за каждым ее шагом. Он увидел, как она, быстро пройдя двором и выйдя из ворот дома, вдруг вздрогнула и даже сделала несколько шагов назад, точно собираясь вернуться обратно.

«Городового увидела... Ну конечно, так и есть... Побледнела... Смутилась... Не знает, что ей делать... Вернется? Ага, нет... Оглядывается по сторонам... Идет в мелочную лавочку, — шептал про себя Жеребцов. — Интересно, однако, знать, что он теперь предпримет? Без сомнения, она сообщит ему о присутствии полиции».

Женщина вышла из лавки, держа в руках коробку с папиросами. Она тревожно огляделась по сторонам, потом быстро-быстро вошла в ворота и почти бегом бросилась к подъезду.

«А схватка, пожалуй, выйдет жаркой, — размышлял Жеребцов. — Митрофанов не такой человек, чтобы легко отдаться в руки полиции, надо держать ухо востро... Но интересно знать, как он вывернется из засады?»

Потянулись минуты. Жеребцов не сводил глаз с подъезда, около которого застыл в выжидательной позе бравый дворник. У ворот, тихо переговариваясь, стояли агент и околоточный. Городовой переминался с ноги на ногу. Вдруг в подъезде опять появилась та же женщина. Одета она была в ту же драповую жакетку, на голове был тот же белый платок, в котором она приехала сюда. Женщина вышла из ворот, повернула направо и пошла скорым шагом.

Околоточный и агент сделали Жеребцову знак, как бы спрашивая, не надо ли ее догнать, остановить. Жеребцов отрицательно покачал головой.

Минут через двадцать к воротам дома подъехала невзрачная карета, кучер осадил лошадей. Распахнулась дверца, и из кареты быстро выскочила все та же женщина.

Лишь только она скрылась в подъезде, Жеребцов подбежал к карете и быстро спросил кучера:

— Куда нанят?

— В барачную больницу, отвезти больную женщину, — ответил кучер.

— Господа, будьте наготове! — шепнул Жеребцов.

Затем, сделав знак рукой дворнику, на что тот молодецки выпрямился, он сам встал около кареты. Кучер невозмутимо восседал на козлах. Прошло несколько томительных минут ожидания.

Вдруг Жеребцов вздрогнул и выпрямился. Двери подъезда распахнулись, и в них появились... две женщины. Одна из них была та, которая приехала с Митрофановым, другая — очень высокого роста, одетая в черное платье, бурнус и укутанная черным платком так, что не было видно лица.

Все участники облавы пришли в недоумение. Они ожидали выхода Митрофанова, а тут вдруг две женщины. Агент Проскурил и околоточный надзиратель быстро взглянули на Жеребцова, спрашивая взором, что же теперь им делать. Взглянули... и поразились еще больше. На лице Жеребцова была радостная ухмылка. Момент — и он, подав условленный знак дворнику, устремился к вышедшим женщинам. Дворник, получивший от Жеребцова приказ схватить мужчину, теперь, при виде женщин, по-видимому, совсем растерялся. Он пропустил их спокойно мимо. Тогда Жеребцов, заметив замешательство своих помощников, первым подскочил к высокой женщине в черном, схватил ее за горло и крикнул:

— Хватайте ее! Хватайте Митрофанова!

Дворник и околоточный надзиратель налетели на мрачную черную фигуру сзади и схватили за руки. Силища у «женщины» оказалась непомерная, и ей тут же удалось выдернуть одну руку.

— Врешь!.. Не дам!.. Не вывернешься!.. — пыхтел бравый дворник, борясь с черной фигурой.

Когда руки преступника были скручены, вопль разъяренного бешенства огласил двор:

— Э-эх, попался!

Любовница Митрофанова от испуга и волнения едва держалась на ногах и была близка к обмороку. Через пять минут они уже ехали в управление сыскной полиции в карете, которую сами же и наняли.

* * *

Я беседовал с моим помощником Виноградовым, когда вошедший Жеребцов радостно сообщил:

— Митрофанов здесь!

— Ловко! — вырвалось у меня.

— Здравствуйте, Митрофанов, — начал Виноградов, подходя к тому. — Мы ведь с вами старые знакомые.

— Действительно, — слышался спокойный, ровный голос Митрофанова, — я имел несчастье здесь бывать. Но тогда я знал, за что и почему меня брали и привозили сюда. А теперь недоумеваю. Ведь я не совершил никакого преступления.

— В самом деле? — насмешливо обратился я к нему. — Значит, вы не сознаетесь, что убили Настасью Сергееву и обокрали ее хозяина Шнейферова?

— Я не могу сознаться в том, чего не совершал.

— Так-так... Ну а зачем же на тебе, голубчик, это странное, не свойственное твоему полу одеяние? Зачем ты в бабу перерядился? Кажись, теперь не масленица, не святки.

— Так просто... Подурачиться хотелось...

— Уведите его! — приказал я.

Когда он ушел, я обратился к Виноградову.

— Мне кажется, что нам выгоднее прежде допросить его любовницу. Так как их схватили почти врасплох, они не имели возможности сговориться друг с другом.

— Совершенно верно.

— Введите женщину! — приказал я.

— Знакома ли ты с Митрофановым?

— Знакома, — ответила арестованная Ксения Михайлова.

— Ты с ним находишься в любовной связи?

— Да, — тихо прошептала она.

— Ну, рассказывай, как ты познакомилась с ним и потом все вообще, что тебе известно о нем.

Рассказ ее свелся к следующему.

* * *

Около двенадцати лет тому назад, будучи еще девочкой, она более полугода жила в качестве прислуги у родителей Митрофанова, затем, уйдя от них, потеряла Митрофанова из виду. В прошлом году, арестованная в Литейной части по обвинению в краже вещей у господ Гончаровых, в конторе смотрителя встретилась с доставленным для содержания Николаем Митрофановым. Встреча была радостная и трогательная. Вор и воровка умильно вспоминали о заре туманной юности. Содержась в одной части, она нередко встречалась с Митрофановым.

Но вот оттуда ее перевели в тюрьму. А девятнадцатого марта закончился срок ее заключения, она была выпущена и оставлена на жительство в Петербурге.

«Вышла я из тюрьмы и сильно стала тосковать по Митрофанову. Узнала я, что он все еще в Литейной части содержится. Вскоре получила от него открытку, в которой он просил меня навещать его раза четыре в месяц. Обрадовалась я, поспешила к своему ненаглядному. Стал он мне тут говорить, что скоро вышлют его из столицы. «Тяжко, — говорил он, — с тобой разлучаться, Ксюша. Люблю я тебя вот как!» Заплакала я, да и говорю: «А зачем нам разлучаться? Куда тебя погонят, туда и я пойду за тобой. И мне без тебя жизнь не в жизнь».

Наступил конец августа. Отбыв заключение, Митрофанов, приговоренный к административной ссылке, был отправлен этапным порядком в Лодейное Поле Олонецкой губернии.

Оставив своей сестре Устинье Михайловой свой сундук и чемодан Митрофанова с его вещами, Ксения Михайлова отправилась вслед за Митрофановым в Лодейное Поле. Но, не доезжая до этого места, на станции Сермус она встретилась с Митрофановым, уже возвращавшимся в Петербург.

— Приехав в столицу, — продолжала свой рассказ Михайлова, — мы направились на Петроградскую сторону, в какую-то го-

стиницу, где пробыли три или четыре ночи. Из этой гостиницы перебрались в другую, где пробыли до утра седьмого сентября. Там мы только ночевали, а дни проводили в прогулках и посещениях знакомых Митрофанова, которых я не знала. В понедельник седьмого сентября я условилась с ним, что в этот день мы переедем в комнату к знакомой, Пелагее Федоровой, содержащей на Песках квартиру. В семь часов вечера переехала я с нашими вещами туда и стала поджидать своего возлюбленного. Он, однако, явился только утром на следующий день. «Где ты был?» — спросила я его. «У знакомых», — ответил он.

Далее Михайлова рассказала, что в этот же день они поехали в Шлиссельбург, где, по словам Митрофанова, ему надо было повидать свою бабушку, чтобы перехватить у нее денег. Однако никакой бабушки он не видел. Гуляли, угощались, ночевали в гостинице, а утром, возвратившись в Петербург, прямо с вокзала проехали к Устинье Михайловой, где и были схвачены.

— Скажи, — спросил я, — отчего Митрофанов оказался переодетым?

— Я пошла покупать ему папиросы. Только вышла из ворот, глядь — городской, околоточный. Меня точно кольнуло что. Уж не за ним ли, думаю? Пришла я, а он сидит и мирно пьет кофе, которым угощала моя сестра. «Так и так, — говорю ему тихо, — полиция стоит у ворот». Он побледнел и говорит мне: «А ведь это меня выслеживают, потому что я убежал с этапа. Что делать?» Стал он думать и придумал переодеться, чтобы под видом женщины проскользнуть мимо полиции. Одеда я его в платье сестры моей и побежала за каретой. Ну а дальше вы и без меня знаете, — почти зло выкрикнула Михайлова и заплакала.

Перед нами стояла женщина, безумно, по-видимому, любящая этого закоренелого злодея.

— Скажи, Михайлова, были у него деньги, видела ты их?

— Были... Но нельзя сказать, чтоб большие. Где три, где два рубля платил он. Но деньгами не швырялся.

* * *

Отпустив Михайлову, я вечером позвал Жеребцова.

— Ну что, узнали что-нибудь?

— Я сейчас производил обыск у Устиньи Михайловой. Буквально ничего подозрительного! Она показала, что Митрофанова видела у себя впервые, что ее сестра, арестованная Ксения, представила его как жениха.

— Ну-с, а дальше где вы были?

— У Пелагеи Федоровой, квартирной хозяйки, у которой Михайлова сняла комнату. Муж ее сообщил, что на другой день по обнаружении убийства в Морском корпусе явился Митрофанов к своей любовнице Михайловой, поселившейся у них, утром, часов в одиннадцать. Вскоре он ушел, а вернулся уже в новом пальто,

костюме, хвалился своими обновками. Потом Митрофанов и Михайлова уехали, и с тех пор он больше их не видел.

— Вы говорите Федоров? — спросил вошедший Виноградов. — Позвольте, это тоже наш знакомый! Он судился один раз за кражу и находится в тесной дружбе с Митрофановым.

— Вы произвели обыск вещей Михайловой и квартирной хозяйки?

— Как же... Среди массы мало подозрительных вещей я обратил внимание на жилетку, принадлежащую Митрофанову. На ней с правой стороны, между первой и второй пуговицами, ясно бросается в глаза небольшое кровавое пятно. Все вещи я распорядился доставить сюда.

Теперь мне предстояло самое главное: допрос Митрофанова. Я знал, что это будет труднейший из допросов. Сын хотя и незначительного, но все же чиновника, он получил кое-какое образование, дополнив его верхушками разных знаний, схватывать которые он был великим мастером. Один, в тиши своего кабинета, я принялся обдумывать план допроса. Наконец я остановился на одном решении. Я позвонил и приказал привести Митрофанова.

На этот раз Митрофанов предстал передо мной уже не женщиной атлетического роста, а высоким, широкоплечим, красивым мужчиной, одетым чисто, почти франтовато. Он вежливо поклонился.

— Ну, Митрофанов, — начал я после продолжительной паузы, — что и как мы будем с вами говорить?

— А, право, не знаю, ваше превосходительство, это зависит от вас, — отвечал он.

Я подметил в его глазах огонек насмешки.

— Нет, Митрофанов, не от одного меня это зависит, а также и от вас.

— Как так?

— Очень просто. О чем говорить... Ну разумеется, мы будем говорить об убийстве Сергеевой. Другой вопрос — как говорить. Вот это-то и зависит от вас.

— А именно?

— Мы можем говорить и очень кратко, и очень долго. Во втором случае — вы отнимете и у себя, и у меня несколько часов сна, в первом случае — все будет кончено в несколько минут.

Я рассмеялся, улыбнулся и он.

— Что же вы выбираете?

— Конечно, первое. Я очень устал, всю эту ночь не спал.

— Отлично. Итак, в двух-трех словах расскажите, как вы убили Сергееву и ограбили несчастного титулярного советника Шнейферова? — быстро задал я ему вопрос.

Ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Это... Это слишком уж скоропалительно даже для вас, — ответил он, улыбаясь углами рта.

— Вот что... Значит, вы не убивали и не грабили? Ах, это скучно, Митрофанов...

— Покорнейше благодарю. Вам скучно, что я не убивал никого и не ограбил, и для того, чтобы вам было... веселее, я должен убить Сергееву и ограбить ее хозяина?

— Слушайте, Митрофанов, бросьте вы бесполезное запирательство. Вы сами понимаете, вам не отвертеться. Против вас — тьма явных, неоспоримых улик. За два дня до убийства вы приходили к Сергеевой, вашей бывшей любовнице, с которой вы вместе фигурировали в деле Квашнина. Сергеева вас представила своему хозяину как брата. Стало быть, факт налицо — вы были в квартире, где совершено преступление. Затем, на другой день после убийства Сергеевой и ограбления Шнейферова у вас вдруг неизвестно откуда появились деньги. Вы покупаете новый костюм, пальто, часы, тратитесь на прогулки с вашей любовницей. Наконец, когда вы узнаете о присутствии полиции у ворот дома, вы устраиваете чисто маскарадное переодевание. Если к этим уликам добавить ваш «послужной список», в котором значится ваша судимость за три кражи, то, вы понимаете сами, спасения вам нет.

* * *

Митрофанов молчал, опустив голову, видимо, что-то обдумывая.

— Итак, я вас обвиняю в убийстве Сергеевой с целью ограбления титулярного советника Шнейферова.

Едва я это сказал, как Митрофанов выпрямился. Лицо его смертельно побледнело, глаза расширились, и в них засветилось выражение гнева, тоски и отчаяния.

— Только не с целью ограбления! — почти прокричал он. — Да, я убил мою бывшую любовницу Настасью Сергееву!

— И ограбили...

— Да нет же, нет, не ограбил, а взял потом, убив ее, вещи и деньги этого чиновника...

— Не все ли это равно, Митрофанов?

— Нет-нет, вы меня не понимаете... — бессвязно вылетало из его побелевших губ. — Я убил Сергееву в состоянии запальчивости и раздражения. Понимаете? Так и пишите.

Я понимал, что он, как человек умный и искушенный в криминальных делах, отлично знал квалификацию преступлений. Он сообразил, что убийство в состоянии запальчивости и раздражения наказывается несравненно мягче, нежели убийство с целью ограбления.

— Успокойтесь, Митрофанов! Если все действительно так, суд примет это во внимание. Вы расскажите, как это случилось.

— С ней... С убитой мной Сергеевой я познакомился в апреле. Скоро мы и сошлись с ней. Полюбился ли ей сильно, не знаю. А она мне действительно очень пришлась по сердцу. Недолго, однако, ворковали да любились мы — попался я в деле Квашнина-Самарина, да и она тоже. На дознании она все старания употребляла, чтобы выпутаться, даже меня не щадила, оговаривала. Это я, ко-

нечно, понимал. Страшило ее заключение, позор. Что ж, всякий человек сам себя больше любит.

Забрали меня, посадили, а она выпуталась. До пятого сентября не видался я с ней, хотя несколько раз писал ей как из дома предварительного заключения, так и из части, где отбывал наказание. В этих письмах — может, вы в ее вещах их найдете — я умолял ее навестить меня, вспоминал наше прошлое, нашу любовь, наши ночи, полные страсти, поцелуев, объятий. Ни на одно письмо я не получил ответа, и она сама ни разу не пришла ко мне. Потянулись дни, скучные, унылые. В один из таких дней встретился я в части с Ксенией Михайловой и сошелся с ней. Когда я вернулся самовольно из Лодейного Поля, запала мне в голову мысль повидать Сергееву. И так эта мысль меня охватила, что никак не мог я ее от себя отогнать. Хотелось мне ее повидать главным образом для того, чтобы от нее самой узнать, справедливы ли слухи, доходившие до меня, будто у нее от меня родился ребенок. Потом хотел ей сказать, что она может явиться за вещами по делу Квашнина-Самарина, признанных судом как подлежащие возврату ей.

Явился я к ней пятого сентября. Это первое наше свидание было довольно дружелюбное. Она встретила меня приветливо, почти ласково. Стал я ее стыдить, что она ни разу меня не навестила. Она сначала говорила, что ей это было неудобно, а потом заметила: «На что я тебе там нужна была? У тебя ведь там новая подружка завелась, с ней небось миловался».

Я ей резко ответил, что это случилось только потому, что она бросила меня в такую тяжелую минуту. Разговор об этом мы прервали. Она угостила меня, а затем, когда пришел ее хозяин, представила меня за брата. На прощанье она мне шепнула: «Приходи во вторник».

Вместо вторника я пришел в понедельник. Это было седьмое сентября. Сначала мы мирно разговаривали, а потом Сергеева начала придирается ко мне: «Шел бы, — говорит, — к своей потаскухе». Вскочил я и закричал ей: «А ты кто? Ты — честная? Она во сто раз чище и лучше тебя! Она меня полюбила там, как покинула ты, честная, чистая негодяйка! Когда меня выслали, она добровольно решилась последовать за мной. И ты осмеливаешься поносить ее?!»

Кричу и чувствую — злоба к сердцу подкатывает. Все, все вспомнил я в эту минуту, и ненависть проснулась во мне к этой женщине, которая так равнодушно отнеслась к отцу своего ребенка. «Молчи, — кричу я ей, — а не то вот этим ножом тебя зарежу!» Схватил нож с плиты и показал его ей. Смотрю, подходит она ко мне, побледнела от злости, усмехается криво и насмешливо говорит: «Что, зарезать меня хочешь? Ха-ха-ха! Ой, не боюсь! Не зарежешь, Коленька, не зарежешь! Зарезать потруднее будет, чем красть или с осторожными шурами путаться... А ты вот что — если орать хочешь, так ступай из кухни в комнаты, там ори на здоровье,

сколько хочешь, а здесь этого нельзя, здесь, голубчик, другие жильцы услышат».

И пошла первая в комнаты. Пошел и я за ней. «Молчи, — говорю, — Настя, лучше молчи! Не вводи меня в грех, потому добром это у нас не кончится... Боюсь я себя, крови своей боюсь, зальет она мне глаза, я тогда зверем буду...»

А она, точно назло, еще пуще на Ксению нападать стала. Чувствуя я, зверь во мне просыпается, чувствую, к сердцу что-то горячее приливает, горло сжимает. «Вот ты какой рыцарь появился? За всякую потаскуху заступаешься? — продолжает она. — Трогать ее, принцессу, нельзя? Бить меня за нее собираешься? Резать? Видно, сильно полюбилась тебе она, да? Что ж, на, бей, подлец, режь меня, режь за эту панельную красотку!»

И она почти вплотную придвинулась ко мне, подставляя свою грудь, свою шею. Потемнело сразу в глазах у меня, взмахнул я ножом да как ахну ее в горло! Вскрикнула она, всплеснула руками, захрипела, зашаталась и навзничь грохнулась. Нагнулся я, смотрю — не дышит уже. Мертва...

Митрофанов, рассказывая это, был страшен. Бледный, трясущийся, с широко открытыми глазами.

— Ну, а потом... Потом махнул я рукой. Теперь уж все равно. Взял я вещи чиновника этого и бросился из квартиры.

* * *

Митрофанов действительно убил Сергееву в состоянии запальчивости и раздражения. Суд учел это, и он был приговорен на кратчайший срок к каторжным работам.

СТРАШНЫЙ БАГАЖ

Около десяти часов вечера 4 сентября 1888 года заведующий полицейской командой Варшавской железной дороги сообщил мне по телефону, что на прилавке багажного отделения найден тюк, в котором находится труп женщины, завернутый в клеенку и несколько рогож.

* * *

Найденный труп вместе с клеенкой и рогожами был перенесен в приемный покой. Это была женщина лет тридцати — тридцати двух, брюнетка, со строгими чертами лица. Одета она была в белую юбку, рубашку и ночную кофту, в чулках, но без башмаков. На трупе не было никаких следов насилия. Ценное золотое кольцо с камнями и бриллиантовые серьги указывали на то, что преступление совершено без корыстных целей.

Я расспросил служащих, при каких обстоятельствах был открыт этот страшный багаж. Оказывается, на него обратил внимание весовщик. Он увидел его часа в три. Сундуки, корзины, узлы, тюки один за другим проходили через его руки, а этот тюк все лежал без хозяина, и его то и дело передвигали с места на место.

Весовщик спросил насчет тюка других весовщиков, те — артельщиков, но никто этого тюка не помнил. Приходя с багажом, артельщик каждый раз говорил, взглянув на подозрительный тюк: «А он все без хозяина», — и передвигал его по прилавку. От бесконечных передвижений веревки на тюке ослабли, и в девять часов вечера один из весовщиков заметил в развернутой рогоже словно бы волосы. Он показал другим, и, любопытствуя, они раздвинули рогожу. Тут-то все и увидели, что это голова. Позвали жандарма, составили протокол и развернули подозрительный багаж.

Я стал опрашивать всех, не видели ли они, кто принес этот тюк, но никого не нашлось. Распорядившись препроводить труп в Александровскую больницу, я тотчас телеграммами отдал распоряжение всем приставам, чтобы они опросили дворников, не заметил ли кто-нибудь из них исчезновение жилицы, и в случае, если заявитель окажется, направить его в Александровскую больницу для опознания трупа.

* * *

Уже на следующий день мои распоряжения принесли результаты. Пристав второго участка Александрово-Невской части утром сообщил мне по телефону, что содержательница меблированных комнат в доме по Лиговке Анна Грошева заявила об исчезновении у нее жильцов — уфимской купеческой дочери Елены Шаршавиной и личного почетного гражданина Бунакова, что он, пристав, послал Грошеву в Александровскую больницу, и она нашла в покойной сходство с Шаршавиной, но полностью поручиться не может.

Я распорядился навести справки о всех местах, где могла побывать Шаршавина в Петербурге и о дне ее приезда, так как она приезжая. Такие же сведения должны были быть собраны и о Бунакове. Эти справки я получил без промедления в тот же день. Оказалось, что в комнаты Грошевой на Лиговку Шаршавина приехала с Бунаковым в ночь со второго на третье сентября из Москвы, но что до этого времени, а именно с мая месяца, она — все так же с Бунаковым — жила в меблированных комнатах в разных домах на Невском проспекте.

Я вызвал из этих заведений прислугу и послал для опознания трупа в Александровскую больницу. Сомнения не было, все сразу признали Елену Ивановну Шаршавину, бывшую в любовной связи с Бунаковым, который почему-то скрылся. Отсюда ясно следовало, что он или тоже жертва, или убийца, причем последнее — по показаниям Грошевой — вернее.

Они приехали с пятницы на субботу. В субботу Грошева мельком видела Шаршавину, подавая им самовар. В воскресенье, в пять часов утра, Бунаков ушел, запер за собой комнату и вернулся с пучком веревок и рогожами. Часов до двенадцати он возился у себя, потом вышел снова, скоро вернулся с каким-то молодым человеком в фартуке и вынес с ним длинный упакованный тюк. Вернувшись часа через полтора, он заявил, что должен немедленно уехать в Москву. На вопрос, где жиличка, Бунаков ответил, что, вероятно, она уехала раньше. В четыре часа дня он уехал.

Продолжая допросы номерных и коридорных из дома, я в то же время сделал распоряжение через приставов найти извозчика, который утром четвертого сентября взял у дома на Лиговке тюк на Варшавский вокзал, и того человека, который помогал вынести тюк. Одновременно я велел собрать справки о всех странствованиях Бунакова с Шаршавиной и послать о них запрос в Уфу.

* * *

Итак, я издал приказ разыскать извозчика и носильщика. Вторым оказался маляром. Он объяснил, что около двенадцати часов

шел с товарищами после работы из дома Пожарского на Лиговке. Когда они проходили мимо меблированных комнат, к нему подошел мужчина лет сорока пяти, одетый по-русски, в длинном пальто, и попросил его помочь вынести из квартиры тюк. Маляр согласился. Мужчина повел его по лестнице на второй этаж и, войдя в квартиру, попросил подождать. Маляр ждал минут пять, потом мужчина позвал его в комнату. Он пошел за ним по длинному коридору, вошел в маленькую комнату и увидел тюк, упакованный в рогожу, длиной аршина два, с одного конца толще, с другого тоньше. Маляр взялся за тонкий конец, тот за толстый, и они вынесли тяжелый тюк на улицу. Там мужчина сторговал извозчика за сорок копеек, сел, поставил тюк толстым концом вниз, заплатил маляру пять копеек и уехал.

Извозчик прибавил к этому показанию немного. Мужчина по дороге объяснил ему, что тюк этот не его, везет он багаж по поручению товарища. Тюк на вокзал понес сам седок. Вскоре он вернулся, отдал деньги, попросил довести его до Обводного канала, там слез и ушел.

В то же время один из номерных сделал интересное для меня заявление. Когда Бунаков жил на Невском, к нему заходил в гости молодой человек, которого Бунаков звал Филиппом и которого номерной описал довольно подробно. Розыск его для дела был необходим. Через него, вероятно, можно было бы напасть на след убийцы. Я распорядился отыскать его, но неожиданно он явился ко мне сам. Седьмого сентября утром мне доложили, что меня настоятельно добивается видеть какой-то молодой человек по фамилии Петров.

Я приказал принять его. В кабинет вошел блондин симпатичной наружности.

— Что вам угодно? — спросил я, приглашая сесть.

— Я, собственно, к вам по делу Бунакова, — застенчиво ответил он.

Я насторожился.

— У вас есть какие-нибудь сведения о нем?

— Да-с. Я, собственно, вероятно, тот самый молодой человек, который посещал Бунакова и которого вы ищете. Я думаю так потому, что, кроме меня, он никого не знает в Петербурге.

— Что же вы можете рассказать? Кто вы?

— Я — мещанин города Бирска Уфимской губернии Филипп Петров. — Он подал мне свой паспорт. — Приехал сюда искать места, потому там какое же житье. А этого Бунакова я знаю с малых лет...

И он рассказал мне все, что знал о Бунакове.

* * *

Оказалось, что Бунаков — очень состоятельный человек и имеет в Златоустовском уезде до пятидесяти тысяч десятин, купленных

у башкир, из-за которых теперь судится и дошел до Сената. Женат Бунаков на некоей Елене Максимовне и живет в городе Уфе в доме Шаршавина, снимая у него половину дома.

Семья Шаршавиных состоит из двух сестер — Елены Ивановны и Веры Ивановны. Вера Ивановна замужем за капитаном пароходов и сама торгует оренбургскими платками, а Елена Ивановна никакими делами не занималась, была девицей и жила с Бунаковым уже девять лет, сперва потихоньку, а потом почти открыто. Жена Бунакова узнала про его измену, но дело окончилось для нее только побоями.

Дальше Петров рассказал, что, по словам Бунакова, Елена Шаршавина весной родила, и он видел их обоих, а потом они уехали.

— Но вот вчера, не то в пять, не то в шесть часов, вдруг отворяется дверь, и входит сам Бунаков, — рассказывал дальше Петров, волнуясь. — Я уже все о деле по газетам знал. Бунаков пришел бледный такой, криво усмехнулся и говорит: «Дай чаю, если время есть!» Я принес чаю, и мы стали пить. Пили, пили, и вдруг я говорю Бунакову: «Что это вы наделали такого?» Он даже стакан отставил, затрясся, а потом и говорит: «Я?.. Ничего... Она сама отравилась, а я испугался». — «С кем же это вы труп увезли? — «А не знаю, попался на улице какой-то рабочий, штукатур, кажись. Я его и зазвал». — «Как же вы все это сделали?»

Он помолчал, а потом встал и заторопился. «Мне сейчас некогда, — сказал он почти шепотом, так что меня даже мороз по коже продрал, — а приходите завтра в двенадцать часов на Троицкий мост или вечером в Третье Парголово. Я вас на вокзале ждать буду. Там все и расскажу, а здесь еще услышать могут». Кивнул мне и ушел. Я сразу-то и не опомнился. А потом думаю: «Был у меня такой человек, а я молчал — еще в ответе буду!» И сейчас за ним, а он ушел черным ходом. Прислуги, как на грех, не было. Я и подумал — лучше приду да все скажу, тем более что меня ищут, а его тогда можно либо на мосту, либо в Парголове взять... Вот и пришел!

— И отлично сделали, — ответил я. — Так уж доведите дело до конца. Я дам вам двух чиновников. Вы с ними пойдете сперва на мост и, если его там не найдете, поедете в Парголово и там укажете чиновникам на Бунакова.

Я позвонил, велел позвать двух агентов, Шереметьева и Тяпкина, и поручил им Петрова.

Они ушли. Я уже знал, что теперь дело практически раскрыто и убийца в наших руках.

* * *

На мосту они никого не нашли и вечером поехали по Финляндской дороге.

Часов в двенадцать ночи меня позвали наверх. Я поднялся и увидел Бунакова. Это был человек невысокого роста, плотный, с равнодушным лицом и холодными голубыми глазами. Он сидел между агентами в непринужденной позе. Я хотел сначала получить сведения от агентов и потому позвал Шереметьева. Тот рассказал мне, что на станции Третье Парголово они увидели Бунакова — на него показал Петров. Они арестовали его и произвели обыск, а затем составили акт о задержании.

Я распорядился, чтобы завтра утром в его комнате произвели обыск — оказалось, что он снял комнату в Третьем Парголове — и приказал ввести Бунакова.

Он вошел, издал поклоны и остановился. Я подозвал его подойти поближе. Свет лампы падал Бунакову на лицо.

— Ну, расскажите, как вы все это сделали? — спросил я его.

— Ничего я не делал, — ответил он, — и ничего не знаю.

— Для чего же вы с Лиговки очутились в Парголове?

— Рассорился и уехал, ее там оставил.

— Отлично!

Я позвонил и молча подал рассыльному бумажку, на которой написал требование привести извозчика и маляра. Несмотря на поздний час, я решил довести дело до конца и послал за ними.

Прошло более получаса в совершенном молчании. Наконец явился рассыльный. Я знаком приказал ввести извозчика и маляра. Бунаков увидел их и побледнел.

— Он?

— Он самый! — ответили они в один голос.

— Что же, вы и теперь будете отказываться, что убили Шаршавину и отвезли ее труп на вокзал?

Бунаков переступил с ноги на ногу.

— Нет, зачем же... — ответил он. — Действительно, отвез... Мой грех... Напугался и отвез.

Потом он рассказал свою историю.

Приехали они на Лиговку в ночь на субботу со второго на третье число. День провели в номере вместе и вместе вечером пошли ко всенощной к Знаменью. По дороге домой купили булок к чаю. Пришли, а ей дурно стало. Спазмы в груди, конвульсии. Он ей грудь растирал, воды подал, чаем поил. Потом легли спать, она на кровати, а он на полу. Утром в воскресенье проснулся, а она холодная.

— Умерла. Я испугался, ну, и сделал все, чтобы отстраниться, — закончил рассказ Бунаков.

— Между тем вскрытие показало, что Елена Шаршавина умерла от отравления.

В то же время из справок, присланных уфимским полицмейстером и златоустинским исправником, выяснилось, что Бунаков был незаурядным преступником. Простой крестьянин, он, будучи волостным старшиной, сумел обманом купить у башкир пятьдесят две тысячи десятин земли совершенно без денег и удачно

заложить ее за большую сумму. Затем, когда в губернии было введено земство, он, за неимением в уезде помещиков, был избран председателем земской управы, но в то же время успел попасться в ряде подлогов, в покушении на убийство, сидел в тюрьме полтора года и был приговорен на пятнадцать лет ссылки в Сибирь с лишением прав. По этому делу он и приехал хлопотать в Сенате об отмене приговора.

* * *

Бунакова судили и, несмотря на заpiresательство, обвинили в преднамеренном убийстве. Мотивы этого преступления так и остались нераскрытыми.

ПЬЯНЫЙ ЗВЕРЬ

Пятнадцатого января около трех часов утра в сыскную полицию поступило сообщение, что в доме барона Фредерикса по Орловскому переулку, в меблированных комнатах новгородской мещанки Елены Григорьевой, найден мертвым в своем номере отставной чиновник Готтлиб Иоганнович Фохт.

* * *

Я немедленно командировал в Орловский агента полиции. Туда же приехали судебный следователь, товарищ прокурора, полицейский врач и лица судебного-полицейского ведомства.

Глазам прибывших предстала небольшая комната, серенькая, грязная. У правой от входа стены — узкая железная кровать. Кровать постлана, но не смята. Мертвый Готтлиб Фохт лежит спиной на полу, его левая нога покоится на кровати. Одет он в чистое нижнее белье, тоже не смятое. Полицейский врач приступил к наружному осмотру покойного.

— Ваше мнение? — обратились к врачу товарищ прокурора и судебный следователь. — Имеем ли мы дело со случаем скоропостижной естественной смерти, или есть данные предполагать насильственную кончину?

— Я не усматриваю явных следов насилия, — ответил врач, — правда, есть маленькие ссадины под бровями и на шее и небольшая рваная ранка за левым ухом... Но я полагаю, что этих данных еще мало для картины насильственной смерти. Положение трупа наводит меня на мысль, — продолжал врач, — что смерть застала Фохта внезапно, когда он собирался ложиться. Он вдруг почувствовал дурноту, хотел вскочить, но уже не мог и навзничь, мертвый, грохнулся на пол. Левая нога осталась на кровати.

— Но ссадины, ссадины!

— Он мог удариться при падении.

Следователь переглянулся с товарищем прокурора.

— Видите ли, доктор, если бы Фохт сам упал в агонии навзничь или на спину, то он должен был бы скорее всего разбить себе затылок, голову. Вы видите — он лежит лицом кверху. Каким же образом человек, падающий навзничь, может получить от падения ссадины под бровями?

— Он мог удариться лицом... — ответил сконфуженный врач.
— Нет, не мог, — возразил следователь.

Распорядившись об отправке трупа для вскрытия, мы приступили к предварительному дознанию.

Первой была приглашена для допроса, за отсутствием содержательницы меблированных комнат, ее сестра Евдокия Григорьева.

— Скажите, в ту ночь, когда скончался Фохт, все ваши жилыцы были дома?

— Кажись, все...

— Был ли кто-нибудь в комнате покойного?

Тут Григорьева рассказала, что в тот поздний вечер и ночь к покойному заходили соседи по комнатам Иван Малинин и чиновник Александр Платонович Померанцев. По-видимому, они пьянствовали. Из комнаты Фохта раздавались взрывы хохота, пьяные выкрики, словом, веселье шло вовсю. Шумели настолько, что барыня из пятого номера выходила и просила быть потише. В два часа ночи Григорьева видела Малинина сильно пьяным, а Померанцева — выходящим из комнаты Фохта в брюках покойного.

— Вы, стало быть, хорошо знали вещи покойного, если сразу узнали его брюки на Померанцеве? Скажите в таком случае, чего не хватает среди вещей покойного Фохта?

После беглого осмотра Григорьева обнаружила исчезновение енотовой шубы и золотых часов с цепочкой.

Один из жильцов, великолуцкий мещанин Петр Вихрев, тоже заявил, что в ночь смерти Фохта он видел, как Померанцев и Малинин переходили из комнаты в комнату, то от Фохта к себе, то от себя к Фохту.

Исчезновение енотовой шубы покойного, его золотых часов, таинственные обстоятельства смерти, неестественное положение трупа, подозрительные ссадины и ранка на шее — все это дало основание полагать, что отставной почтовый чиновник Готлиб Фохт был убит с целью ограбления.

Показание Григорьевой, что в ночь трагического происшествия покойный Фохт проводил время с Малининым и Померанцевым, пролило свет на это дело, дав ценные указания, в каком направлении вести следствие. Я дал приказ о розыске похищенной у Фохта енотовой шубы. Эти розыски очень скоро увенчались успехом. На Александровском рынке нашему чиновнику удалось узнать, что утром пятнадцатого января какие-то двое неизвестных продали енотовую шубу барышням, которые, в свою очередь, перепродали ее в лавку Павлова в Апраксином дворе. Там шуба и была найдена и представлена в сыскную полицию.

Теперь все внимание сыскной полиции сосредоточилось на Малинине и Померанцеве. Какой-то внутренний голос подсказывал мне, что эти двое не косвенно, а прямо замешаны в деле об убийстве Фохта.

И тут случилось нечто в высшей степени странное. Один из предполагаемых убийц совершенно спокойно явился в свою комнату, то есть туда, где, как он должен был предполагать, все уже были начеку и где была устроена засада. Это был Иван Малинин. Около десяти часов утра он, пьяный, подъехал к дому, вошел в квартиру и прошел шатающейся походкой в свою комнату.

Через несколько минут к нему нагрянула сыскная полиция. При виде ее он страшно изменился в лице, и хмель сразу соскочил с него. Грустное, тяжелое и вместе с тем отталкивающее впечатление производил этот юноша. Перед нами стоял чуть ли не отрок — ему было всего лишь девятнадцать лет. Пьянство и разврат уже успели наложить свой след на этого юношу.

При аресте он был почти невменяем. Очевидно, бессонная ночь, пьянство и распутство каким-то кошмаром придавили его. Привезенный в сыскную полицию, он чистосердечно рассказал все. Он, Иван Иванов Малинин, царскосельский мещанин, сирота. Родители его были довольно состоятельными, занимались торговлей. Желая дать сыну приличное образование и воспитание, отдали его в коммерческое училище, где он, однако, курса не окончил, пробыв только до пятого класса.

— Отчего же вы ушли из коммерческого училища? — спросил я Малинина.

— Несколько причин было. Во-первых, умерли родители, и я хотел сам заняться коммерческим делом, а потом... учение не давалось. В одном из танцклассов познакомился я с барышней... Свели мы близкое знакомство... Деньжонки водились...

Начались кутежи, попойки.

Словом, из рассказа Малинина об этом периоде его жизни вырисовывалась старая и знакомая история, как гибнут юноши, попавшие слишком рано в водоворот столичной жизни...

Жил он раньше на Дегтярной улице, а теперь, вот уже год, как поселился в квартире Евдокии Григорьевой, где снимает комнату, в которой у него обитает также и отставной коллежский регистратор Александр Платонович Померанцев.

— Чем же занимается ваш сожитель Померанцев?

— Пьянством, — ответил Малинин. — Он почти голый, все пропил.

— Ну, расскажите теперь все откровенно, что вы знаете об убийстве Фохта, — сказал я. — Не забывайте, что вы подозреваетесь в этом убийстве.

— Нет, ваше высокопревосходительство, — начал Малинин, — клянусь вам, я не убивал старика. Это дело рук Померанцева. Рядом с нашей комнатой жил отставной почтовый чиновник Готлиб Фохт, человек уже очень пожилой. Среди жильцов Григорьевой он пользовался большим почетом, так как почему-то все его считали

весьма зажиточным, чуть ли не богачом. Он жил не только ни в чем не нуждаясь, но и ни в чем себе не отказывая. Любил выпить, причем не жалел тратиться на дорогие вина, специальные водки, закуски.

Вчера, около четырех часов дня у меня были мои братья Федор и Алексей, приехавшие из Царского Села. В пять часов они уехали обратно. Уезжая, Алексей дал мне рубль двадцать копеек, на которые я купил три сороковки водки, три бутылки пива, колбасу, масло и хлеб. Все это мы принялись уничтожать вдвоем с Померанцевым.

Фохт пришел к себе около восьми часов вечера. «Идите, Померанцев, ко мне пить вашу супружницу-тезку — померанцевую водку», — пригласил Померанцева Фохт и расхохотался, довольный своим каламбуром. Бражничали они долго. Около одиннадцати часов вечера пришел от Фохта Померанцев и принес мне рюмку померанцевки. «Лопай, дружище, — сказал он, — наш старик шлет тебе сие в дар». Я выпил ее. Должно быть, чаша переполнилась, потому что я почувствовал опьянение. «Дай мне твой ремень, которым ты подтягиваешь брюки», — обратился ко мне Померанцев. Я спросил, зачем он ему понадобился. «Нужно», — буркнул он. Я дал. Он ушел в комнату Фохта, заперев предварительно на ключ квартиру изнутри. Прошло некоторое время.

Вдруг совершенно ясно из комнаты Фохта послышался какой-то странный шум, сдавленные возгласы, словно там происходила борьба. Я затаил дыхание... Прошло еще несколько томительных минут, и вдруг в комнате Фохта что-то грузно упало на пол. Звук падения был глухой, какой бывает при падении тела. Тут страх охватил меня, я не знал, что происходит, но что-то мне настойчиво говорило, что в комнате Фохта разыгралось нечто злое, мрачное.

Из комнаты Фохта теперь несся храп, вернее, хрип. С сильно бьющимся сердцем я бросился на кухню, но, выскочив в коридор, столкнулся с Померанцевым, выходившим из комнаты Фохта. Померанцев был сильно взволнован. Руки его заметно дрожали, глаза беспокойно бегали.

Через несколько минут он опять пошел в комнату Фохта, недолго там пробыл и вернулся ко мне, одетый уже в платье Фохта. В руках он перебирал деньги, кредитками и серебром, которых, как мне показалось, было рублей на шесть. «Вот что, — заявил мне Померанцев, — собирайся, мы сейчас поедem с тобой в Щербаков кутить». Я попробовал отказаться от поездки, тогда он вплотную приблизился ко мне и угрожающим голосом прошипел: «Не поедешь?» Я сейчас же согласился, и мы поехали. Началась попойка, появилось пиво, водка.

Померанцев пил с особой жадностью. После этого мы отправились на Александровский рынок, где Померанцев продал енотовую шубу за двадцать пять или двадцать четыре рубля. Оттуда мы

попали еще в какой-то трактир, из которого Померанцев скрылся, и как я очутился в своей комнате, даже не помню.

* * *

Померанцева арестовали около Пассажа. На допросе он сознался в убийстве Фохта и подтвердил показания Малинина.

— Вошел я к нему, — цинично заявил убийца, — к почтенному Готлибу Иоганновичу, в его прилично-мещанский номер... Батюшки, домовитостью, буржуазной солидностью так и пахнуло на меня! Кроватка и белье чистенькие, на вешалке и шуба енотавая, и костюмчики разные, на столике часы золотые, на комодке, который хочет лопнуть, кошелечек с деньгами. Фу-ты, благодать какая! И вдруг на столе — водка! Позвольте, как же это — водка и столько добра? Да разве это совместимо? Вот у меня часто водка на столе стоит, так разве вы у меня найдете что-нибудь существенное?

А Готлиб, почтеннейший Готлиб, меня угощает. «Выпейте рюмочку померанцевой», — говорит. «А простую водочку, Готлиб Иванович, вы не употребляете?» — «Не люблю ее... Грубая она... Эта хотя и дороже, зато деликатная», — отвечает он. «Это точно, Готлиб Иванович. А вы вот что скажите: отчего вы пьете водку и у вас есть часы золотые и енотовая шуба, а я пью водку — и у меня нет штанов?» — «Оттого, — отвечает Готлиб Фохт, — что я пью аккуратно, а вы широко, по-русски...»

Разозлил еще больше меня этот ответ. Сытая, самодовольная физиономия меня бесила. «А скажите, Готлиб Иванович, — обратился я к нему, — если я вам, примерно скажу: «Готлиб Иванович, дайте мне ваши брюки, сюртук, шубу», — дадите вы это или нет?» — «Конечно, не дам!» — расхохотался противным смешком Фохт.

Он начал раздеваться. Когда он остался в одном белье и присел на кровать, собираясь ложиться, я вдруг набросился на него и обеими руками схватил за шею. Он только и успел прохрипеть: «Что ты делаешь?.. Разбойник...» Оторвать мои руки от горла ему не удавалось, как он ни старался. Я сжимал его горло все сильнее и сильнее, мои руки, казалось, были поражены судорогой, окостенели... Он теперь уже хрипел, потом как-то покачнулся и грохнулся навзничь, увлекая и меня. Мы упали вместе — Фохт уже не дышал. Я отдернул руки, встал и занялся его вещами.

* * *

Померанцев был предан суду и понес тяжелое наказание.

НАПРАСНАЯ КРОВЬ

Оживленная днем Калашниковская набережная к вечеру затихает, а ночью представляет собой едва ли не самое пустынное и угрюмое место в Петербурге.

Пристань пуста. Тускло горят редкие фонари и освещают будку сторожа, одиноко стоящего городского и ряд пустых маленьких товарных вагонов соединительной ветки.

Был холодный, ненастный осенний вечер. Ветер дул с ураганной силой, и холодными струями лился проливной дождь. В непроглядной темноте громадами чернели каменные амбары, а подле них длинный ряд вагонов слегка скрипел и шатался от порывов бешеной непогоды.

Петр Гвоздев, забравшийся в один из вагонов, дрожал и ежился от холода в своем рваном пальтишке, забившись в самый угол вагона, но усталость брала свое, и глаза его уже смыкались, как вдруг сквозь шум дождя и шум ветра он услышал голоса, и в ту же минуту вагон вздрогнул, и в него кто-то влез.

— Вот и заночуем, — сказал сиплый голос.

Вагон снова закачался. Следом за первым влез и другой человек и ответил дребезжащим голосом:

— За милую душу! Одни?

— Надо полагать.

Вспыхнула спичка и слабо осветила непроглядную тьму.

Петр Гвоздев в ужасе забился в самый угол и свернулся комком. В озаренном пространстве он увидел широкое красное лицо со взлохмаченной бородой.

Спичка погасла, и непроницаемая тьма наполнила вагон.

— Одни, — повторил сиплый голос, — теперь задвинем двери и чудесно!

Двери громыкнули и задвинулись.

* * *

Петр Гвоздев лежал ни жив ни мертв, уже не чувствуя ни усталости, ни холода.

Снова вспыхнула спичка, и, когда она погасла, в темноте загорелся красный огонек папиросы.

Звякнуло стекло бутылки, послышалось бульканье выпиваемой из горлышка водки, и затем раздался дребезжащий голос:

— В Колпине впору с голоду сдохнуть. Ни тебе работать, ни стрелять, а заводские еще жизни лишат. Народ аховый!

— Знаю! — отозвался сиплый голос. — За что лишен?

— В карман залез. Отсидел и гуляй! Теперь третий раз оборачиваюсь. Поначалу работал, и как это моя стерва баба проштрафилась! Ее в каторгу, меня в подозрение, с фабрики вон, и пошло! Есть ведь тоже охота.

— Кого в каторгу? Бабу? — спросил сиплый голос. — За что?

— Жену мою? За што? За то, что дура! Убила, и все это как следует, а под конец — и на... попалась! Да так ей, шкуре, и надоть.

Опять послышался звон посуды, бульканье и дребезжащий голос заговорил.

* * *

— У Камюза работал. Знаешь? На Обводном! Ну, там... и ничего... жили. Я и баба моя. А теперь, как вышло... В субботу было. Я ушел это, а она обед готовила. Пришла к ней баба Аксинья и начала с нее три рубля спрашивать, которые у ней моя баба заняла. У ней нет, Аксинья ругается, слово за слово. А моя-то, ух, злющая! Ножом-то ее и полосни! Р-раз — из нее и дух вон. Смотрит моя, а Аксинья только трепыхается, тут моя баба сейчас умом это раскинула, голову ей срезала напрочь, взяла мешок от картофеля, всунула ее туда, с головой-то, поставила промеж дверей и заставила дровами, а потом кровь вытерла, пол вымела, тряпки сожгла, которые в крови, и стала обед готовить. Вот ведь какая! Я это все потом узнал. И было у ней в мыслях ночью ее выволочь и положить на рельсы — будто поездом. Мы подле как есть Царскосельской дороги жили, пять шагов — и рельсы.

— Ловко! — произнес сиплый голос.

А дребезжащий продолжал:

— Такая шкура! Я, это, вернулся с фабрики-то, расчет принес, мне ништо и невдомек. Пообедали, спать легли. Проснулись, на дворе темно. Я и говорю: «Пойдем к куму в гости!» — «Нет, — говорит, — мне неохотно нонче. Позови лучше Андрона Прохорова, да в картишки поиграем!»

Прохоров-то сосед был. Мне все едино. Сходил позвал, и сели играть. И она с нами. Сперва в козла играли. Она так-то хохочет, потом и говорит: «Чтой-то у меня голова заболела. Поиграйте одни, я вам водочки принесу, а сама лягу». Слышишь! Вот шкура хитрая! Бой-баба была... Побежала это, принесла водки, огурцов, а сама за занавеску и легла, будто спит. Мы пить да играть. Спор подыдем и опять играть... А она, подлая, я потом это узнал, тихонько встала, мешок вынула и шасть на свое дело. Только известно, баба. Несет мешок-то, а ей и тяжело, и страховато, с третьего этажа иттить надо. Мы в третьем этаже жили. Донесла донизу... только вдруг внизу кто-то дверь хлоп. Со двора, значит. Она испугалась, мешок-то бросила да наверх, опять за занавеску, и лежит... А мы

все играем, и ништо нам невдомек. Спит баба и все! И вдруг... на лестнице крик, шум. Визжат, кричат и дверями хлопают. Мы карты прочь и на лестницу. «Што такое?» — «Убийство! Человек и без головы, и голова напрочь, и в мешке! Сичас полиция!» Я говорю: «Машка (так мою бабу звали), убивство!» А она: «Ах, как ты меня испугал! Я спала!» Слышишь? Ха-ха-ха!.. Шельма! Спустился я вниз, там околודок, дворники, лежит что-то рогожей накрыто, и не подпускают. Прохоров перепугался и хотел домой иттить — не пушают. «Не велено», — говорят. Мы и толчемся на лестнице, а моя Машка лежит себе и хоть бы што... Приехали тут и сыщики, и следователь. Осмотр делали, допросы... Почти до утра, а потом и пошли по квартирам осматривать да допрашивать. Агент-то, вишь, мою бабу напугал, поднялся на лестницу, наткнулся на мешок и крик поднял, — показал, что слышал, как по лестнице вверх кто-то побежал. Ну, они и пошли кверху, в каждую то есть квартиру. Пришли и к нам. Баба моя встала, и зачали нас опрашивать, а агент все по квартире ходит да высматривает. Баба говорит, так и так: стряпала обед, вернулся муж, поели, спать легли, потом, как в карты играли и у ней голова заболела, и она спать легла. Больше, мол, ничего не знаю. И я то сказал, и Прохоров. Мы-то с ним хучь под присягу, потому и вправду ничего не знали. Они повернулись и пошли прочь. Только агент как закричит: «А это что?» Мы к нему, а он с фонариком светит и на пол кажет. На полу-то пятна и совсем подле двери. «Это что?» — «А это я тяткой палец порубила», — говорит моя баба, а агент уже дрова прочь бросает да, словно ищейка по следу, так и дрожит весь. Как дрова разобрали, ан лужи крови. «Это что?» Тут баба моя в ноги — и повинилась...

Наступило молчание, потом дребезжащий голос произнес со вздохом:

— А скажи мне, я бы помог, и все было бы потиху.

* * *

— Баба-дура, известно, — проговорил сиплый голос. — Коли убил, никто не видел, так укрыть — пустое дело. Со мной раз было...

— Убил, што ли? — спросил дребезжащий голос.

— Убил, — нехотя ответил сиплый. — Да так, зря. Было это еще в Вяземской, в банном флигеле. Я там жил у Купороса. Солдат в отставке. И жил там Авдюшка хромой. Такой задорный мужичонка. Ну, вот и случилось... Весной было. Все на двор ушли, а я с Авдюшкой — в комнате. И не помню сейчас, из-за чего спор затеяли. Авдюшка меня хват в ухо, а я его в грудь. Ён и покатись, да башкой об нары — и дух вон! Я, это, сейчас кровь-то заплывал да ногой затер, его — в охапку и будто веду. По дороге — Купорос. «Куда?» А на лестнице темно. «Пусти, — говорю, — вишь, Анучин натрескался, в Стекланный веду». А кто Анучина знал,

тому известно, что коли он с деньгой, значит, пьян... Вышел, это, вытащил его, прошел задами, да на извозничий двор под колоды и кинул. Потом вернулся, поговорил с Купоросом, на двор пошел и — шабаш! Полиция потом нашла труп, дозналась, кто это, да так и отъехала...

* * *

— Что это? — тревожно сказал сиплый голос.

Сквозь шум дождя и ветра послышались крики.

— Заглянь!

Дверь отворилась, и с порывом ветра донесся какой-то беспокойный шум.

— Обход! — испуганно воскликнул дребезжащий голос.

— И то!

Они беспокойно вскочили на ноги.

Петра Гвоздева охватил страх. Он тоже вскочил и бросился к двери.

— Стой! Ты откуда! — раздался сиплый голос, и мощная рука схватила его за горло.

— Пусти! Я тут был, — прохрипел Гвоздев.

— А я спрашивал, так молчал?

— Спал... Не слышал...

— Небось! Что надо, все слышал, — произнес сиплый голос.

В тот же миг Гвоздев почувствовал острую боль в боку. Он вскрикнул и упал навзничь.

Две тени скользнули в дверях вагона и скрылись в темноте ненастной ночи.

* * *

Отряд городских с околоточными, с помощником пристава и агентом медленно шли вдоль вагонов, заглядывая в каждый. Агент освещал внутренность вагона фонарем, и оттуда друг за другом извлекались ночлежники, мало-помалу образуя изрядную толпу.

— Выходи! — крикнул агент, увидев лежащего Гвоздева.

Тот не шелохнулся.

— Что же ты? Слышишь?

Агент направил свет фонаря прямо на его лицо и тотчас обернулся к помощнику пристава.

— Зарезанный! Кровь, как из барана.

— Ну, вот и хлопоты... — недовольно сказал помощник пристава.

Однако перед смертью Гвоздев успел рассказать о ночном происшествии.

А. Ф. Кони

ИВАН ДМИТРИЕВИЧ ПУТИЛИН

Начальник петербургской сыскной полиции Иван Дмитриевич Путилин был одной из тех даровитых личностей, которых умел искусно выбирать и не менее искусно держать в руках старый петербургский градоначальник Ф. Ф. Трепов. Прошлая деятельность Путилина, до поступления его в состав сыскной полиции, была, чего он сам не скрывал, зачастую весьма рискованной в смысле законности и строгой морали; после ухода Трепова из градоначальников отсутствие надлежащего надзора со стороны Путилина за действиями некоторых из подчиненных вызвало большие на него нарекания. Но в то время, о котором я говорю (1871—1875 гг.), Путилин не распускал ни себя, ни своих сотрудников и работал над своим любимым делом с несомненным желанием оказывать действительную помощь трудным задачам следственной части. Этому, конечно, способствовало в значительной степени и влияние таких людей, как, например, Сергей Филиппович Христианович, занимавший должность правителя канцелярии градоначальника. Отлично образованный, неподкупно честный, прекрасный юрист и большой знаток народного быта и литературы, близкий друг И. Ф. Горбунова, Христианович был по личному опыту знаком с условиями и приемами производства следствий. Его указания не могли пройти бесследно для Путилина. В качестве опытного пристава следственных дел Христианович призывался для совещания в комиссию по составлению Судебных уставов. Этим уставам служил он как правитель канцелярии градоначальника, действуя при пересечении двух путей — административного усмотрения и судебной независимости, — как добросовестный, чуткий и опытный стрелочник, устраняя искусной рукой, с тактом и достоинством, неизбежные разногласия, могшие перейти в резкие столкновения, вредные для роста и развития нашего молодого, *нового* суда. На службе этим же уставам, в качестве члена Петербургской судебной палаты, окончил он свою не шумную и не блестящую, но истинно полезную жизнь. Близкое знакомство с таким человеком и косвенная от него служебная зависимость не могли не удерживать Путилина в строгих рамках служебного долга и нравственного приличия.

По природе своей Путилин был чрезвычайно даровит и как бы создан для своей должности. Необыкновенно тонкое внимание и

чрезвычайная наблюдательность, в которой было какое-то особое чутье, заставлявшее его вглядываться в то, мимо чего все проходили безучастно, соединялись в нем со спокойной сдержанностью, большим юмором и своеобразным лукавым добродушием. Умное лицо, обрамленное длинными густыми бакенбардами, проницательные карие глаза, мягкие манеры и малороссийский выговор были характерными наружными признаками Путилина. Он умел отлично рассказывать и еще лучше вызывать других на разговор и писал недурно и складно, хотя место и степень его образования были, по выражению И. Ф. Горбунова, «покрыты мраком неизвестности». К этому присоединялась крайняя находчивость в затруднительных случаях, причем про него можно было сказать, «qu'il connaissait son monde»¹, как говорят французы. По делу о жестоком убийстве для ограбления купца Бояринова и служившего у него мальчика он разыскал по самым почти неуловимым признакам заподозренного им мешанина Богрова, который, казалось, доказал свое alibi (инобытность) и самоуверенной усмешечкой согласился поехать с Путилиным к себе домой, откуда все было им уже тщательно припрятано. Сидя на извозчике и мирно беседуя, Путилин внезапно сказал: «А ведь мальчишка-то жив!» — «Неужто жив?» — не отдавая себе отчета, воскликнул Богров, утверждавший, что никакого Бояринова знать не знает, — и сознался...

В Петербурге в первой половине семидесятых годов не было ни одного большого и сложного уголовного дела, в розыск по которому Путилин не вложил бы своего труда. Мне пришлось наглядно ознакомиться с его удивительными способностями для исследования преступлений в январе 1873 года, когда в Александро-Невской лавре было обнаружено убийство иеромонаха Иллариона. Илларион жил в двух комнатах отведенной ему кельи монастыря, вел замкнутое существование и лишь изредка принимал у себя певчих и поил их чаем. Когда дверь его кельи, откуда он не выходил два дня, была открыта, то вошедшим представилось ужасное зрелище. Илларион лежал мертвый в огромной луже запекшейся крови, натекашей из множества ран, нанесенных ему ножом. Его руки и лицо носили следы борьбы и порезов, а длинная седая борода, за которую его, очевидно, хватал убийца, нанося свои удары, была почти вся вырвана, и спутанные, обрызганные кровью клочья ее валялись на полу в обеих комнатах. На столе стоял самовар и стакан с остатками недопитого чая. Из комода была похищена сумка с золотыми монетами (отец Илларион плавал за границей на судах в качестве иеромонаха). Убийца искал деньги между бельем и тщательно его пересмотрел, но, дойдя до газетной бумаги, которой обыкновенно покрывается дно ящиков в комодах, ее не приподнял, а под ней-то и лежали процентные бумаги на большую сумму. На столе у входа стоял медный подсвечник, в виде довольно глубокой чашки с невысоким

¹ Что он знал свой мир (фр.).

помещением для свечки посередине, причем от сгоревшей свечки остались одни следы, а сама чашка была почти на уровень с краями наполнена кровью, ровно застывшею без всяких следов брызг.

Судебные власти прибыли на место как раз в то время, когда в соборе совершалась торжественная панихида по Сперанском — в столетие со дня его рождения. На ней присутствовали государь и весь официальный Петербург. Покуда в соборе пели чудные слова заупокойных молитв, в двух шагах от него, в освещенной зимним солнце келье, происходило вскрытие трупа несчастного старика. Состояние пищи в желудке дало возможность определить, что покойный был убит два дня назад вечером. По весьма вероятным предположениям, убийство было совершено кем-нибудь из послушников, которого старик пригласил пить чай. Но кто мог быть этот послушник, выяснить было невозможно, так как оказалось, что в монастыре временно проживали, без всякой прописки, послушники других монастырей, причем они уходили совсем из лавры, в которой проживал сам митрополит, не только никому не сказавшись, но даже, по большей части, проводили ночи в городе, перелезая в одном специально приспособленном месте через ограду святой обители.

Во время составления протокола осмотра трупа приехал Путин. Следователь сообщил ему о затруднении найти обвиняемого. Он стал тихонько ходить по комнатам, посматривая туда и сюда, а затем, задумавшись, стал у окна, слегка барабанив пальцами по стеклу. «Я пошлю, — сказал он мне затем вполголоса, — агентов (он выговаривал *ахентов*) по пригородным железным дорогам. Убийца, вероятно, кутит где-нибудь в трактире, около станции». «Но как же они узнают убийцу?» — спросил я. «Он ранен в кисть правой руки», — убежденно сказал Путин. «Это почему?» — «Видите этот подсвечник? На нем очень много крови, и она натекла не брызгами, а ровной струей. Поэтому это не кровь убитого, да и натекла она после убийства. Ведь нельзя предположить, чтобы напавший резал старика со свечкой в руках: его руки были заняты — в одной был нож, а другою, как видно, он хватал старика за бороду». — «Ну, хорошо. Но почему же он ранен в *правую* руку?» — «А вот почему. Пожалуйста сюда к комоду. Видите: убийца тщательно перерыл все белье, отыскивая между ним спрятанные деньги. Вот, например, дюжина полотенец. Он внимательно переворачивал каждое, как перелистывают страницы книги, и видите — на каждом свернутом полотенце снизу — пятно крови. Это правая рука, а не левая: при переворачивании левой рукой пятна были бы сверху...»

Поздно вечером, в тот же день, мне дали знать, что убийца арестован в трактире на станции Любань. Он оказался раненым в ладонь *правой* руки и расплачивался золотом. Доставленный к следователю, он сознался в убийстве и был затем осужден присяжными заседателями, но до отправления в Сибирь сошел с ума.

Ему, несчастному, в неистовом бреду все казалось, что к нему лезет о. Илларион, угрожая и проклиная...

Путилин был очень возбужден и горд успехом своей находчивости. У судебного следователя, в моем присутствии, пустился он с увлечением в рассказы о своем прошлом. Вот что приблизительно, как записано в моем дневнике, он нам рассказал тогда. «Настоящее дело заурядное, да теперь хороших дел и не бывает; так все — дрянно какое-то. И преступники настоящие перевелись — ничего нет лестного их ловить. Убьет и сейчас же сознается. Да и воров настоящих нет. Прежде, бывало, за вором следишь да за жизнь свою опасаясь: он хоть только и вор, а потачки не даст! Прежде вор был видный во всех статьях, а теперь что? — жалкий, плюгавый! *Ваш* суд его осудит, и он отсидит свое, — ну, затем вышлют его на родину, а он опять возвращается. Они ведь себя сами «Спиридонами-поворотами» называют. Мои агенты на железной дороге его узнают, задержат да и приведут ко мне: голодный, холодный, весь трясется, — посмотреть не на что. Говоришь ему: «Ты ведь, братец, вор». — «Что ж, Иван Дмитриевич, греха нечего таить — вор». — «Так тебя следует выслать». — «Помилюйте, Иван Дмитриевич!» — «Ну какой ты вор?! Вор должен быть из себя видный, рослый, одет по-почтенному, а ты? Ну, посмотри на себя в зеркало — ну какой ты вор? Так, мразь одна». — «Что ж, Иван Дмитриевич, Бог счастья не дает. Уж не высылайте, сделайте божескую милость, позвольте покормиться». — «Ну, хорошо, неделю погуляй, покормись, а через неделю, коли не попадешься до тех пор, вышло: тебе здесь действовать никак невозможно...» То ли дело было прежде, в сороковых да пятидесятых годах. Тогда над Апраксиным рынком был частный пристав Шерстобитов — человек известный, ума необыкновенного. Сидит, бывало, в штофном халате, на гитаре играет романсы, а канарейка в клетке так и заливается. Я же был у него помощником, и каких мы с ним дел не делали, даже вспомнить весело! Раз зовет он меня к себе, да и говорит: «Иван Дмитриевич, нам с тобою, должно быть, Сибири не миновать!» — «Зачем, — говорю, — Сибирь?» — «А затем, — говорит, — что у французского посла, герцога Монтебелло, сервиз серебряный пропал, и государь император Николай Павлович приказал обер-полицеймейстеру Галахову, чтобы был сервиз найден. А Галахов мне да тебе велел найти во что бы то ни стало, а то, говорит, я вас обоих упеку куда Макар телят не гонял». — «Что ж, — говорю, — Макаром загодя стращать, попробуем, может, и найдем». Перебрали мы всех воров — нет, никто не крал! Они и промеж себя целый сыск произвели получше нашего. Говорят: «Иван Дмитриевич, ведь мы знаем, какое это дело, но вот образ со стены готовы снять — не крали этого сервиза!» Что ты будешь делать! Побились мы с Шерстобитовым, побились, собрали денег, сложились да и заказали у Сазикова новый сервиз по тем образцам и рисункам, что у французов остались. Когда сервиз был готов, его сейчас в пожарную команду, сервиз-то... — чтобы его там гу-

бами ободрали: пусть имеет вид, как бы был в употреблении. Представили мы сервиз французам и ждем себе награды. Только вдруг зовет меня Шерстобитов. «Ну, — говорит, — Иван Дмитриевич, теперь уж в Сибирь всенепременно». — «Как, — говорю, — за что?» — «А за то, что звал меня сегодня Галахов и ногами топал и скверными словами ругался. «Вы, — говорит, — с Путилиным плуты, ну и плутуйте, а меня не подводите. Вчера на бале во дворце государь спрашивает Монтебелло: «Довольны ли вы моей полицией?» — «Очень, — отвечает, — ваше величество, доволен: полиция эта беспримерная. Утром она доставила мне найденный ею украденный у меня сервиз, а накануне поздно вечером камердинер мой сознался, что этот же самый сервиз заложил одному иностранцу, который этим негласно промышляет, и расписку его мне представил, так что у меня теперь будет два сервиза». Вот тебе, Иван Дмитриевич, и Сибирь!» — «Ну, — говорю, — зачем Сибирь, а только дело скверное». Поиграл он на гитаре, послушали мы оба канарейку да и решили действовать. Послали узнать, что делает посол. Оказывается, уезжает с наследником-цесаревичем на охоту. Сейчас же к купцу знакомому в Апраксин, который ливрей шил на посольство и всю ихнюю челядь знал. «Ты, мил-человек, когда именинник?» — «Через полгода». — «А можешь ты именины справить через два дня и всю прислугу из французского посольства пригласить, а угощение будет от нас?» Ну, известно, *свои люди*, согласился. И такой-то мы у него бал задали, что небу жарко стало. Под утро всех развозить пришлось по домам: французы-то совсем очумели, к себе домой-то попасть никак не могут, только мычат. Вы только, господа, пожалуйста, не подумайте, что в вине был дурман или другое какое снадобье. Нет, вино было настоящее, а только французы слабый народ: крепкое-то на них и действует. Ну-с, а часа в три ночи пришел Яша-вор. Вот человек-то был! Душа! Сердце золотое, незлобивый, услужливый, а уж насчет ловкости, так я другого такого не видывал. В остроге сидел бессменно, от нас доверием пользовался в полной мере. Не теперешним ворам чета был. Царство ему небесное! Пришел и мешок принес: вот, говорит, извольте сосчитать, кажись, все. Стали мы с Шерстобитовым считать: две ложки с вензелями лишних. «Это, — говорим, — зачем же, Яша? Зачем ты лишнее брал?» — «Не утерпел», — говорит... На другой день поехал Шерстобитов к Галахову и говорит: «Помилуйте, ваше высокопревосходительство, — никаких двух сервизов и не бывало. Как был один, так и есть, а французы народ ведь легкомысленный, им верить никак невозможно». А на следующий день затем вернулся и посол с охоты. Видит — сервиз один, а прислуга вся с перепою зеленая да вместо дверей в косяк головой тычется. Он махнул рукой да об этом деле и замолк».

«Иван Дмитриевич, — сказал я, выслушав этот рассказ, — а не находите вы, что о таких похождениях, может быть, было бы удобнее умалчивать? Иной ведь может подумать, что вы и до сих

пор действуете по-шерстобитовски...» — «Э-э-эх! Не те теперь времена, и не такое мое положение, — отвечал он. — Знаю я, что похождения мои с Шерстобитовым не совсем-то удобны, да ведь давность прошла, и не одна, а, пожалуй, целых три. Ведь и Яши-то вора — царство ему небесное! — лет двадцать как в живых уж нет».

Впервые напечатано в «Русской старине» (1907, № 12). Печатается по изданию: А. Ф. Кони. Собрание сочинений, т. I. Из записок судебного деятеля. Москва, «Юридическая литература», 1966.

СОДЕРЖАНИЕ

ИВАН ДМИТРИЕВИЧ ПУТИЛИН (Биографический очерк)	3
РАССКАЗЫ	8
УБИВЕЦ	10
УБИЙСТВО КНЯЗЯ ЛЮДВИГА ФОН АРЕНСБЕРГА, ВОЕННОГО АВСТРИЙСКОГО АГЕНТА	13
БЕЗУМНАЯ МЕСТЬ	33
ПОЛКОВНИЦА	55
ПАЛАЧ	58
ДУШИТЕЛИ	67
ПАРГОЛОВСКИЕ ЧЕРТЫ	96
УДАЧНЫЙ РОЗЫСК	112
СОБЛАЗНЕННЫЕ	120
ДЕЗЕРТИР	128
РАЗБОЙНИКИ	142
НЕДОРАЗУМЕНИЕ	146
НА СТРУНКЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ	154
ВЕЩИЙ СОН ПОД РОЖДЕСТВО	167
СТРАШНОЕ ДЕЛО КРОВАВОЙ КРАСАВИЦЫ	173
РОКОВАЯ ПОЕЗДКА	186
ЧЕЛОВЕК-САТАНА	191
УБИЙСТВО ПОД СЕНЬЮ СВЯТОЙ ОБИТЕЛИ	196
КРОВАВЫЙ МИЛЛИОН	206
БЕЗУМНАЯ МЕСТЬ	213
УБИЙСТВО В ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ	232
ТРАГЕДИЯ В МОРСКОМ КОРПУСЕ	236
СТРАШНЫЙ БАГАЖ	248
ПЬЯНЫЙ ЗВЕРЬ	254
НАПРАСНАЯ КРОВЬ	259
А. Ф. Кони. ИВАН ДМИТРИЕВИЧ ПУТИЛИН	263

РУССКИЙ СЫЩИК И. Д. ПУТИЛИН

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
РАСКРЫТЫЕ НАЧАЛЬНИКОМ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ
СЫСКОЙ ПОЛИЦИИ И. Д. ПУТИЛИНЫМ**

Том 1

Редактор И. Шурыгина

Художественный редактор И. Марев

Технический редактор Г. Шитоева

Корректор В. Антонова

ЛР № 030129 от 23.10.96 г.

Подписано в печать 09.04.97 г.

Уч.-изд. л. 16,82. Цена 18 000 р.

Цена для членов клуба 16 300 р.

Издательский центр «ТЕРРА».

113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.

Оригинал-макет подготовлен ТОО «Макет».

141700, Московская обл., г. Долгопрудный,

ул. Первомайская, 21.

**В Издательском центре «Терра»
в серии «Тайны истории в романах,
повестях и документах»
вышла в свет:**

Лот № 351
В. В. Юнак
ДАНЬ КРОВЬЮ

Роман В. В. Юнака, югослависта по образованию, посвящен самому трагическому периоду в истории Балканских государств — XIV веку н. э. Молодой автор умеет не только увлечь читателя захватывающими описаниями батальных сцен, но и заставить его сопереживать героям, жившим в эпоху кровавых междоусобиц. Роман многое объясняет и в сегодняшних событиях в Югославии.

Цена 17 400 р.

*Книги можно заказать по адресу:
109033, Москва, а/я 66.*

В открытке не забудьте указать название книги, количество экземпляров и ваш адрес (обязательно с почтовым индексом).

*Книги издательства «ТЕРРА»
можно купить в магазинах по адресу:*

113399, Москва, ул. Мартеновская, 9/13,
«ТЕРРА»—книжный клуб» № 1.
Тел. 304-57-98, 304-61-13

113216, Москва, б-р Дмитрия Донского, 14 б,
«ТЕРРА»—книжный клуб» № 2.
Тел. 712-34-54

123022, Москва, ул. Красная Пресня, 29,
«ТЕРРА»—книжный клуб» № 3.
Тел. 252-03-50

129110, Москва, пр. Мира, 79, стр. 1,
«ТЕРРА»—книжный клуб» № 4.
Тел. 281-81-01

*или заказать по адресу:
109033, Москва, а/я 66.*

ТАЙНЫ

Иван Дмитриевич Путилин (1830—1893)— гений сыска прошлого века — свой путь в «большой» сыск начинал с младшего помощника квартального надзирателя на рынке. На этой должности он проявил такие способности и смелость при поимке опасных преступников, что удостоился ордена Святого Станислава 3-й степени. С этого момента начинается его головокружительная карьера. В 36 лет он возглавляет сыскную полицию Санкт-Петербурга. Вот как отзывался о «русском Пинкертоне» известный петербургский адвокат А. Кони: «Не было ни одного большого и сложного дела в розыске, по которому Путилин не вложил бы своего труда».

До нас дошли его воспоминания, рассказывающие о сыскных делах, о быте и нравах русского общества прошлого века.

ИСТОРИИ

в романах, повестях и документах